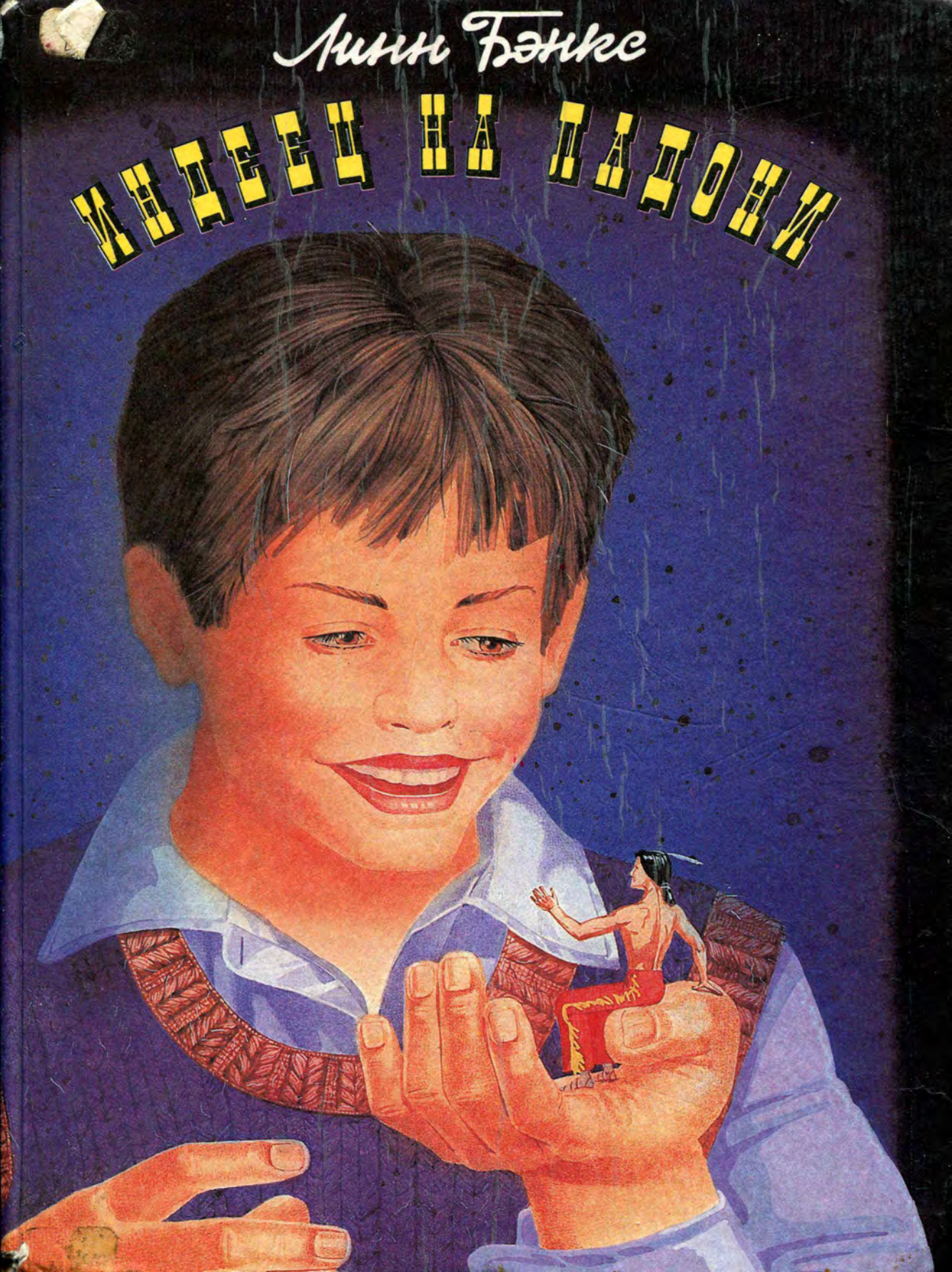
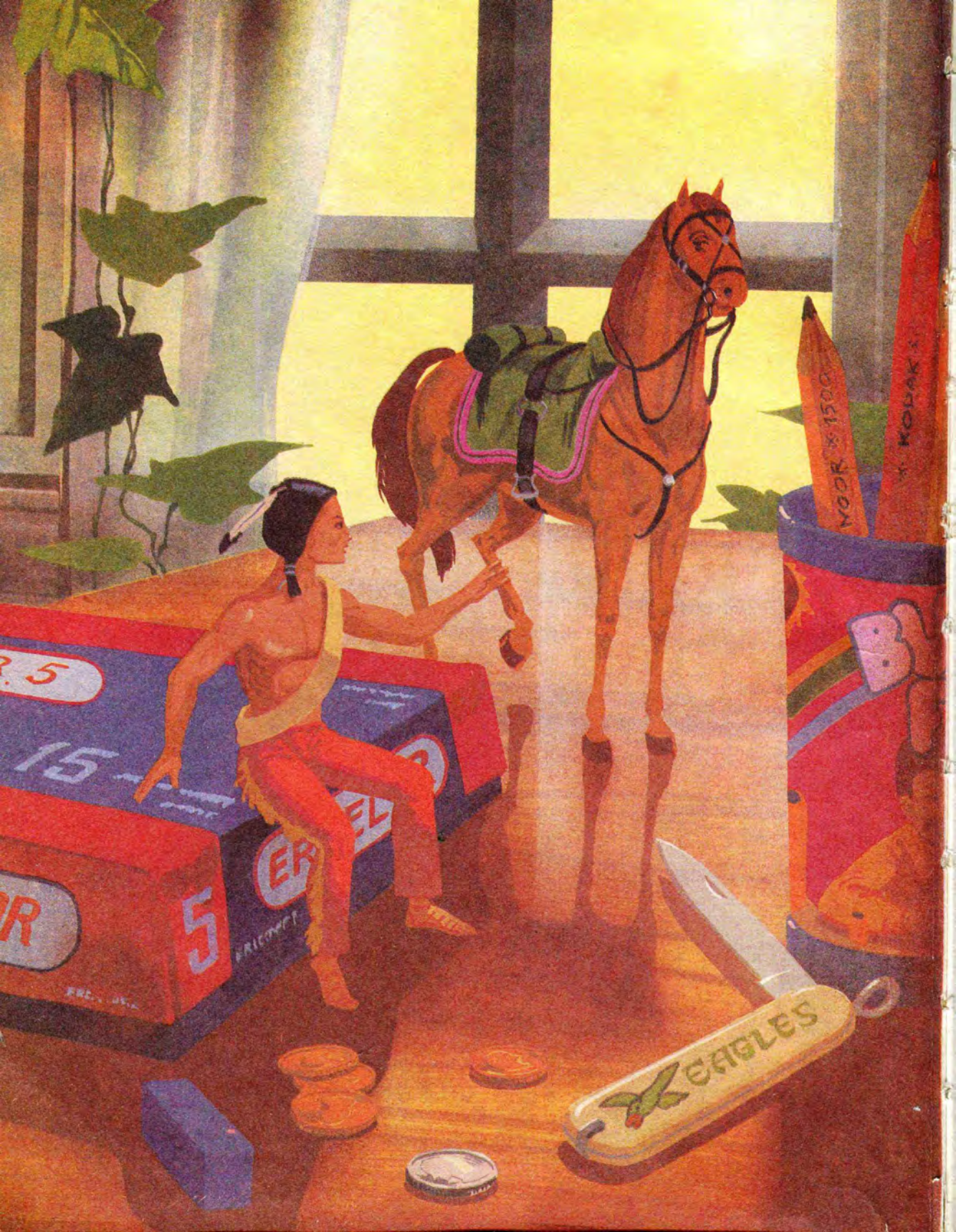
Линн Бэнкс

Индеец на ладони

Издательство «Дом» благодарит Линн Бэнкс
за предоставленную возможность
познакомить наших юных читателей
с ее замечательными книгами.

MOOR
1500
KODAK
EAGLES

Линн Бэнкс

ИНДЕЕЦ НА ЛАДОНИ

Сказочная повесть

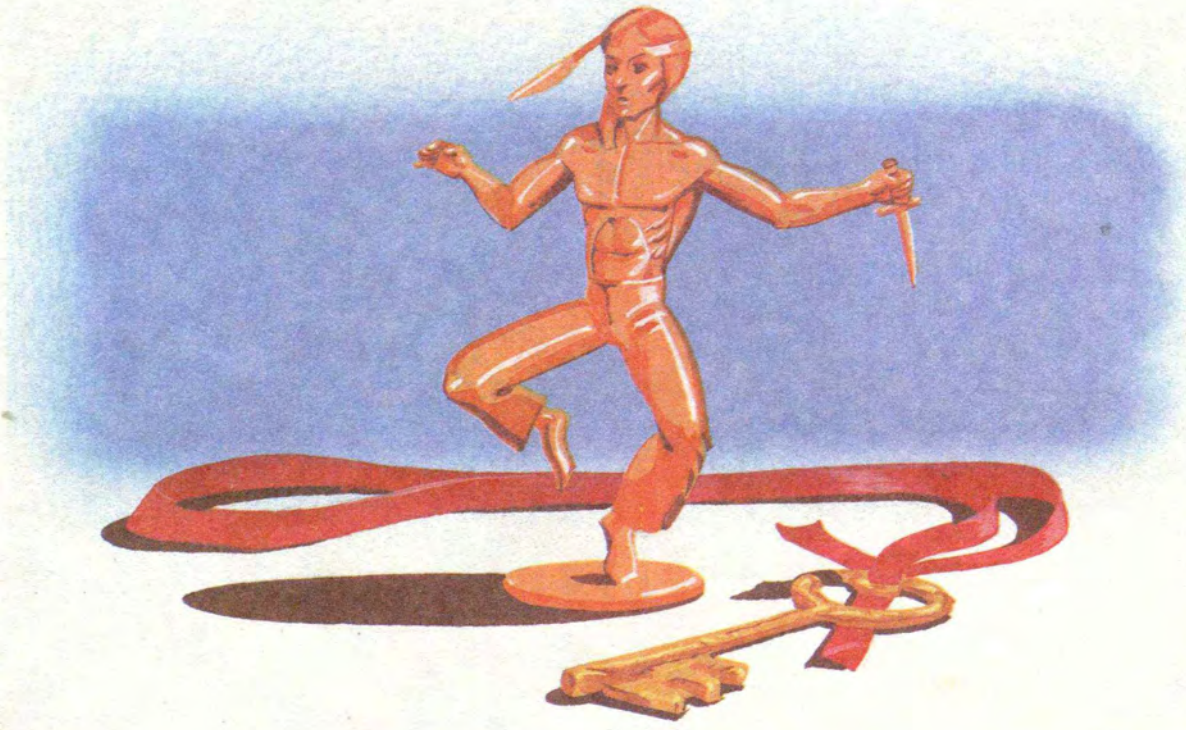

Иллюстрации
А.Г. ВОРОБЬЕВА

Саратовская
областная библиотека для детей
и юношества им. А. С. Пушкина

Москва «Дом» 1994

Посвящается Омри и другим ребятам

ГЛАВА 1
ПОДАРОК

Не то чтобы Омри не оценил подарка, который принес ему Патрик. Вовсе нет. Он даже в какой-то степени был растроган. Без сомнения, Патрик — молодец, что вообще подарил Омри хоть что-нибудь ко дню рождения. Сгодилась бы любая вещь, но ведь не пластмассовый же индеец, с которым сам Патрик давно уже не играл!

Омри тоже порядком надоело играть с маленькими пластмассовыми фигурками, которых у него было полным-полно — то ли две, то ли три большие коробки из-под печенья, если их все сложить туда. Но вместе они никогда не лежали. Они валялись повсюду: в ванной, в кухне, в столовой, не говоря уже о комнате Омри, и даже в саду. Куча компоста в дальнем углу сада была полна солдатиков, которых мама без всякого к ним уважения засыпала листьями каждую осень.

Омри и Патрик провели вместе много времени, играя пластмассовыми фигурками. Но в конце концов им стало скучно, и больше в них играть никому не хотелось.

И поэтому когда Патрик в день рождения Омри принес другу свой подарок, тот был здорово раздосадован, но пытался скрыть огорчение, хотя это ему удавалось с большим трудом.

— Он нравится тебе, правда? — спрашивал Патрик Омри, молча державшего индейца в руке.

— Игрушка что надо, — отвечал Омри, делая вид, что доволен. — У меня раньше не было индейцев.

— Я знаю, — ответил Патрик. — Но у меня нет и ковбоев, поэтому мне неинтересно играть с одним индейцем, у него нет компании.

Омри открыл было рот, чтобы сказать, что он тоже не сможет играть с ним, но, подумав, что может обидеть Патрика, ничего не сказал и, положив индейца в карман, забыл про него.

Вечером вся семья собралась за чаем, и Омри возбужденно разглядывал подарки, которые получил от родителей и двух старших братьев. Мама с папой подарили ему скейт с запасными колесами — это была его давняя мечта, — а старший брат Адель — шлем. Джиль, его второй брат, ничего не мог купить, потому что

у него совершенно не было денег (свои карманные он вынужден был истратить после незначительного происшествия, связанного с велосипедом отца). Поэтому Омри был крайне удивлен, когда Джиль тоже протянул ему подарок — что-то большое, небрежно завернутое в коричневую бумагу и перетянутое шнурком.

— Что это?

— Посмотри, я нашел на аллее.

Аллеей назывался узкий проход, который шел вдоль сада к тому месту, где стояли мусорные баки. Мальчишки частенько играли там и иногда находили настоящие сокровища, которые кто-то из соседей — возможно, более состоятельный — безжалостно выбрасывал. Поэтому пока Омри разрывал бумагу, он умирал от любопытства.

Внутри оказался белый металлический шкафчик с зеркальной дверью. Такую вещицу можно увидеть в какой-нибудь старомодной квартире над раковиной в ванной.

Вы можете подумать, что Омри разочаровался — ведь это был самый обычный шкафчик, к тому же совсем пустой: кроме полки, в нем ничего не было. Но, как ни странно, Омри остался очень доволен. Он обожал всякие шкафчики и любил хранить в них свои богатства. По правде говоря, он не был очень аккуратным мальчиком, но свои вещички любил расставлять и раскладывать по шкафчикам и коробочкам, чтобы потом, когда придет время, найти все в том порядке, как он сам оставил.

— Если бы он еще и запирался... — размечтался Омри.

— Мог бы сначала сказать «спасибо», а уж потом делать замечания, — обиделся Джиль.

— Посмотри, Омри, на дверке замочек, — сказала мама. — А у меня есть целая связка ключей. Почему бы тебе не попробовать маленькие ключики, вдруг какой-нибудь подойдет?

Почти все ключи в связке были слишком большие, но штук шесть оказались как раз нужного размера. Все они не представляли собой ничего особенного. И только один ключик выделялся своей необычной резьбой. И висел он, в отличие от других, на красной ленточке. Омри решил попробовать его самым последним. Когда наконец он убедился, что ни один из ключей не подходит к замочку, он взял в руки ключик со странной головкой и осторожно вставил его в отверстие. Он очень надеялся, что ключик повернется, и жалел, что зря загадал хорошо написать диктант в тот момент, когда резал праздничный торт, зря потратил желание на

такую чепуху. Теперь он закрыл глаза и страстно пожелал, чтобы ключик повернулся и превратил подарок Джиля в секретный шкафчик... а диктант — диктант он все равно как-нибудь напишет.

Ключик плавно повернулся в замке. Дверь закрылась. Замок действовал.

— Мам, подошел!

— Правда? Какой же? — Мама подошла взглянуть. — Вот этот?! Как странно. Моя бабушка открывала им шкатулку, которую привезла из Флоренции. В ней она хранила свои драгоценности. Шкатулка была из красной кожи и в конце концов вся разорвалась и развалилась, но ключик бабушка сохранила и отдала мне. Она умерла совсем бедной, моя дорогая бабушка. Она очень горевала, что может оставить мне в наследство только вот этот ключик от шкатулки. Я заверила бабушку, что этот ключик мне дороже всех драгоценностей на свете, продела в него красную ленточку, повесила на шею и сказала, что буду всегда носить ключик и помнить ее. Я действительно долго носила его, а потом ленточка перетерлась, и ключик чуть не потерялся.

— Надо было носить его на цепочке, — сказал Омри.

Мама посмотрела на него.

— Ты прав, — согласилась она. — Я должна была поступить именно так, но почему-то не сделала этого. А теперь ключик твой. Пожалуйста, береги его, договорились?

Омри поставил шкафчик в свою комнату и, открыв дверцу, задумался над тем, что бы туда положить.

— По-моему, это шкафчик для лекарств, — сказал Джиль. — Ты можешь хранить в нем капли от насморка.

— Вот еще! И потом, нет у меня никакого насморка!

— Почему бы не поставить туда вот это? — предложила мама и раскрыла ладонь. У нее в руке лежал индеец. — Я нашла его, когда стирала твои брюки.

Омри осторожно поставил индейца на полку.

— Ты собираешься закрыть шкафчик? — спросила мама.

— Да. И запереть на ключ, — ответил Омри.

Он запер дверь шкафчика и поцеловал маму. Мама выключила свет и вышла. Омри лежал в темноте, глядел на шкафчик и радовался. Он уже было задремал, но неожиданно открыл глаза: ему показалось, что он слышит какую-то возню в шкафчике. Но нет, все было тихо. Глаза Омри снова закрылись, и он уснул.

Утром сомнения рассеялись, потому что проснулся Омри как

раз от шума в шкафчике. Какое-то время мальчик лежал неподвижно, глядя на зеркальную дверцу шкафчика, из-за которой доносились необычные звуки: топоток, стук, царапанье и даже что-то похожее на тонкий человеческий голос. Что и говорить, Омри испугался. А кто бы на его месте не испугался? Без сомнения, в шкафчике был кто-то живой! Набравшись храбрости, Омри протянул руку, дотронулся до шкафчика и потянул дверь на себя. Она была плотно закрыта. Пока он тянул, шкафчик слегка качнулся. Шум внутри немедленно прекратился. Неужели ему показалось? Все было тихо. Наконец Омри решился: он осторожно повернул ключ в замке и открыл дверь.

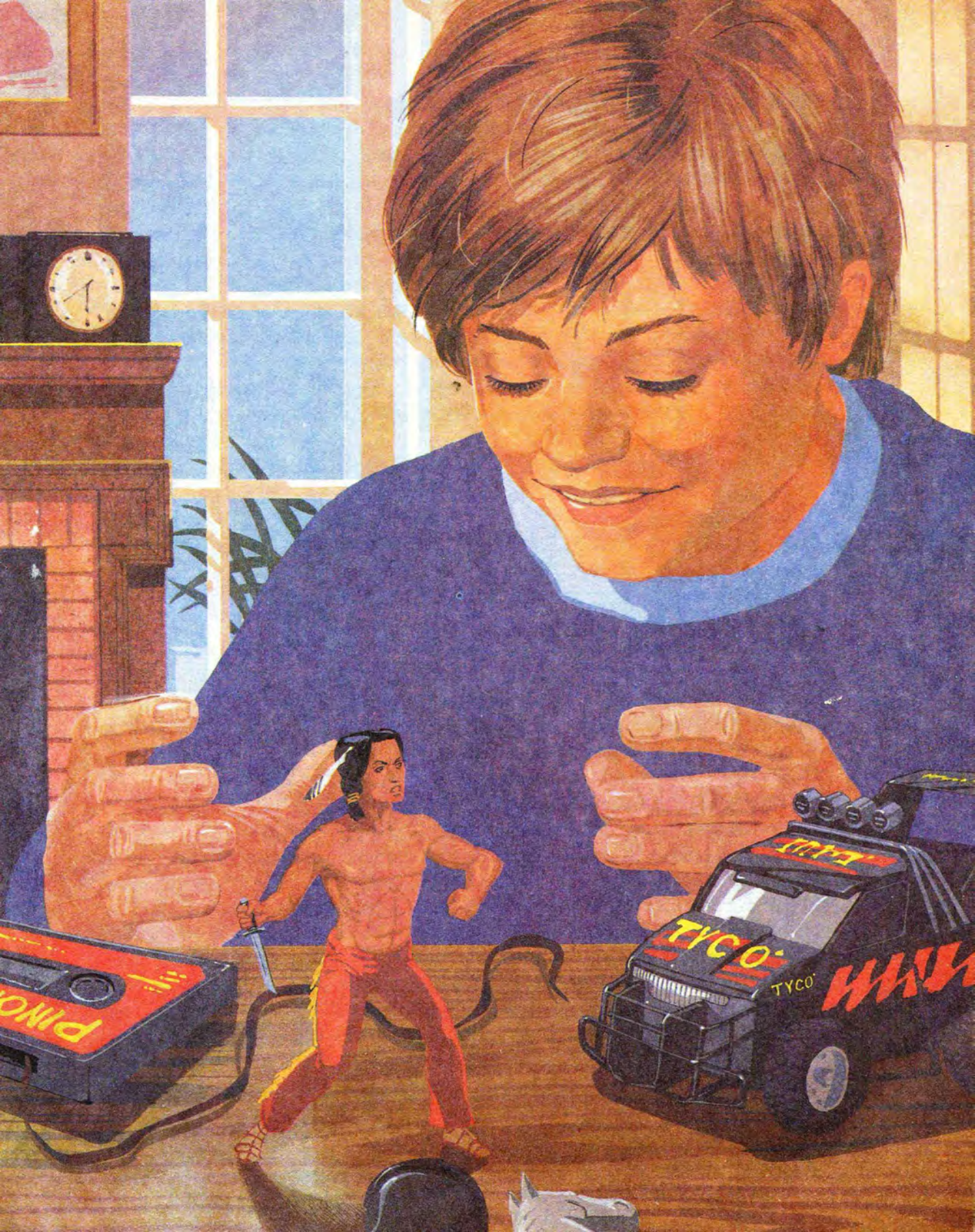
Индейца на полке не было. Он исчез.

Омри резко поднялся и сел на кровати, пристально вглядываясь в темные углы шкафчика. И вдруг он увидел его. Пластмассовый индеец не стоял, как прежде, на полке, а оказался в самом низу шкафчика, в дальнем углу. Согнувшись, он явно прятался там, в темноте. И он был живой.

Омри понял это сразу, как только взглянул на него. Прежде всего он заметил, что индеец тяжело дышал, хотя и пытался стоять неподвижно и не шуметь. Омри сам был в таком же состоянии несколько минут назад. Обнаженные загорелые плечи индейца поднимались и опускались. Единственное перо, которое украшало его голову, слегка дрожало, выдавая волнение краснокожего. Как только Омри наклонился, чтобы получше разглядеть маленькую согнутую фигурку, индеец резко выпрямился и его рука метнулась к поясу, а потом он снова замер, сжимая в кулаке маленький блестящий нож.

Ни Омри, ни индеец не шевелились целую минуту, а то и больше. Оба едва дышали. Глаза у индейца были черные, злые и испуганные, а рот слегка приоткрыт: Омри видел белую полоску зубов. Индеец стоял, прижавшись спиной к стенке шкафчика, скованный ужасом и в то же время готовый к бою.

Первое, что пришло Омри в голову, когда он оправился от потрясения, — было позвать родителей и братьев. Но что-то остановило его. Может быть, он испугался, что, если отвернется от индейца хоть на минуту, тот исчезнет или опять станет простой пластмассовой игрушкой, а прибежавшие взрослые будут смеяться над Омри и говорить, что он все выдумал? Может быть. Но у Омри была еще одна причина никого не звать. Если происходящее и вправду не сон и индеец ожил, то это — самое замечательное

TYCO
TYCO

событие в жизни Омри, которое он, конечно, хотел бы пока сохранить в тайне. Потом он подумал, что надо взять индейца в руку. Омри вовсе не собирался пугать его, но ведь должен же он был дотронуться до этого человечка. Он медленно протянул к индейцу ладонь. Индеец как-то странно подпрыгнул. Его черные волосы взвились, бахрома на штанах взметнулась. Нож, поднятый над головой, блеснул. Индеец громко крикнул — удивительно громко для его крохотного роста. Омри даже вздрогнул от неожиданности. Через секунду он вздрогнул опять: ему в палец глубоко вонзился маленький нож, и на месте пореза тут же выступила капля крови.

Омри торопливо сунул палец в рот, думая о бесстрашии индейца, который без колебаний бросился на бледнолицего гиганта. Теперь индеец стоял на белом металлическом полу шкафчика, широко расставив ноги в мокасинах и держа свое оружие наготове; его грудь вздымалась, а глаза яростно сверкали. Омри ощутил прилив восторга.

— Я не обижу тебя, — сказал мальчик. — Я только хочу познакомиться с тобой.

Индеец открыл рот и излил целый поток слов, ни одного из которых Омри не понял.

— Разве ты не знаешь английского? — спросил Омри. — Все индейцы в фильмах говорят по-английски.

А вдруг индеец не понимает его? Вот ужас-то! Как же они будут разговаривать друг с другом?

Индеец опустил нож.

— Моя говорить, — буркнул он.

Омри вздохнул с облегчением. Как хорошо!

— Послушай, я не знаю, почему ты ожил, может, это как-то связано со шкафчиком, а может, с ключиком, какая разница?.. Теперь ты здесь, и я очень-очень рад. Я не сержусь на тебя за то, что ты ударил меня ножом, только, пожалуйста, разреши взять тебя в руки! Ты ведь все-таки мой индеец! — закончил он просительным тоном.

Омри постарался произнести свою речь на одном дыхании, очень быстро, пока индеец смотрел на него. Нож опустился еще ниже, но индеец ничего не ответил.

— Ну, можно? Скажи же что-нибудь! — торопил его Омри.

— Твоя говорить медленно, — наконец изрек миниатюрный человечек.

— А-а, — понимающе протянул Омри, а затем едва ли не по слогам повторил: — Разреши — мне — взять — тебя — в руки!

Нож вновь взметнулся вверх, и индеец решительно ответил:

— Нет!

— Ну пожалуйста!

— Твоя — трогать, моя — убивать! — воскликнул краснокожий.

Если вы думаете, что Омри засмеялся, услышав эту наивную угрозу, исходящую от существа росточком с его указательный палец, то вы ошибаетесь. Омри не засмеялся. Он даже и не думал смеяться. Ведь этот индеец вел себя так храбро! И несмотря на то, что он был маленький, а Омри — большой, мальчик чувствовал к нему огромное уважение и (да-да, не удивляйтесь!) немного побаивался его.

— Ну ладно. Тогда не буду. Не надо злиться. Я не собираюсь обижать тебя.

Индеец выглядел несколько обескураженным. Тогда Омри, желая выразиться как можно более понятно, сказал:

— Моя не трогать твоя.

— Твоя ходить ближе — моя убивать! — быстро предостерег индеец.

Все это время Омри полулежал в кровати. Теперь же он медленно поднялся. У него неистово колотилось сердце. Он не мог понять, почему так осторожничает. Боялся ли он индейца или попросту не хотел пугать его? Он очень хотел, чтобы вошел кто-нибудь из братьев... или лучше отец... Но никто не входил.

Стоя босиком на полу, он взял шкафчик в руки и осторожно развернул его дверцей к окну. Омри старался быть поаккуратнее, однако шкафчик чуть наклонился, и индеец упал. Впрочем, в следующую секунду он был уже на ногах и нож так и не выхватил.

— Прости, — сказал Омри.

Человечек что-то буркнул в ответ. Больше они не разговаривали. Омри смотрел на индейца, освещенного первыми лучами солнца. Он являл собой живописную картину: трехдюймового роста, с иссиня-черными волосами, заплетенными в косу и прихваченными на лбу разноцветной повязкой, с медно поблескивающим лицом и торсом. Одет он был в штаны, украшенные по швам бахромой и каким-то рисунком, узор которого нельзя было разобрать. От плеча наискосок через грудь шла яркая лента — что-то наподобие перевязи, а пояс был сделан из пестрых кусочков кожи.

Но самыми потрясающими оказались мокасины. Омри подумал, что неплохо бы найти увеличительное стекло и хорошенько разглядеть мельчайшие детали наряда индейца.

Мальчик как можно ближе наклонился к человечку, пытаясь рассмотреть его лицо. Он ожидал увидеть на нем боевую раскраску — но лицо индейца оказалось чистым.

Перо, которое прежде украшало голову краснокожего, выпало и лежало на дне шкафчика. Видимо, это произошло тогда, когда индеец потерял равновесие. Это было самое настоящее перо.

Неожиданно Омри спросил:

— Ты всегда был такой маленький?

— Моя не маленький. Это твоя слишком большой! — сердито крикнул индеец.

— Нет, я... — возразил было Омри, но вдруг осекся, услышав за дверью мамины шаги.

Индеец тоже услышал шум. Он замер. Омри знал, что в любую минуту в его комнату может войти мама, ведь она всегда заходит будить его. Омри наклонился и торопливо шепнул:

— Не волнуйся. Я скоро вернусь.

Он закрыл шкафчик и прыгнул назад в постель.

— Омри, пора вставать! — сказала мама. Она наклонилась, поцеловала его и, не обратив никакого внимания на шкафчик, ушла, оставив дверь в комнату открытой.

ГЛАВА 2
У ДВЕРЬ ЗАКРЫВАЕТСЯ

У Омри от волнения так тряслись руки, что он с трудом завязал шнурки и застегнул пуговицы. Ему не терпелось открыть шкафчик и взглянуть на индейца еще раз, но дверь в комнату была по-прежнему распахнута, родители и братья, как всегда по утрам, ходили туда-сюда, собираясь на работу и в школу, и если бы он прикрыл дверь, то все бы здорово удивились. Он решил заскочить к себе после завтрака, перед самым уходом, и еще немного поболтать с индейцем. Однако из этого ничего не вышло.

За завтраком произошла дурацкая ссора из-за того, что Адель взял последнее пирожное, и, хотя на столе было еще печенье и кекс, братья разозлились на него и так расшумелись, что мама потеряла всякое терпение. В результате все замешкались и выбежали из дома в последнюю минуту. Омри даже забыл взять плавки, а ведь был четверг, день, когда весь класс ходил в бассейн. Омри обожал плавать и делал это отлично, так что как только он вспомнил про плавки (на полпути в школу, когда возвращаться было уже поздно), он ужасно расстроился и в раздражении набросился на Аделя:

— Из-за тебя я пропущу занятия в бассейне!

И толкнул его... Короче говоря, братья опоздали в школу, да еще явились туда в довольно-таки неприглядном виде. Во время драки Омри, конечно же, не думал об индейце, он даже вовсе забыл про него, но стоило ему в классе встретиться глазами с Патриком, как он сразу все вспомнил. И больше ни на минуту не забывал.

Представляете, как Омри хотелось рассказать обо всем Патрику? Он то и дело посматривал на него и не мог удержаться от намеков.

— Твой подарок был самым лучшим.

Патрик удивился.

— Я думал, тебе подарили скейт.

— Да, подарили, но твой подарок мне нравится больше.

— Больше, чем скейт? Ты шутишь?

— Твой оказался интереснее.

Патрик пристально посмотрел на друга.

— Издеваешься?

— Вовсе нет.

Позже, когда они написали диктант и Омри получил три балла из возможных десяти, Патрик пошутил:

— Пластмассовый индеец написал бы лучше.

Омри ответил медленно, растягивая слова:

— Не думаю, что он может писать по-английски, он только говорит...

Он осекся. Патрик удивленно взглянул на него.

— Что?

— Ничего.

— Что ты сказал? Он говорит?

Омри боролся сам с собой. С одной стороны, он хотел сохранить все в тайне. Все равно Патрик не поверит ему. Но с другой стороны, ему не терпелось поделиться новостью. И в конце концов он открыл секрет:

— Да, этот индеец может говорить.

— Неужели? — сказал Патрик.

По тону было понятно, что он не верит Омри. Омри не стал его убеждать, и это заставило Патрика переспросить:

— Почему ты так сказал? Он что, разговаривает?

— Да, он умеет говорить.

— Слушай, кончай трепаться!

Патрик не верил.

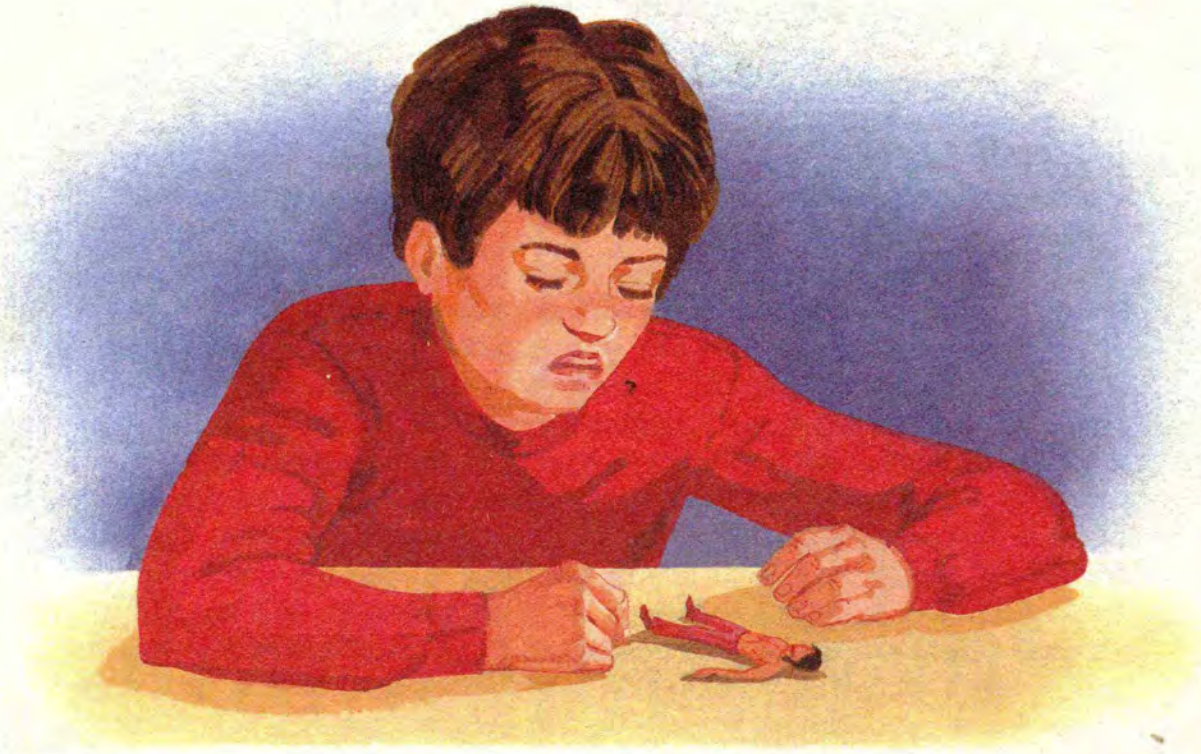
Но Омри и не подумал настаивать на своем. У него было такое чувство, скорее даже предчувствие, что если он расскажет об индейце, то с маленьким человечком случится что-нибудь плохое.

День шел своим чередом, и с каждой минутой Омри все больше и больше мечтал поскорее очутиться дома, увидеть индейца и убедиться, что с ним все в порядке. Мальчик думал о тех необыкновенных, прямо-таки огромных возможностях, которые открывались перед ним, владельцем живого, миниатюрного индейца.

После уроков Патрик предложил Омри покататься в школьном дворе на скейте. Несколько недель Омри только и мечтал об этом, но тогда у него не было скейта. Теперь скейт появился, и Патрик никак не мог понять, почему Омри отказывается от такого увлекательного занятия и торопится домой.

— Что это с тобой? Зачем тебе домой? Ведь еще рано.

— Я хочу поиграть с индейцем.

Патрик недоверчиво прищурил глаза.

— Возьми меня с собой.

Омри колебался. Нет, пожалуй, не стоит. Сначала он сам подружится с индейцем и только потом познакомит его с Патриком. Кроме всего прочего, на последнем уроке Омри вдруг сообразил, что если индеец и на самом деле живой, то ему нужна еда и многое другое. Эта мысль не давала Омри покоя. Он оставил индейца в запертом шкафчике, в темноте, голодного. Может быть, там недостаточно воздуха? Ведь дверь закрывается плотно. А что, если он... умер там? А вдруг Омри убил его? Вероятнее всего, индеец провел ужасный день, заключенный в шкафчик, как в тюрьму. При этой мысли Омри холодел от ужаса и беспокойства. Почему он позволил втянуть себя в глупую ссору, почему не ускользнул с завтрака и не удостоверился, что индеец жив-здоров?! Страх за судьбу маленького человечка сводил его с ума. Всю дорогу домой он бежал. Даже не поцеловав маму, он взлетел по лестнице, ворвался в свою комнату и упал на колени перед тумбочкой, на которой стоял шкафчик. Дрожащими руками Омри по-

вернул ключ и открыл дверку. Индеец неподвижно лежал на полке. Неподвижно! Он не умер. Нет. Просто он снова стал пластмассовым.

Омри осторожно взял фигурку в руки. Что случилось? Что?! Неужели он сам убил своего индейца? А как же мечта, та мечта, что весь день занимала его воображение? И неужели рухнули его надежды, связанные с замечательной, необыкновенной, таинственной игрой?

Еще несколько часов назад индеец был живым, а не игрушечным. Теперь же он лежал в руке у Омри — холодный, недвижный, безжизненный. Почему это случилось? Почему?

И вот еще что: индеец, которого Патрик подарил Омри, был совершенно не таким, как сейчас. Прежде он стоял на одной ноге, танцуя военный танец: колено согнуто, локти в стороны, сжатый кулак с ножом выброшен вперед. Нынче же он лежал раскинув ноги и прижав руки к бокам. Ненужный нож валялся на металлической полочке. Омри коснулся его мизинцем. Он оказался пластмассовым и тупым. А ведь еще утром нож был настоящим: маленькая ранка на пальце Омри по-прежнему саднила. Мальчик посмотрел на индейца. Жалость, чувство вины, обида и разочарование были так сильны, что Омри чуть не заплакал. Он и заплакал в конце концов, стоя на коленях около шкафчика и держа в руке индейца.

Потом Омри положил его обратно на полочку и запер дверцу: невыносимо было смотреть на безжизненную фигурку.

За ужином он ничего не ел и мрачно молчал. Отец потрогал его лоб и сказал, что у Омри температура. Мама отвела сына наверх и уложила в постель. Тот против обыкновения не возражал. Омри и сам не знал, заболел он или нет, но ему было явно не по себе, а суета вокруг как-то успокаивала.

— Что с тобой, Омри? — спрашивала мама. — Скажи мне!

Она гладила его по волосам и смотрела нежно и вопросительно. Омри чуть было не рассказал ей все, но вдруг резко отвернулся.

— Ничего, ну правда ничего!

Она вздохнула, поцеловала его и ушла, неслышно притворив за собой дверь.

И тут же до Омри донесся тихий шорох. Внутри шкафчика кто-то то ли скребся, то ли царапался!

Мальчик включил настольную лампу и широко открытыми глазами уставился на свое отражение в зеркальной дверце. Потом он

перевел взгляд на ключ с красной ленточкой. Сомнений не было — звуки доносились из шкафчика. Волнуясь, Омри повернул ключ. Индеец стоял на полке и смотрел на него. Он опять стал живым!

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Омри спросил, задыхаясь от волнения:

— Что с тобой было?

— Что было? Хороший сон было. Холодный земля. Надо одеяло. Еда. Костер.

Сначала Омри растерялся. Мало того, что крохотный человечек приказывал ему, он еще и угрожающе размахивал ножом, который опять сжимал в руке! Но в следующий момент мальчик так обрадовался, что пообещал:

— Хорошо-хорошо, я достану поесть, не беспокойся!

И спрыгнув с кровати, он побежал вниз возбужденный, пытаясь разобраться в происходящем. Что все это значит? Неужели в тот момент, когда дверь шкафчика закрывается, индеец засыпает? Об этом стоило подумать, однако не сейчас, а попозже. Теперь же ему надо было тихонько, так, чтобы не услышали родители, войти в кухню, взять какой-нибудь еды (да такой, что пришлась бы индейцу по вкусу!) и отнести ее наверх.

К счастью, папа с мамой смотрели телевизор в гостиной и не слышали, как Омри на цыпочках прошел по темному коридору в кухню и, не зажигая света, открыл холодильник. Что едят индейцы?

Наверное, мясо, причем не говядину или свинину, а крольчатину или оленину. Естественно, ничего подобного в холодильнике не было. Пирожное, джем, масло... Омри задумался. Он понимал, что индейцу это не подходит. На полке стояла открытая банка сладкой кукурузы. В кухонном шкафу лежали бумажные тарелки, приготовленные для пикника. Омри взял одну из них и положил на нее полную ложку кукурузы, кусочек хлеба и кусочек сыра. А что он будет пить? Молоко? Вряд ли такой храбрый индеец станет пить молоко. В фильмах они пьют «огненную воду», наверное, это что-то спиртное. А что, если кока-колу? Ведь это американский напиток. К счастью, после дня рождения в бутылке осталось немного, и Омри захватил ее с собой.

Прижимая одной рукой к груди бутылку, а второй держа бумажную тарелку, Омри с бьющимся сердцем поднялся по лестнице в свою комнату. Там все было по-прежнему. Индеец сидел на краю полки, свесив ноги, и точил нож. Увидев Омри, он тут же вскочил.

Саратовская
областная библиотека для детей

— Еда? — с интересом спросил он.

— Да, но я не знаю, понравится ли тебе.

— Моя понравится. Давать быстро!

Но Омри не торопился, ему хотелось, чтобы все было как следует. Он взял ножницы, вырезал кружок из бумажной тарелки и положил на него крошку хлеба, крошку сыра и зернышко сладкой кукурузы. Только после этого он протянул «тарелку» индейцу, который, выпрямившись, переводил голодные глаза с еды на Омри и обратно.

— Не трогать! Твоя трогать, моя — хватать нож! — предупредил он.

— Хорошо, хорошо. Обещаю, что я к тебе не прикоснусь. Ешь спокойно.

Индеец осторожно сел на полку, скрестил ноги и начал есть. Еду он брал левой рукой, а в правой все так же сжимал нож. Однако он был настолько голоден, что вскоре позабыл обо всем, отложил оружие в сторону и взял в правую руку хлеб.

Съев весь сыр и утолив первый голод, он обратил внимание на сладкую кукурузу.

— Что это? — спросил он подозрительно.

— Кукуруза. Как у тебя дома. Ты откуда? — спросил Омри.

Этот вопрос прозвучал неожиданно и для самого мальчика. Он понятия не имел, откуда индеец родом, но ему страшно хотелось узнать это.

Краснокожий усмехнулся, взял зернышко обеими руками, понюхал его и засиял от удовольствия. Но вдруг помрачнел и отложил кукурузу в сторону.

— Слишком большой, — сказал он. — Как ты, — добавил с упреком.

— Попробуй! Вкусно! — сказал Омри.

Индеец откусил кусочек. Его взгляд оставался подозрительным, но, видимо, кукуруза ему понравилась, потому что он съел зернышко целиком.

— Мясо! — потребовал он наконец.

— Прости, сегодня нет мяса, — извинился Омри. — Но я постараюсь достать его завтра.

С недовольной гримасой индеец потребовал:

— Пить!

Омри ждал этого. Он извлек из ящика с игрушками маленькую пластмассовую кружку и осторожно налил туда из бутылки кока-

300ml
Coca-Cola

колы. Кружечка была явно велика для индейца, но более подходящей не нашлось. Омри протянул ее индейцу. Тот взял кружку обеими руками и едва не уронил.

— Что это? — рявкнул он, принюхавшись.

— Кока-кола, — бодро ответил Омри и тоже налил себе в чашку.

— Огненная вода?

— Нет, холодная. Тебе понравится, попробуй!

Индеец с опаской лизнул, потом сделал глоток, еще раз... Усмехнулся.

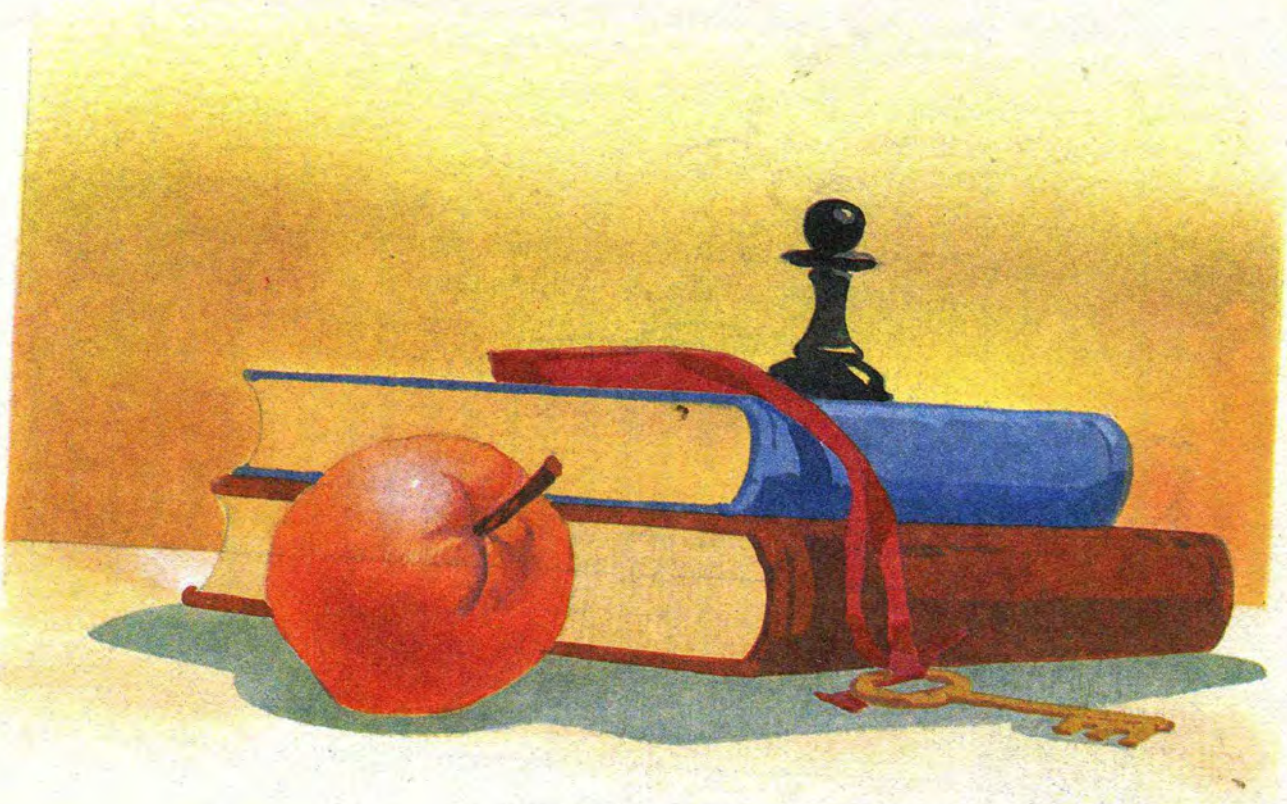
— Нравится? — спросил Омри.

— Нравится, — ответил индеец.

— На здоровье! — сказал Омри, подняв чашку так, как, он видел, делали его родители, когда приходили гости.

— На здоровье! — ответил индеец.

Омри чувствовал себя наверху блаженства. Его индеец ел и пил! Он был настоящий, самый настоящий! Это было замечательно. Счастье так и переполняло мальчика.

— Ну что, теперь тебе лучше? — спросил Омри.

— Моя лучше, — сказал индеец. — А твоя нет. Твоя очень большой. Не есть и не пить. Тогда стать нормальный размер.

Омри громко рассмеялся. Потом сказал:

— А теперь пора спать!

— Не сейчас. Большой свет. Спать, когда свет уйдет!

— Я могу сделать, чтобы он ушел, — сказал Омри и выключил свою настольную лампу. В темноте он услышал, как индеец вскрикнул от удивления и страха. Омри опять зажег свет. Человечек почтительно смотрел на него.

— Твоя — Великий Белый Дух? — спросил он шепотом.

— Нет, — сказал Омри. — Это лампа, это не солнце. Разве у вас нет ламп?

Индеец взглянул туда, куда показывал Омри.

— Это лампа? — спросил он с сомнением. — Большой лампа. Надо много керосин.

— Это не керосиновая лампа. Электрическая.

— Волшебство? — спросил индеец.

— Нет, электричество. Кстати о волшебстве. Как ты здесь оказался?

Индеец посмотрел ему прямо в глаза.

— Твоя не знать?

— Нет, я не знаю. Ты был игрушкой. Я положил тебя в шкафчик и запер дверь. Когда я открыл ее, ты был уже настоящий. Потом я опять запер дверь — и ты опять стал пластмассовым. А по... — Он вдруг остановился на полуслове. — Погоди-ка! Ну да, наверное... но в таком случае... Послушай! — воскликнул он взволнованно. — Я хочу, чтобы ты ушел из шкафчика. Я найду тебе более удобное место. Ты сказал, что тебе было холодно. Я сделаю тебе настоящий вигвам.

— Вигвам?! — крикнул индеец. — Моя не жить вигвам! Моя жить большой дом!

Омри так хотелось проверить свои предположения относительно шкафчика, что он быстро и решительно сказал:

— Придется тебе провести сегодняшнюю ночь в вигваме.

И торопливо достал коробку из-под печенья, полную пластмассовых фигурок. Где-то здесь был и пластмассовый вигвам.

— А-а, вот он!

Омри вытащил его — маленький, розовый, конической формы, с какими-то бледными узорами на стенках.

— Подойдет?

Он поставил вигвам на полку рядом с индейцем. Индеец смотрел презрительно.

— Это вигвам? — спросил он.

Скорчив гримасу, человечек потрогал пластмассовые стенки, толкнул вигвам обеими руками, и тот слегка накренился. Тогда индеец заглянул в треугольное отверстие и, выпрямившись, с недовольным видом сплюнул на пол — вернее, на полку шкафчика.

— Что? — спросил расстроенный Омри. — Ты хочешь сказать, что тебе не нравится?

— Не надо игрушка, — изрек индеец и, скрестив руки на груди, повернулся к Омри спиной, давая понять, что разговор окончен.

Омри воспользовался моментом и ловко схватил индейца поперек туловища, причем так, что рука с ножом оказалась прижата к ноге краснокожего. Тот пытался высвободиться, брыкался, вертел головой, но скоро затих, поняв, что с Омри ему все равно не совладать. Он вел себя очень достойно: откинул назад голову,

опять придал лицу равнодушное выражение и гордо глядел в глаза Омри, которые находились теперь прямо перед ним.

Омри же испытывал одновременно и восторг, и удивление. Если еще минуту назад он все-таки сомневался в том, что индеец — это живой человек, то теперь сомнения полностью рассеялись. К тому же индеец стал тяжелее. Его тело было теплым, плотным, полным жизни! Омри чувствовал, как колотится маленькое, как у птички, сердце. Хотя индеец держал себя подобно сильному взрослому мужчине, Омри понимал, что на самом-то деле он очень хрупкий и любое неосторожное движение может повредить ему. Омри давно хотелось хорошенько рассмотреть индейца, его ручки, ножки, волосы, маленькие ушки, но теперь, когда человечек оказался полностью в его власти и смело смотрел ему в лицо, стараясь скрыть свой страх, у Омри пропало всякое желание разглядывать его. Он понял, что это жестоко и оскорбительно по отношению к индейцу, который был теперь человеком, а не бездушной игрушкой.

Мальчик осторожно поставил индейца на комод рядом со шкафчиком, наклонился к самому лицу краснокожего и как можно вежливее сказал:

— Извини меня, я не хотел тебя обидеть.

Индеец, скрестив руки на груди и все еще тяжело дыша, молчал, высокомерно глядя на Омри.

— Как тебя зовут? — спросил Омри.

— Литтл Бэа, — сообщил индеец, ударив себя в грудь. — Храбрый ирокез. Сын вождя. А твоя тоже сын вождя? — спросил он Омри.

— Нет, — тихо ответил мальчик.

Индеец хмыкнул, глядя на него с превосходством.

— Имя?

Омри назвал свое имя.

— А теперь давай найдем тебе другое место, где бы ты мог

поспать в эту ночь. Может, все-таки ты будешь иногда жить в этом вигваме?

— Нет, — наотрез отказался Литтл Бэа.

— Я никогда не слышал об индейцах, которые не хотели бы ночевать в вигваме, — не сдавался Омри. — У нас просто нет другого выхода.

— Но не игрушка, — сказал индеец. — Нехорошо. И костер. Литтл Бэа надо костер.

— Костер я здесь разжечь не могу, а вигвам я тебе смастерю. Может, он будет не очень хорошим, но зато настоящим. Завтра я сделаю еще один, получше.

Омри посмотрел вокруг. Как хорошо, что он никогда ничего не выбрасывает! Он связал концы нескольких заостренных щепочек и поставил их так, что они образовали конус. Конус этот он обтянул платком. Вигвам показался ему недостаточно теплым, и он покрыл стенки куском фетра от старой шляпы и заколол края булавкой. Новый вигвам выглядел неплохо, и Омри с нетерпением ждал, что скажет индеец. Литтл Бэа трижды обошел вокруг нового жилища, а затем встал на колени, вполз внутрь и выполз обратно. Наконец он одобрительно усмехнулся, хотя и не собирался пока принимать подарок. По его мнению, упрямство придавало ему солидности.

— Нет рисунков, — выразил индеец свое неодобрение.

— Я не знаю, как их сделать, — ответил Омри.

— Моя знать. Давать краски. Моя сделать.

— Завтра, — предложил Омри, чувствуя, что его клонит ко сну.

— Одеяло?

Омри не стал спорить. Он отрезал кусок от старого свитера и протянул его индейцу. Литтл Бэа не скрывал своего восторга.

— Хороший, теплый. Моя теперь спать.

Он опустился на колени и забрался в вигвам. Однако через минуту его голова вновь высунулась наружу.

— Завтра говорить. Твоя давать Литтл Бэа мясо, костер, краски, много вещей.

Он окинул Омри свирепым взглядом.

— Хорошо?

— Хорошо, — согласился Омри. Никогда еще он не давал согласия с таким удовольствием.

ГЛАВА 3
ТРИДЦАТЬ СКАЛЬПОВ

Через несколько минут из вигвама донесся громкий храп, то есть, конечно, не очень громкий, но для такого маленького существа прямо-таки оглушительный. Омри же, хотя и хотел спать, ложиться пока не собирался. Прежде ему непременно надо было кое-что проверить.

Он уже понял, что то ли шкафчик, то ли ключик, то ли оба они вместе сперва превращают пластмассового индейца в живого человека, а потом наоборот — живого в пластмассового. Предстояло выяснить многое. Касаются ли эти таинственные превращения одной лишь пластмассы? А если в шкафчик поставить деревянные или оловянные фигурки, то они что, не превратятся в живых человечков? Сколько времени им надо простоять в шкафчике, чтобы волшебная сила подействовала? Целую ночь? Или это происходит немедленно? И вот еще что. Одежда индейца, его перо, нож — они ведь тоже стали настоящими. Почему? Потому что они принадлежали индейцу или по каким-то другим причинам? А если положить в шкафчик другие предметы, то станут они настоящими наутро или нет?

Омри решил провести двойную проверку. Он поставил пластмассовый вигвам в шкафчик, подумал немного и положил туда еще и игрушечную машинку. Потом закрыл дверцу, но не запер ее на ключ. Медленно сосчитал до десяти.

И открыл.

Ничего не произошло.

Тогда он опять закрыл дверцу, но на этот раз запер ее маленьким ключиком и решил подождать подольше, а чтобы ждать было удобнее — прилег на кровать. Уснул он очень быстро, не успев досчитать даже до пяти.

Омри проснулся совсем рано от шума, поднятого Литтл Бэа — Маленьким Медведем. Индеец стоял на краю комода, сложив руки рупором, как будто обращался к кому-то на противоположной стороне огромного каньона. Как только Омри открыл глаза, индеец выкрикнул:

— День приходить! Почему твоя еще спать? Время кушать, охотиться, воевать.

Омри вскочил.

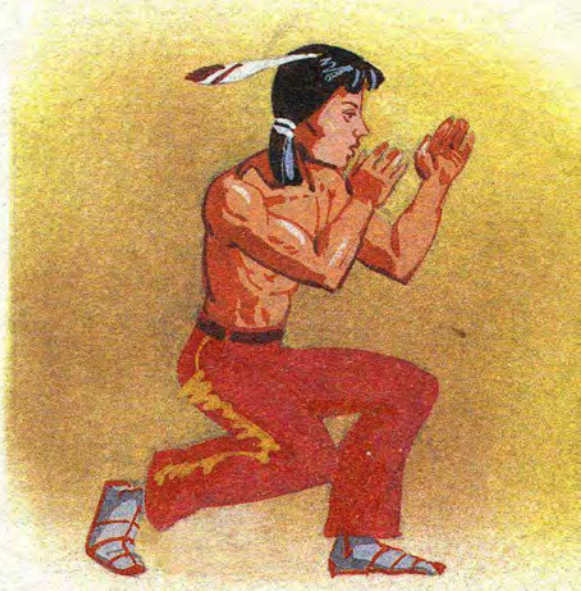
— Подожди, — сказал он и рывком открыл дверь шкафчика, не забыв предварительно повернуть ключ в замке.

На полке стоял настоящий кожаный вигвам. Металлическая игрушечная машинка так и осталась игрушкой.

— Действует, — выдохнул Омри. — Литтл Бэа! — закричал он. — Действует, действует! Я могу превратить любую пластмассовую игрушку в настоящую вещь. Это же волшебство! Волшебство! Ты понимаешь? Понимаешь?!

Индеец стоял скрестив руки на груди и явно недовольный таким бурным проявлением чувств.

— Ну и что? Волшебство. Духи делать такие вещи. Незачем так кричать.

Омри взял себя в руки. Действительно, чего он кричит, родители могут проснуться. Он взял новый вигвам и поставил его рядом с тем, который сделал прошлой ночью.

— Вот хороший вигвам, который я тебе обещал, — сказал он.

Литтл Бэа осмотрел его со всех сторон.

— Нехороший, — возразил он.

— Что? Почему нехороший?

— Вигвам хороший, но не годится для ирокез.

Он указал на рисунки.

— Нет тотем ирокез. Литтл Бэа спать здесь, духи предков сердиться.

— А-а, — понимающе протянул Омри.

— Литтл Бэа нравится вигвам Омри. Надо красить. Сделать тотем ирокез. Сделать приятное духам.

Неуверенность Омри сменилась гордостью. Он сделал вигвам, который понравился индейцу!

— Он еще не достроен, — сказал мальчик. — Я возьму его в школу и закончу на уроке труда: вытащу скрепки и булавки и все хорошенько зашью. А потом я дам тебе краски и ты нарисуешь на нем свой тотем.

— Хорошо. Но надо большой дом. Ирокез не любит жить в вигвам.

— Даже временно?

Литтл Бэа нахмурился.

— На короткое время можно. А теперь — есть.

— Хорошо. Что бы ты хотел на завтрак?

— Мясо, — не задумавшись, ответил индеец.

— А хлеб с сыром?

— Мясо.

— Может, яйцо?

Индеец отвернулся, опять скрестив руки на груди.

— Мясо, — вздохнул Омри. — Ну ладно. Я пойду посмотрю, что можно придумать. А тебе надо спускаться.

— Куда?

— Подойди к краю и посмотри, где ты. Только не упади.

Лежа на животе, индеец подполз к краю комода и глянул вниз.

— Большая гора, — сказал он задумчиво.

— Да, — согласился Омри. Ему показалось слишком сложным объяснять индейцу, где тот на самом деле находится. — Хочешь, я помогу тебе спуститься?

Литтл Бэа встал и многозначительно посмотрел на Омри.

— Не крепко жать?

— Нет, я вообще не буду тебя трогать. Ты поедешь на моей руке.

Он протянул раскрытую ладонь, и Литтл Бэа, поколебавшись мгновение, ступил на нее и для большей уверенности сел, скрестив ноги. Омри плавно перенес его на пол. Вскочив, индеец прыгнул на серый ковер и принялся с подозрительным видом осматриваться вокруг. Затем он опустился на колени, пощупал ковер и даже понюхал его.

— Не земля, — сказал он. — Одеяло.

— Литтл Бэа, взгляни вверх.

Индеец послушался и, прищурившись, взглянул на потолок.

— Ты видишь небо? Солнце?

Индеец озадаченно покачал головой.

— Мы ведь не на улице. Мы в комнате, в доме. Дом большой, для людей моего роста. И ты даже не в Америке. Ты в Англии.

Лицо индейца просветлело.

— Англичане хороший. Ирокез вместе с англичанин драться против француз.

— Правда? — удивился Омри и неожиданно понял, что кое о чем ему бы следовало почитать. — И ты дрался?

PHILA

— Литтл Бэа драться, как дикий зверь. Он снять много скальпов.

— Скальпов? — Омри проглотил слюну. — Сколько?

Литтл Бэа гордо показал ему десять пальцев. Потом сжал кулак и разжал, опять показав десять пальцев, и еще раз...

— Я не верю, что ты убил так много людей, — поразился Омри.

— Литтл Бэа не лгать. Большой охотник. Храбрый воин.

— Ты снимал скальпы с белых людей? — осмелился спросить Омри.

— Да, у меня есть несколько французский. Английский не брать. Англичанин — друг ирокез. Англичанин помогать ирокез убивать враг.

Омри как завороженный, не мигая, смотрел в лицо индейца. Ему неожиданно захотелось уйти.

— Я пойду достану что-нибудь поесть, мяса... — произнес он охрипшим голосом.

Омри вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. В коридоре он остановился и какое-то время собирался с мыслями, прислонившись к стене. Он даже слегка вспотел. Все это было слишком неожиданно и оказалось значительно серьезнее, чем он предполагал.

Его индеец был не только ожившей игрушкой, он был человеком, каким-то образом пришедшим к нему из далекого прошлого. Омри вдруг подумал, что его сведения об индейцах, почерпнутые в основном из вестернов, мягко говоря, не совсем точны. В конце концов, индейцев там играли современные актеры, которые после всего, что происходило в фильме, смывали с тела краску и шли домой обедать. И жили они не в вигвамах, а в обычных домах.

Но Литтл Бэа не актер. Омри проглотил комок, подступивший к горлу. Тридцать скальпов. Вот это да! Конечно, в то время все было иначе. Одни индейские племена воевали с другими. А англичане и французы, как бы они ни объясняли свое присутствие в Америке, были, судя по всему, ничуть не лучше индейцев, потому что дрались друг с другом, как сумасшедшие.

А сейчас? Разве солдаты не делают то же самое? Разве войны и бои, террор и убийства стали теперь редкостью? Ничего подобного. Стоит только включить телевизор, как сразу слышишь новости об убитых и раненых. И эти жуткие тридцать скальпов, снятые сотню лет назад, едва ли не теряются на фоне того, что творится сегодня.

И все же когда он пытался представить себе Литтл Бэа человеком нормального роста, склонившимся над французским солдатом и зажавшим в одной руке окровавленный нож, а в другой — только что снятый скальп...

Омри помотал головой и на подгибающихся ногах пошел вниз по лестнице. Неудивительно, что он с первой же встречи почувствовал страх перед индейцем!

Не в силах справиться с волнением, он спрашивал себя: а не лучше ли будет засунуть индейца в шкафчик, запереть дверцу и подождать, пока он снова не превратится в пластмассовую игрушку?

В кухне, в шкафу, Омри нашел мясные консервы, вскрыл их, отрезал кусочек, рассеянно положил его в рот и принялся жевать, думая о своем.

Казалось, индеец не очень удивился, узнав, что оказался в Англии, в доме гигантов. Он был суеверным, верил в чудеса, в добрых и злых духов. Может быть, он думал, что Омри — волшебник или что-то в этом роде? Самое любопытное, что он боялся Омри ничуть не больше, чем своих духов, великанов или других чудищ, которые, как предполагалось, всегда были могущественнее людей.

Омри подумал, что сын индейского вождя смелее рядового индейца. Да и тридцать скальпов нельзя сбрасывать со счетов...

Может быть, Омри надо рассказать кому-нибудь о Литтл Бэа?

Беда в том, что, хотя взрослые обычно знают, что делать, они редко делают то, что нравится детям. А что, если они отнесут индейца, ну, скажем, к ученому, к тому, кто занимается всякими странными явлениями, и тот будет задавать Литтл Бэа разные вопросы и осматривать его тело, а возможно, отправит его в лабораторию или еще куда-нибудь? Они обязательно захотят забрать и шкафчик, и тогда Омри никогда больше не увидит своего индейца.

К тому же Омри подумал о возможности превращения в настоящие стрел, лука, лошадей и даже других пластмассовых человечков... хотя это довольно рискованно. Кто знает, что за люди появятся? Может, они немедленно начнут убивать друг друга! Нет, пожалуй, пока не стоит никому ничего рассказывать.

Приняв решение, Омри отправился наверх, обнаружив на полпути, что банка консервов почти опустела и лишь на донышке еще розовеет полоска говядины.

Когда Омри вошел в комнату, он не увидел индейца. Тогда мальчик тихонько позвал его. Литтл Бэа выбежал из-под кровати, размахивая руками.

— Мясо приносить?

— Да.

Омри положил кусочек мяса на тарелочку, которую он вырезал прошлой ночью, и поставил ее перед индейцем. Литтл Бэа схватил мясо и начал осматривать.

— Хороший, мягкий! Твоя жена готовить?

Омри засмеялся.

— У меня нет жены.

Индеец перестал есть и посмотрел на него.

— Омри не иметь жена? А кто выращивать кукуруза, готовить пища, шить одежда?

— Моя мама, — сказал Омри, улыбаясь. — А у тебя есть жена?

Индеец отвернулся. Через некоторое время он сказал:

— Нет.

— Почему?

— Умереть, — коротко ответил Литтл Бэа.

— А-а...

Индеец молча закончил завтрак, потом встал и вытер жирные руки о штаны.

— А теперь делать чудо. Сделать кое-что для Литтл Бэа.

— Что же ты хочешь?

— Ружье, — не задумываясь, ответил Литтл Бэа. — Ружье, как у бледнолицый. Как у английский солдат.

Множество мыслей мгновенно пронеслось в голове у Омри. Если маленький нож мог ранить, то маленькое ружье может стрелять. Конечно, большого вреда не будет, но вдруг что-нибудь да случится?

— Нет, ружье нельзя. Но я могу сделать тебе лук и стрелы. Я видел в магазине пластмассовые. А еще что? Хочешь лошадь?

— Лошадь?! — удивился Литтл Бэа.

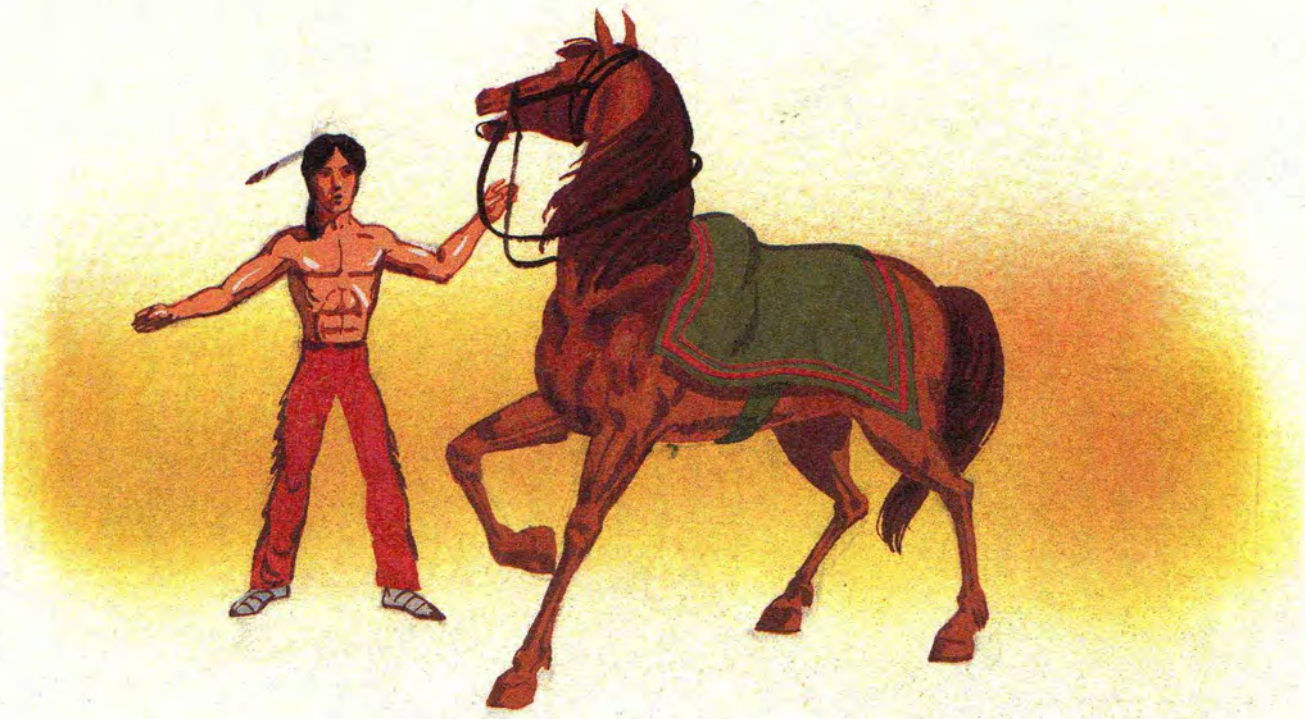
— Разве ты не скачешь на лошади? Я думал, все индейцы скачут.

Литтл Бэа покачал головой.

— Ирокез ходить пешком.

— Но разве тебе не хочется покататься?

Литтл Бэа стоял неподвижно, обдумывая предложение.

— Может быть. Показать лошадь. Тогда решить.

Омри открыл коробку из-под печенья. Там было много лошадей. Крепкие кони, способные удержать рыцарей в железных доспехах, небольшие выносливые лошадки, которые таскали пушки во время войны с Наполеоном, несколько кавалерийских лошадей... Должно быть, эти-то как раз и подойдут. Омри выбрал пять лошадей разной масти и роста и поставил их перед Литтл Бэа. Черные глаза индейца заблестели.

— Давай, — быстро сказал он.

— Ты что же, хочешь всех сразу?

Литтл Бэа, жадно глядя на лошадей, кивнул.

— Нет, так нельзя. Нельзя, чтобы по комнате носился целый табун лошадей. Выбери одну.

— Одну... — печально произнес индеец.

— Да, одну.

Литтл Бэа начал тщательно осматривать лошадей, щупая им ноги и разглядывая зубы. Наконец он выбрал низкорослую гнедую лошадку с двумя белыми носочками на передних ногах, которая когда-то носила в своем седле араба из французского легиона, вооруженного кривой саблей.

Омри поставил шкафчик на пол, сунул туда лошадь и повернул ключик. Почти тотчас же они услышали топот копыт. Омри и индеец радостно переглянулись.

— Открывать, открывать дверь, — нетерпеливо скомандовал индеец.

Омри не заставил себя долго упрашивать и распахнул дверцу. На полке пританцовывал на месте великолепный арабский скакун. Он прядал ушами, ржал и раздувал ноздри. На нем была роскошная сбруя.

— Айяя! — вскрикнул Литтл Бэа и, не раздумывая, вскочил на лошадь, которая немедленно запрокинула голову и взвилась на дыбы, пытаясь сбросить всадника. Литтл Бэа и не думал держаться за поводья, он вцепился в гриву и сжал коленями бока лошади.

Животное рванулось, снова встало на дыбы — и индеец взлетел в воздух и шлепнулся на ковер, на самый его край. Омри подумал, что он сломал себе шею, однако краснокожий мгновенно вскочил на ноги и повернул к Омри сияющее лицо.

— Сумасшедший лошадь! — восторженно выкрикнул он.

Тем временем сумасшедшая лошадь застыла на месте, настороженно наблюдая за индейцем блестящими глазами.

Литтл Бэа не делал никаких резких движений. Он довольно долго стоял и просто смотрел на лошадь. Потом медленно, так медленно, что его движения были почти незаметны, индеец стал приближаться к животному, издавая мелодичный свистящий звук, который, казалось, завораживал лошадь. Сантиметр за сантиметром он подбирался к лошади и наконец подошел к ней вплотную. Потом так же медленно и спокойно положил руку ей на шею.

Лошадь покорилась, ему даже не пришлось брать ее под уздцы. Ничто не мешало ей рвануться в сторону, но она этого не сделала. Индеец приблизил лицо к морде лошади и дунул ей в ноздри. Потом тихо сказал:

— Лошадь мой. Этот сумасшедший лошадь — мой.

Он осторожно взял в руки поводья, неспешно снял арабское седло и положил его на пол. Лошадь мотала головой, но не убегала. Издавая все тот же тихий свистящий звук, индеец на секунду прижался к лошади, а потом вскочил на нее верхом. Отпустив поводья, он сжал ее бока коленями. Лошадь спокойно и послушно двинулась вперед. Индеец натянул поводья, и она ступила на ковер. Омри сразу понял, что ковер слишком мягок для нее, ноги лошади ушли в ворс, словно утонули в высокой траве.

HOME
Turbo

— Нужно земля. Одеяло не годится для лошадь.

Омри взглянул на часы. Было только шесть утра. Все в доме еще спали.

— Я могу вынести вас в сад, — неуверенно предложил Омри.

— Хорошо! — ответил Литтл Бэа. — Только не трогать лошадь. Твоя трогать — он очень бояться.

Омри быстро нашел спичечный коробок и поставил его на пол, откинув один из бортиков. Индеец направил лошадь к коробку, и, когда они оказались внутри, Омри осторожно закрыл бортик. Потом он бережно поднял коробок и, неслышно ступая босыми ногами, понес его вниз по лестнице во двор.

Было прохладное весеннее утро. Омри остановился на последней ступеньке и посмотрел вокруг, выбирая удобное место для лошади. Лужайка показалась ему не очень подходящей, ее трава скрыла бы индейца с головой. Терраса и ступени ему тоже не понравились: неровные кирпичи, трещины — лошадь могла бы запросто сломать ногу. А вот тропинка, кажется, подходит. Хорошо утрамбованная земля и небольшие камушки — как раз то, что надо. Омри ступил на тропинку и опустил коробок на землю. Сомнения по-прежнему мучили его. А вдруг индеец ускачет? Как быстро может скакать такая маленькая лошадь? Если даже она бежит со скоростью мыши, Омри все равно не угнаться за ней. А кошка? — испугался вдруг мальчик. Он приоткрыл коробок, опустившись на колени. Индеец стоял, держа лошадь под уздцы.

— Литтл Бэа, — сказал Омри, стараясь четко выговаривать все слова. — Я собираюсь выпустить вас. Но помни, ты не в прерии! Здесь есть огромные львы, и они могут проглотить тебя вместе с лошадью. Если ты убежишь, ты не выживешь. Ты понял?

Литтл Бэа посмотрел ему прямо в глаза и кивнул. Омри откинул бортик коробка, и индеец с лошадью вышли навстречу утреннему солнцу.

ГЛАВА 4
ВЕЛИКАЯ СИЛА ПРИРОДЫ

Казалось, человек и лошадь нюхают воздух, наслаждаясь его свежестью и в то же время проверяя, нет ли опасности. Лошадь все еще нервно вздрагивала и раздувала ноздри, когда Литтл Бэа вскочил на нее. Она заплясала на месте, а Литтл Бэа прильнул к ее шее. Лошадь вдруг понеслась галопом, ее передние ноги почти не касались земли. Омри бросился догонять их. Лошадь бежала довольно быстро, но Омри сразу понял, что успеть за ними не составит для него большого труда.

Земля была сухая, и лошадь скакала по тропинке, вздымая облачко пыли. Омри пытался смотреть на нее глазами индейца. Маленькие камушки на дороге казались огромными валунами, которые надо объезжать, стебли травы — деревьями. Что же касается живых существ, то, например, муравей, ползущий через тропинку, вынудил лошадь замедлить шаг. Тень от пролетавшей птицы и вовсе заставила ее остановиться. Омри еще раз смог оценить храбрость индейца, который достойно встречал все неведомые опасности. И это не было безрассудством. Литтл Бэа умел владеть собой. Поравнявшись с Омри, он натянул поводья. Омри наклонился послушать, что он говорит: ведь под открытым небом голос индейца казался не громче комариного писка.

— Опасность! — говорил индеец. — Большой опасность. Моя надо лук, стрелы. Может, ружье? — сказал он просительно.

Омри отрицательно покачал головой.

— Тогда — оружие для индеец!

— Хорошо, — согласился Омри. — Тебе действительно нужно оружие. Я сегодня же что-нибудь придумаю. А теперь нам лучше вернуться в дом.

— Моя не хотеть в закрытое место. Оставаться здесь. Твоя тоже оставаться, объезжать дикий лошадь.

— Я не могу. Я должен идти в школу.

— Что такое — школа?

— Место, где учатся.

— А! Учиться — это хорошо, — одобрительно сказал Литтл Бэа. — Учить законы племени, уважать предки, учить переносить боль и не показывать вид.

— Да, что-то вроде этого.

Литтл Бэа явно не хотелось возвращаться домой, но он правильно оценил свое положение и понял, что ему нельзя оставаться тут одному. Он быстро доскакал до коробка и спрыгнул с лошади у самого бортика. Омри уже ждал их.

Он как раз собирался войти в дом, когда дверь черного хода открылась и на крыльце появился отец.

— Омри, что ты тут делаешь в пижаме? И босиком? Зачем тебе понадобилось выходить из дому так рано?

Омри от неожиданности прижал коробок к груди, да так сильно, что картон затрещал. Страшно испугавшись за индейца, он едва не выронил свой драгоценный груз. От волнения он вспотел.

— Ничего не делаю. Я не мог спать и вышел во двор подышать воздухом.

— Ты хоть бы тапочки надел!

— Я забыл, — сказал Омри.

— Быстро домой! Ты простудишься!

Омри бегом поднялся к себе в комнату и немедленно заглянул в коробок. Лошадь, почуяв свободу, рванулась под стол и остановилась там, дрожа от возбуждения, как после бешеной скачки.

Полный мрачных предчувствий, Омри еще раз глянул в коробок. Литтл Бэа сидел в дальнем углу, потирая ногу, и Омри с ужасом заметил кровь на его штанах.

— Твой коробок прыгнуть. Лошадь испугаться и лягнуть Литтл Бэа, — довольно спокойно объяснил индеец, но было видно, что ему больно.

— Прости меня, пожалуйста, — попросил Омри. — Ты можешь выйти наружу? Я постараюсь помочь тебе.

Литтл Бэа встал и вышел из коробка. Он старался не хромать.

— Разденься, я посмотрю на рану, — сказал Омри.

Индеец послушно спустил штаны. На маленькой ноге виднелась рана, нанесенная острым лошадиным копытом. Кровь стекала прямо на ковер. Омри не знал, что делать. А Литтл Бэа знал.

— Вода, повязка, — приказал он.

Несмотря на панику, охватившую его, Омри заставил себя думать и действовать четко и быстро. У его кровати стоял стакан с водой, но вода была недостаточно чистая, чтобы промывать ею рану. Зато в аптечке в ванной был пузырек с йодом, и когда кто-нибудь из мальчиков разбивал себе лоб или коленку, мама добавляла несколько капель йода в теплую воду и промывала

ссадины. Это называлось дезинфекцией. Омри помчался в ванную, трясущимися руками достал пузырек и растворил немного коричневой жидкости в стакане кипяченой воды. Захватив клочок ваты, мальчик побежал обратно в комнату.

Индеец взял ватку, обмакнул ее в лекарство и приложил к ране. Жгучая боль заставила его зажмуриться, но он даже не охнул.

— Это не вода! Это огонь!

— Это лучше, чем вода!

— А теперь завязать, — быстро произнес индеец. — Надо остановить кровь.

Омри беспомощно оглянулся. Чтобы перевязать такую ранку, нужен совсем маленький бинт. Но где его взять? Вдруг взгляд мальчика остановился на коробке из-под печенья. Там, на самом верху, лежал пластмассовый солдат времен первой мировой войны из санитарного батальона с красным крестом на нарукавной повязке. На плече у него висела сумка с таким же красным крестом. Сейчас у Омри будет целая куча бинтов и лекарств! Не долго думая, он схватил фигурку, сунул ее в шкафчик, закрыл дверцу и повернул ключ. И тотчас тоненький голосок прокричал на чистейшем английском языке:

— Сюда, сюда! Где я? Откройте! Не оставляйте меня в темноте!

ГЛАВА 5
ТОММИ

Омри почувствовал себя неуютно. Какой же он дурак, не подумал о человеке, оживил его, хотя нужна-то была только его сумка! Впрочем, перевязывать такую крохотную рану сподручнее как раз маленькому человечку. Надо поскорее выпустить его из шкафчика, куда он попал по ошибке и оттуда взывает сейчас своим тоненьким голоском.

Омри открыл дверь.

На полочке стоял розовощекий солдат в надвинутой на лоб армейской каске и в мятой военной форме, покрытой грязью и засохшей кровью. Он выглядел одновременно рассерженным и испуганным.

Свободной рукой солдат тер глаза.

— Дайте хоть немного света, черт побери! — сказал он. — Да какого же...

Тут он открыл глаза и увидел Омри. Человечек сразу же побледнел, и у него подкосились колени от страха. Он что-то бормотал, издавая какие-то непонятные звуки, а потом уронил свою сумку и опять зажмурился.

Омри быстро сказал:

— Пожалуйста, не пугайтесь. Все в порядке. Я... — Тут его внезапно осенило. — Я — сон, который вы видите. Я не обижу вас. Я просто хочу, чтобы вы помогли мне кое в чем, а потом вы проснетесь.

Солдатик медленно-медленно открыл глаза и посмотрел на Омри.

— Сон? Пожалуй. Я и сам мог бы догадаться. Ну конечно же! Здесь все может быть. Какой же кошмар эта проклятая война! Правда, великанов я пока не встречал...

Он оглядел комнату Омри.

— А тут неплохо. Тихо, по крайней мере.

— Вы могли бы взять свою сумку и вылезти оттуда? Мне нужна ваша помощь.

Солдатик изобразил какое-то подобие улыбки и приподнял каску.

— С вами — хоть на край света, — сказал он бодро и, подхватив сумку, выбрался из шкафчика.

— Встаньте мне на руку, — приказал Омри.

Солдат не колебался ни секунды. Он шагнул на ладонь к Омри и схватил его за мизинец.

— Представляю, как я стану пересказывать свой сон моим товарищам в окопах, — заметил он.

Омри перенес его в то место, где по-прежнему сидел Литтл Бэа, зажимавший кровоточащую рану на ноге. Солдат спрыгнул с руки, опустился на колени и внимательно оглядел рану и индейца.

— Мне не поверят, — вздохнул он. — Настоящий индеец. Господи, да это же волшебный сон!.. Но индеец ранен. Думаю, мне пора приниматься за дело. Перевязать его?

— Да, пожалуйста, — сказал Омри.

Без лишних слов и суеты солдат поставил сумку на пол и достал оттуда все необходимое. Омри наклонился, чтобы все хорошенько рассмотреть, но тут же понял, что без увеличительного стекла ему не обойтись. Он проскользнул в комнату Джиля, своего старшего брата, который всегда вставал позже всех (а сейчас было только семь), и вытащил лупу из ящика, в котором она хранилась. Когда Омри вернулся в комнату, солдат все так же стоял на коленях перед индейцем и накладывал аккуратную повязку на бедро раненого. Омри посмотрел через увеличительное стекло в открытую санитарную сумку.

Удивительно, но там было абсолютно все: пузырьки, коробочки, металлические инструменты, иголки, шприцы, мотки бинтов... Потом Омри взглянул на рану. Да, она была ужасно глубокая, должно быть, лошадь, испугавшись, здорово лягнула Литтл Бэа. Тут он вспомнил о виновнице несчастья. Где же лошадь? Он оглянулся и сразу же увидел ее. Она стояла на прежнем месте, под столом, и лениво жевала ковер.

«Нужно покормить ее», — подумал Омри и протянул лошади маленький кусочек хлеба, который та немедленно съела. Странно, но лошадь больше не боялась Омри. Может быть, она толком не видела его?

— Спасибо, — поблагодарил Омри солдата. — Вы хотите теперь проснуться?

— Можно, конечно. Хотя, кроме грязи, крыс и немецких пуль, свистящих над головой, там ждать нечего. Но ведь надо выигрывать войну, правда? Нельзя убегать надолго, даже в сон, долг зовет и все такое...

Омри осторожно поставил его на полку в шкафчик.

— До свидания, — сказал он. — Может быть, я еще приснюсь вам.

— Буду очень рад, — весело откликнулся солдат. — Томми Аткинс всегда к вашим услугам, в любую ночь, кроме тех, когда мы отражаем атаки.

И он приложил руку к каске.

Омри с сожалением закрыл дверь и запер шкафчик на ключ. Ему очень хотелось оставить солдата здесь, но сейчас это, пожалуй, было ни к чему. Да ладно, в конце концов, он, если понадобится, всегда сможет опять оживить его. Через минуту-другую он открыл дверцу — проверить, что и как. Медбрат стоял именно в той позе, в какой Омри оставил его: одна рука держит сумку, другая поднята в прощальном салюте. Только теперь он снова был пластмассовым.

А Литтл Бэа тем временем натягивал свои пропитанные кровью штаны.

— Хороший волшебство, — заметил он. — Нога стать лучше.

— Что ты будешь делать, пока я буду в школе? — спросил Омри.

— Ты принеси кора дерева. Литтл Бэа делать дом.

— Какой дом?

— Дом для ирокез. Моя дом. Надо земля, столбы.

— Земля? Столбы?

— Земля, столбы, кора. Не забыть еда, оружие, топор, вода, огонь.

В это утро за завтраком никто не поссорился. Омри моментально проглотил два яйца и выскочил из-за стола. В теплице около дома он нашел полиэтиленовый мешок, полный земли. Он быстро отнес его наверх и спрятал за шкафом, который мама не отодвигала даже тогда, когда убиралась в комнате. Потом он взял свой перочинный ножик и снова вышел во двор. К счастью, на одном дереве в саду была кора, которая очень легко отставала от ствола. Он отрезал большой кусок, а потом еще один, на всякий случай.

«Интересно, какой у него будет дом?» — подумал мальчик.

Он нарвал травы для лошади, поднялся наверх и положил все перед индейцем, который сидел около вигвама и молился своему духу Маниту.

— Омри! — послышался голос мамы. — Пора в школу!

Омри вытащил из кармана кусок хлеба, который припрятал за завтраком, и достал из банки последний ломтик консервированного мяса. Потом он налил воды в маленький колпачок от какого-то аптечного пузырька. Лошадь жевала траву, полузакрыв глаза, и вздыхала от удовольствия.

— Омри!

— Иду, иду!

— Все уже ушли! Поторопись! Ты опоздаешь!

И вот еще что. Индеец не сможет строить дом без инструментов, одного ножа явно недостаточно, ему нужен хотя бы топор. Омри опять ринулся к коробке из-под печенья. Ага, вот он, рыцарь с военным топором! Это было не совсем то, что нужно, но все-таки лучше, чем ничего. Через минуту рыцарь был заперт в шкафчике.

— Омри!

— Иду, иду!

— Что ты там делаешь?!

Бац! — топор уже пошел в ход. Омри распахнул дверцу и вырвал оружие из железных рук рыцаря, у которого времени хватило только на то, чтобы бросить на мальчика один свирепый взгляд. Омри немедленно захлопнул шкафчик, и рыцарь вновь стал пластмассовой фигуркой. Ну и ладно. Он был ужасно неприятный,

как, наверное, и все те рыцари, которые убивали в Палестине бедных сарацинов. Не возиться же с ним! Омри и так опаздывал.

А топор был просто отличный. Блестящая сталь, острое лезвие, насаженное на длинное, тяжелое древко. Омри положил топор перед индейцем.

— Литтл Бэа...

Но тот все еще что-то самозабвенно шептал, беседуя, наверное, с духами своих предков. Ну ничего, вот окончит разговор и сразу все увидит.

Омри сбежал вниз по лестнице, схватил куртку, деньги на завтрак и выскочил на улицу.

ГЛАВА 6
ВОЖДЬ УМЕР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЖДЬ!

Всю дорогу до школы Омри летел стрелой. До занятий оставалось еще минут семь, и он побежал в библиотеку — найти книгу про индейцев. На полке с надписью «Народы мира» он обнаружил томик «Тропой ирокезов».

Библиотекаря на месте не оказалось, поэтому Омри не мог взять книгу с собой, но ничто не мешало ему тут же приступить к чтению. Он сел и стал перелистывать страницы: времени-то у него почти не было.

Нельзя сказать, что Омри был заядлым читателем. Он всякий раз с неохотой принимался за новую книжку, зато старые перечитывал с удовольствием.

Том, который держал в руках Омри, предназначался для взрослых: шрифт мелкий, картинок почти нет, а страниц — страшно сказать — почти триста!

Омри здорово повезло: он почти сразу же наткнулся на две интересные вещи. Во-первых, он выяснил, что ирокезов называли иногда «пять наций» и что одной из этих пяти наций были могауки. Омри слышал об этом племени. Они жили в домах, а не в вигвамах и питались в основном маисом, тыквами и бобами, называя эти овощи «три сестры». Во-вторых, Омри узнал об алгонкинах, главных врагах ирокезов. Он нашел также подтверждение тому, что ирокезы воевали на стороне англичан, а алгонкины — на стороне французов, и при случае они беспощадно скальпировали друг друга.

Книга, явно рассчитанная на взрослых, объясняла, почему индейцы стали такими жестокими. Это место показалось Омри особенно интересным.

Он всегда думал, что индейцы издавна были беспощадны к своим врагам, но, судя по книге, это было не совсем так. По крайней мере, до встречи с белыми людьми их отличала снисходительность к поверженному противнику. Именно белые разжигали вражду между индейскими племенами, именно они рассорили ирокезов с алгонкинами и способствовали войнам, вложив в руки краснокожих огнестрельное оружие и познакомив их с виски — «огненной водой».

Омри так увлекся, что не услышал звонка. Кто-то тронул его за плечо, напоминая, что пора на урок.

Утро тянулось бесконечно. Учительница то и дело окликала Омри, однако мальчик, вздрогнув, тут же вновь погружался в раздумья.

Наконец даже Патрик не выдержал.

— Ты что сегодня такой сонный? В чем дело? — шепнул он, наклоняясь к другу.

— Я думаю о нашем индейце.

— Ну, это уж слишком! — прошипел Патрик. — Хватит мне голову морочить этим индейцем. Их сколько угодно в любом магазине игрушек!

— Я знаю. Там еще продают всякие маленькие вещи для индейцев... Я схожу в магазин на перемене. Пойдешь со мной?

— Не можем же мы уйти из школы! Давай на обратном пути домой, а?

— Я все равно пойду на перемене. Это решено.

— А почему нельзя после уроков?

— Потому что я должен поскорее вернуться домой.

— Домой? И ты не останешься покататься на скейте?

— Омри! Патрик! Прекратите разговоры!

Не успели мальчики замолчать, как раздался спасительный звонок на перемену.

— Я иду. А ты?

— Нет, я не хочу неприятностей.

— Ну что ж. Мне все равно.

— Тебе влетит.

— Влетит так влетит...

Омри пролез через дыру в заборе спортплощадки (ворота всегда были на замке, чтобы дети не выбегали на улицу) и спустя пять минут уже входил в магазин. Пластмассовых фигурок там было полным-полно. Прямо на полу стояла огромная коробка с индейцами и ковбоями. Омри покопался в ней и нашел вождя в очень красивом наряде и в головном уборе из перьев. Он держал в руке лук, а через плечо у него висел колчан со стрелами. Омри купил вождя, истратив часть денег, выданных ему на завтрак, и побежал обратно в школу, надеясь, что его отсутствия не заметили. Он показал вождя Патрику.

— Зачем тебе второй индеец? — удивился Патрик.

— Чтобы у моего были лук и стрелы.

Патрик молча покрутил пальцем у виска.

После перемены по расписанию шли два урока труда. Омри забыл захватить с собой вигвам, который собирался доделать, но в кабинете труда нашлось все необходимое — и щепочки, и нитки, и иголки — и вскоре он смастерил новый, лучше прежнего. Омри всегда терпеть не мог шить, а сейчас он целый урок не поднимал головы, стараясь поаккуратнее скрепить нитками верхушку вигвама.

— Очень хорошо, Омри, — сказала учительница. — Откуда столько терпения?

Омри, которому всегда нравилось, когда его хвалили, не обратил никакого внимания на эти лестные слова, потому что был полностью поглощен своей работой.

Он даже Патрика не замечал, а ведь тот давно уже стоял рядом с ним и громко сопел, пытаясь таким образом привлечь к себе внимание друга.

— Это для твоего индейца? — наконец спросил Патрик.

— Да, для него, — подняв голову, ответил Омри.

— Почему ты делаешь вигвам из разных кусочков?

— Чтобы был похож на настоящий.

— На настоящем бывает рисунок.

— На этом тоже будет. Он нарисует настоящий. Ирокезский.

— Кто он?

— Литтл Бэа — Маленький Медведь.

— Почему не Сопливый Нос? — спросил с издевкой Патрик.

Омри с упреком посмотрел на него.

— Потому что его зовут Маленький Медведь, — спокойно ответил он.

Патрик перестал ухмыляться. Он обиженно нахмурился:

— По-моему, хватит делать вид, что все это всерьез!

Омри загадочно посмотрел на Патрика, хмыкнул и вернулся к своей работе. Помолчав, Патрик спросил:

— Можно я пойду к тебе после школы?

— Нет, сегодня нельзя.

— Почему?

— У мамы сегодня гости, — промямлил Омри.

Он не любил и не умел врать, так что Патрик сразу уловил фальшь и обиделся.

— А-а, ну тогда ладно, — сказал он сердито и отошел.

Уроки наконец-то закончились. Уже через десять минут Омри был дома, хотя обычно у него уходило на дорогу целых полчаса. Запыхавшись, он поздоровался с мамой и, отказавшись от чая, собрался подняться к себе, но мама остановила его.

— Что ты делал в своей комнате? На полу столько мусора: повсюду трава и куски коры! А где ты взял такой отличный индейский вигвам? Мне даже показалось, что он сделан из настоящей кожи! — Мама ругала Омри и одновременно восхищалась им.

Омри посмотрел на нее. Он не знал, что сказать.

— Я... — начал было он, но тут же осекся.

Одно дело — врать Патрику, и совсем другое — маме. Омри обманывал ее только в исключительных случаях. Неожиданно зазвонил телефон. Мама сняла трубку, а Омри, облегченно вздохнув, помчался наверх.

В комнате действительно царил беспорядок, но так бывало всегда, когда он что-нибудь мастерил. Ни индейца, ни лошади Омри не заметил, но он знал, где их найти. Скорее всего, они были за шкафом.

Заглянув туда, Омри замер от восхищения. На полу стоял дом — еще не законченный, но удивительно красивый, напоминающий перевернутую вверх дном корзиночку. Литтл Бэа трудился так увлеченно, что даже не заметил, что он уже не один. Омри

наблюдал за ним, затаив дыхание. Белели аккуратно очищенные от коры веточки березы. Они были согнуты в дугу и прикреплены ниточками-канатиками к полу. Эти веревочки переплетались с другими, и все вместе они образовывали каркас строения. Литтл Бэа не понадобилось ни одного гвоздя, ни одной железки! Сейчас он соединял какими-то веревочками куски коры в тех местах, где ветки перекрещивались. Он сидел на крыше, а военный топор рыцаря лежал около кучки необработанных прутиков. Сразу было видно, что индеец пользовался им, когда рубил веточки и обстругивал их. Наконец человечек сладко потянулся, закинув руки за голову, и широко зевнул.

— Устал? — спросил Омри.

Литтл Бэа от неожиданности так вздрогнул, что чуть не свалился с крыши, а лошадь рванулась, натянув поводья. Но тут индеец увидел Омри и улыбнулся.

— Да, Литтл Бэа устать. Работать долго. Твоя посмотреть, Литтл Бэа построить дом. Нужно много люди. Моя работать один. Нет хороший топор, нет хороший молот. Топор тяжелый. Почему нет томагавк?

Омри привык к тону индейца и его манере говорить и больше на него не обижался. Вытащив из портфеля вигвам, который он сделал в школе, Омри показал его своему маленькому другу.

— Теперь, когда у тебя есть дом, тебе, наверное, не нужен вигвам?

— Нужен, нужен. Хороший. Давай краски. Моя делать рисунки.

Омри пошел за красками. Когда он вернулся, Литтл Бэа сидел, скрестив ноги, и разглядывал вождя, которого Омри положил рядом с вигвамом. Литтл Бэа был озадачен.

— Он пластмассовый, — объяснил Омри. — Я купил его в магазине.

— Пласт-мас-совый.

Индеец, не отрываясь, смотрел на фигурку в роскошном головном уборе из перьев.

— Твоя делать чудо, дать моя лук и стрелы.

— Хорошо.

— И перья делать настоящие?

— Тебе нравится украшение вождя?

— Нравится. Это отличие вождя — перья, много перья. Литтл Бэа пока не вождь. Только когда умереть его отец.

— Но тебе хочется примерить?

Литтл Бэа кивнул, но в его глазах застыло сомнение.

— Сначала делать чудо, потом решать.

Омри запер индейского вождя в шкафчике. Прежде чем повернуть ключ, он наклонился к Литтл Бэа, который разглядывал огромную коробку с красками, и спросил его:

— Литтл Бэа, ты одинок?

— Что? — не понял его индеец.

— Ты бы хотел иметь друга?

— У меня есть, — сказал индеец и кивнул на лошадь.

— Нет, я имею в виду другого индейца.

Литтл Бэа задумчиво посмотрел на Омри и опустил голову.

— Жена? — с сомнением в голосе спросил он через некоторое время.

— Нет, мужчину, друга, вождя.

— Не хотеть! — решительно ответил Литтл Бэа и вернулся к работе.

Омри был разочарован, ведь ему так хотелось иметь двух живых индейцев. Но он не мог дать Литтл Бэа друга, которого тот не хотел. Придется с вождем обойтись так же, как с рыцарем: выхватить у него оружие, а его самого опять превратить в игрушку.

Однако на сей раз все вышло иначе, совсем не так, как предполагал Омри.

Когда Омри открыл шкафчик, индеец сидел на полке и с удивлением глядел перед собой, щурясь от света, ударившего ему в глаза. Мальчик сразу заметил, что индеец старый, очень старый: все его лицо было в морщинах. Омри легко взял у него лук, а вот со стрелами было сложнее: колчан висел за спиной вождя на кожаном ремне, так что завладеть им, не сняв с седой головы индейца пышного убора из перьев, Омри никак не мог. Решиться же на такое ему не позволяла совесть — ведь перед ним сидел глубокий старик.

Старый индеец сначала смотрел на Омри ничего не выражающим взглядом, а потом в его глазах появился ужас. Он не вставал и ничего не говорил, хотя губы его шевелились, а беззубый рот то открывался, то закрывался. Омри понял, что ему надо как-то успокоить старого вождя, поэтому он приложил к груди руку, как это делали иногда в фильмах белые люди, когда хотели почтительно приветствовать индейских вождей, и сказал:

— Здрасьте!

Старый индеец тоже приподнял свою трясущуюся руку и — медленно повалился набок.

— Литтл Бэа, Литтл Бэа, скорее!

Омри подбежал к шкафу, и Литтл Бэа вскарабкался к нему на ладонь прямо с крыши дома, на которой все еще сидел.

— Что? Почему кричать?

— Старый индеец. Я думаю, он потерял сознание.

Омри поднес руку к шкафчику, и Литтл Бэа ступил на полку. Остановившись около старика, он вытащил из-за головной повязки свое единственное перо, приложил его к губам старого вождя и выпрямился с сумрачным видом.

— Мертвый, — сказал он. — Нет дыхание. Сердце остановиться. Старый человек. Он очень счастливый, он уже в Страна Вечной Охоты.

Спокойно, без суеты Литтл Бэа принялся снимать с мертвого вождя его роскошный головной убор из перьев, колчан со стрелами и яркую накидку. Омри это очень не понравилось.

— Остановись, Литтл Бэа! Не надо!

— Вождь умереть. Литтл Бэа здесь единственный индеец. Никто, кроме него, не быть вождь. Теперь Литтл Бэа вождь! — заявил он, набрасывая накидку на свои обнаженные плечи и водружая на голову украшение из перьев. Затем он подобрал с полки колчан со стрелами.

— Омри — лук! — приказал новый вождь.

Это прозвучало как приказ, и Омри, не задумываясь, исполнил его.

— А теперь делать чудо — олень для охота, огонь для пища, хороший мясо.

Он скрестил руки на груди и повелительно глянул на Омри.

Мальчик вовсе не ожидал такого поворота событий. Он относился к Литтл Бэа, как к живому человеку, уважал его и с удовольствием выполнял его просьбы, но он вовсе не собирался становиться его слугой. Омри вдруг подумал, что он поступил

весьма опрометчиво, когда сделал индейца вождем и одарил его оружием.

— Послушай-ка, Литтл Бэа... — начал мальчик, желая объясниться с индейцем, но тут снизу раздался голос отца:

— Омри!

Судя по тону, отец явно был чем-то недоволен.

Омри вздрогнул и нечаянно толкнул шкафчик. Литтл Бэа упал на спину и сразу утратил свой величественный вид.

— Спускайся немедленно сюда! — велел папа.

У Омри не оставалось времени на извинения. Он поставил индейца рядом с домом, запер дверь шкафчика на ключ и побежал вниз по лестнице. Папа ждал его, нетерпеливо прохаживаясь по гостиной.

— Это ты был в теплице?

— Да, но...

— Это ты забрал мешок с землей?

— Да, но...

— Зачем ты содрал кору с березы?

— Папа, я...

— Разве ты не знаешь, что без коры дерево может умереть? Это же как кожа у человека. А зачем тебе земля? Ты должен вернуть ее и больше никогда не трогать мои вещи.

Омри и папа смотрели друг на друга — папа явно сердился.

— Я не могу вернуть землю, — наконец сказал Омри, — но я куплю тебе другую. У меня есть деньги. Пожалуйста, не сердись.

По правде говоря, папа легко терял самообладание, особенно когда дело касалось сада и теплицы, которые он обожал, но он понимал своих детей, старался не вмешиваться в их дела и не выведывать их секретов. Вот и теперь он быстро смирился с тем, что мешочка с землей ему больше не видать. Кричать на Омри и требовать землю назад было бессмысленно.

— Хорошо, — согласился он. — Ты пойдешь в магазин и купишь мне новую землю. Сегодня же.

— Но ведь уже почти пять.

— Ничего, если поторопишься, то успеешь до закрытия.

ГЛАВА 7
НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Омри не разрешали ездить на велосипеде по дороге, а по тротуару, известное дело, не очень-то разгонишься. Но мальчик нашел выход из трудного положения. Он медленно доехал по тротуару до угла дома, а потом свернул на дорогу и помчался, как ветер. Магазин еще работал, и Омри купил мешочек с землей. Он уже платил за него, когда заметил пакетик с надписью: «Тыква». Омри тотчас вспомнил про «три сестры» и спросил у продавца, что такое маис, потому что, читая книгу, он так и не понял, что же это такое.

— Маис — это сладкая кукуруза, — объяснил продавец.

На улице около велосипеда Омри стоял Патрик.

— Привет!

— Привет. Я видел, как ты заходил в магазин. Что ты покупал?

Омри показал Патрику пакетик.

— Все еще делаешь подарки своему индейцу? — посмеиваясь, спросил Патрик.

— Да вроде того...

Патрик посмотрел на Омри. Омри посмотрел на Патрика.

— А я заходил в магазин игрушек, — сказал Патрик, — и купил там кое-что...

— Что? — оживившись, поинтересовался Омри.

Патрик медленно вытащил руку из кармана и разжал кулак. На ладони лежал пластмассовый ковбой на лошади, вооруженный револьвером. Омри молча посмотрел на него, а потом отрицательно покачал головой.

— Ковбоя не надо.

— Почему? Теперь ты сможешь играть по-настоящему: с индейцем и ковбоем.

— Нет. Они станут драться, — объяснил Омри.

— Ну и что из этого?

— Они могут поранить друг друга.

Оба мальчика замолчали. Потом Патрик пожал плечами и сказал очень медленно и очень громко:

— Как они могут поранить друг друга, если они пластмассовые?

— Понимаешь... — Омри хотел было все рассказать, но опять заколебался и умолк.

Однако потом он все же решился:

— Индеец не пластмассовый. Он живой, настоящий, честное слово, настоящий!

Патрик шумно вздохнул и сунул пластмассового ковбоя обратно в карман. Он дружил с Омри очень давно, с первого класса, и всегда знал, когда Омри врет, а когда — нет. Вся сложность была в том, что сейчас он точно знал, что Омри не врет, но поверить ему не мог.

— Я хочу сам все увидеть, — наконец сказал Патрик.

Омри обуревали противоречивые чувства. Он знал, что если не поделится своей тайной с Патриком, то потеряет друга. Кроме того, ему и самому не терпелось показать кому-нибудь индейца. Короче говоря...

— Ладно, — согласился он. — Пошли.

Домой они ехали на велосипеде, причем по дороге. Омри сидел в седле и крутил педали, а Патрик сидел на раме, что тоже не разрешалось.

Когда ребята оказались во дворе, Омри сообщил:

— Ему нужен костер. Ума не приложу, как это можно устроить.

— А разве у вас не найдется металлической тарелки?

— Точно! Давай тогда соберем веток для костра.

Патрик немедленно схватил огромную ветку, и Омри рассмеялся.

— Такая не подойдет. Нам нужны совсем крохотные.

— Он что, хочет готовить на костре еду? — спросил Патрик.

— Да, а что?

— Тогда ветки вообще не годятся, они тут же сгорят.

А Омри об этом и не подумал.

— Нужна смола. Она будет гореть долго, а ветки мы положим сверху, просто для красоты.

— Здорово ты все придумал!

— И я знаю, где взять смолу. Я видел улицу, где ремонтируют дорогу.

— Пошли возьмем.

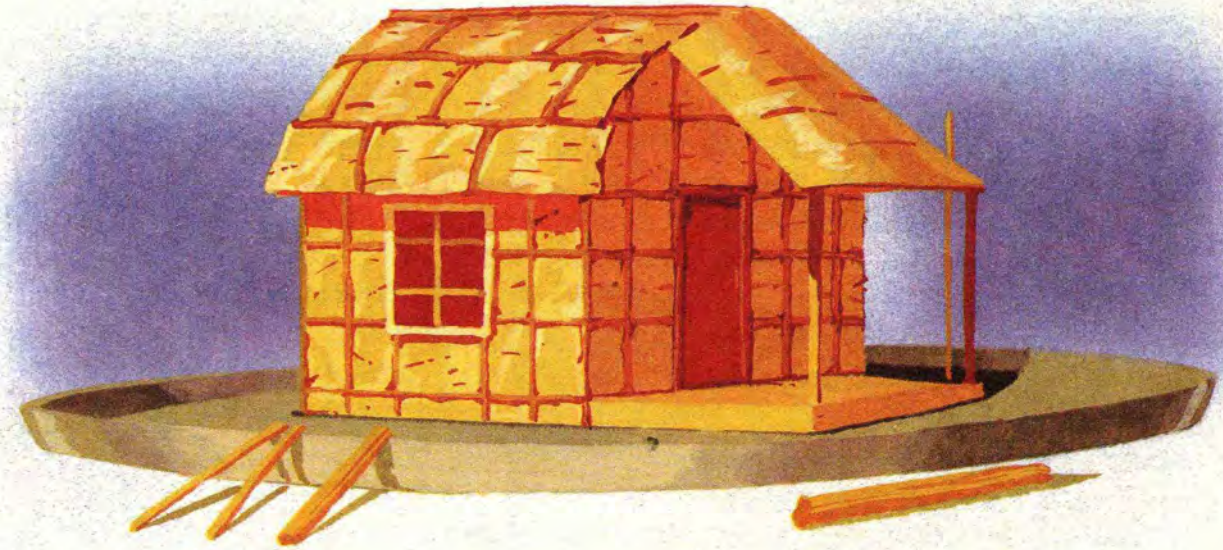
— Нет, я не пойду.

— Почему?

— Я не очень-то верю в живого индейца. Я хочу убедиться, что он существует.

— Ладно. Но сначала я отнесу все это папе.

Омри пришлось ненадолго задержаться, потому что папа захо-

тел, чтобы он сам насыпал землю в один из горшков, посадил туда какой-то кустик и полил его. Омри этого делать не хотелось, но папа настаивал. Только после того, как Омри подарил ему семена кукурузы, отец согласился на то, что Омри займется этим завтра.

— А теперь беги, — сказал папа. — Я вижу, тебе не терпится вернуться к Патрику.

Друзья помчались по лестнице наверх, в комнату Омри. Подбежав к двери, Омри похолодел: она была распахнута настежь! В комнате, спиной ко входу, сидели на корточках оба его брата. Они что-то сосредоточенно рассматривали. Адель и Джиль сидели так неподвижно, что Омри понял: перед ними находится что-то необычное. Омри сначала испугался, а потом ужасно разозлился. Как они посмели зайти в его комнату без разрешения, да еще разглядывать его индейца?! Омри был вне себя. Теперь они все всем расскажут, раскроют его секрет, его тайну, которую он так тщательно скрывал! Омри пришел в такую ярость, что заорал:

— Убирайтесь из моей комнаты! Вон из моей комнаты!

Оба мальчика вскочили и повернулись к Омри.

— Не ори, ты его испугаешь, — тихо произнес Адель. — Джиль вошел в твою комнату, потому что сюда прибежал его хомяк, а потом он увидел чудесный дом, который ты сделал, и позвал меня посмотреть на него.

Омри глянул на пол. В центре комнаты стоял почти полностью достроенный дом. Так вот что они разглядывали!

Окинув взглядом комнату и не увидев ни лошади, ни индейца, Омри успокоился. Белый хомяк сидел у Джиля на плече.

— Я не могу понять, — продолжал Адель, — как это ты сделал без клея и гвоздей? Кора и щепочки настоящие! Это же просто чудо! — восхищался Адель.

Омри почувствовал угрызения совести.

— Это не я... — начал он.

Но Патрик, который с изумлением рассматривал дом, так толкнул его, что Омри поперхнулся.

— Ну да, — сказал Омри. — А теперь вы, может, все-таки уйдете? Забирайте хомяка. Нечего было его сюда впускать. Это моя комната.

— А это, между прочим, мое увеличительное стекло, — обиженно отозвался Джиль, но, судя по всему, он был в таком восторге от дома, что не очень разозлился на Омри. Ему не хотелось ссориться. Он все еще внимательно рассматривал через лупу разные детали постройки.

— Я всегда знал, что у тебя умелые руки. Но такого и предполагать не мог. Ты просто волшебник, если смог завязать все эти маленькие узелочки. А это что такое? — вдруг спросил он, прислушиваясь.

И тогда все услышали тихое, тоненькое ржание, которое доносилось из-под кровати. Омри бросился туда. Любым способом он должен заставить братьев выйти из комнаты! Он опустился на колени и полез под кровать.

— А, ерунда, — сказал он, выбравшись и отряхивая штаны. — Это мой заводной дельфин, которого я выиграл на Рождество. Я, наверное, завел его, вот он и пошумел немножко.

С этими словами Омри принялся подталкивать братьев к выходу.

— Почему тебе так хочется избавиться от нас? — подозрительно спросил Джиль.

— Идите, идите, — торопил их Омри. — Ну, что же вы? Я вас очень прошу. Да уйдете вы, в конце концов, или нет?!

Тут лошадь опять заржала, и это ничуть не было похоже на заводного дельфина.

— Ржет, как лошадь, — заметил Адель.

— Ну конечно, это пони, маленький волшебный пони, который живет у меня под кроватью, — со смехом сказал Омри.

Наконец братья вышли, бросая на Омри недоуменные взгляды.

А Омри поскорее захлопнул дверь, закрыл ее на ключ и, тяжело дыша, прислонился к ней спиной.

— Это что, и правда пони? — шепнул Патрик.

— Правда, — сказал Омри, лег на пол и стал всматриваться в темноту под кроватью.

Лошадь стояла там, а индейца видно не было, но тут лошадь повернула голову, и Омри заметил Литтл Бэа.

— Все в порядке, Литтл Бэа, это я, — сказал Омри.

— Кто другие?

— Это были мои братья, они не видели тебя.

— Литтл Бэа слышать шаги. Брать лошадь, бежать прятаться.

— Молодец, выходи, не бойся. Я познакомлю тебя с моим другом Патриком.

Литтл Бэа в новой накидке и роскошном головном уборе из перьев верхом на лошади гордо выехал из-под кровати. Он покровительственно взглянул на Омри, а потом на Патрика, который пытался что-то сказать, но от волнения не мог произнести ни слова.

— Друг Омри — друг Литтл Бэа, — высокомерно заявил индеец.

Патрик промолчал. Он продолжал смотреть на индейца, не в силах овладеть собой. Литтл Бэа из вежливости подождал некоторое время, но, не получив ответа, неторопливо поскакал в сторону своего дома и спокойно приступил к работе.

Патрик облизнул пересохшие губы и сказал охрипшим от волнения голосом:

— Он настоящий, настоящий живой индеец!

— Я же говорил тебе, — кивнул Омри.

— Как это случилось?

— Не спрашивай, я и сам толком не знаю. Все это как-то связано со шкафчиком или с маленьким ключом от него. Я запираю пластмассовые фигурки в шкафчик, и они оживают.

Патрик круглыми от удивления глазами уставился на друга.

— Ты можешь это сделать с любой игрушкой? Это правда?

— Правда, но только с пластмассовой.

— Тогда чего мы ждем? Давай оживим все игрушки! Целые армии!

И он бросился к коробке из-под печенья. Омри остановил его.

— Подожди. Все не так просто, как тебе кажется.

Патрик, собиравшийся засунуть в шкафчик целую горсть пластмассовых солдатиков, обернулся.

— Чего ждать, почему?

— Потому что они станут настоящими, живыми.

— Ну и что? Мы этого и хотим.

— Литтл Бэа уже не игрушка. Он — настоящий индеец, мужчина. Он и на самом деле жил когда-то. А может, и сейчас живет где-нибудь в Америке... но только в тысяча семьсот каком-то году. Он из прошлого, — пытался объяснить свои мысли Омри.

— Я не понимаю, о чем ты? — удивился Патрик.

— Послушай, Литтл Бэа рассказал мне кое-что о себе. Он воевал на войне, снимал скальпы с людей, выращивал кукурузу. У него была жена, но она умерла. Он не знает, как он здесь очутился, и думает, что это волшебство, — а он верит во всякие чудеса и духов. Он считает, что и я — дух. Дело в том, — продолжал Омри, — что, если поставить этих пластмассовых людей сюда, в шкафчик, они оживут, станут настоящими живыми людьми из своего времени и своей страны, говорящими на разных языках. И никто не сможет заставить их делать то, чего они не хотят делать. Они будут поступать так, как сами сочтут нужным, или же попросту испугаются и убегут. Я попробовал оживить еще одного индейца. Он был совсем старый и умер — умер от страха, когда увидел меня. Если ты не веришь мне, посмотри сам.

И Омри открыл шкафчик.

Там лежало тело старого вождя. Индеец был пластмассовым и — мертвым. Живой человек никогда не смог бы лежать, так неудобно скорчившись. Патрик взял его и долго рассматривал. А потом быстро положил вождя на пол, вытер руки о джинсы и высыпал пластмассовых солдатиков обратно в коробку.

— Это тот, которого ты купил на перемене?

— Да.

— А где его перья?

— Литтл Бэа взял их и сказал, что теперь он вождь. Он действительно думает, что он вождь. И это сделало его еще более... — Омри подыскивал слово и наконец сказал то, что обычно говорила ему мама, когда он хотел непременно настоять на своем, — более упрямым, чем прежде.

Патрик внимательно посмотрел на друга.

— Кажется, ты прав, — сказал он, — и все не так просто, как мне сначала показалось.

Оба мальчика повернулись к Литтл Бэа, который тем временем закончил возиться с крышей. Сняв свой роскошный головной убор —

символ власти вождя — и держа его в руке, он вошел в дом, но тут же вернулся и задрал голову, чтобы взглянуть на Омри.

— Литтл Бэа голодный, — заявил индеец. — Твоя принести олень? Или медведь?

— Нет, — ответил Омри.

Литтл Бэа рассердился.

— Моя — сказать, твоя — приносить. Почему нет?

— Во-первых, все магазины уже закрыты, во-вторых... — Омри вдруг поймал себя на том, что его голос звучит виновато, как будто он оправдывается, а ведь рядом стоит Патрик!

— А во-вторых, — продолжил он более резко, — не хватало еще, чтобы по моей комнате разгуливал медведь! Кроме того, я вовсе не хочу, чтобы ты его убил. Я дам тебе мясо и костер, а ты уж сам приготовишь себе еду.

Литтл Бэа казался удивленным. Он быстро натянул свой головной убор, выпрямился во весь рост, сложил руки на груди и высокомерно посмотрел на Омри.

— Литтл Бэа теперь вождь. Вождь охотиться сам. Не брать мясо, который убить другие. Если вождь не охотиться, он забывать, как стрелять из лук. Сегодня твоя дать мясо, завтра идти в магазин покупать медведь пластмассовый и делать настоящий. Литтл Бэа охотиться. Не здесь, — добавил он, презрительно глядя на потолок. — Не в дом. Под небо. А теперь твоя делать костер.

Патрик завороженно смотрел на индейца.

— Я пойду принесу смолу, — предложил он.

— Нет, подожди. Я придумал кое-что другое, — сказал Омри.

Он побежал вниз, в гостиную. К счастью, там никого не было. Около камина лежали щепки. Он взял целую горсть и, завернув их в газету, пошел в кухню. Мама стояла у раковины и чистила яблоко. Омри помедлил, а потом открыл холодильник.

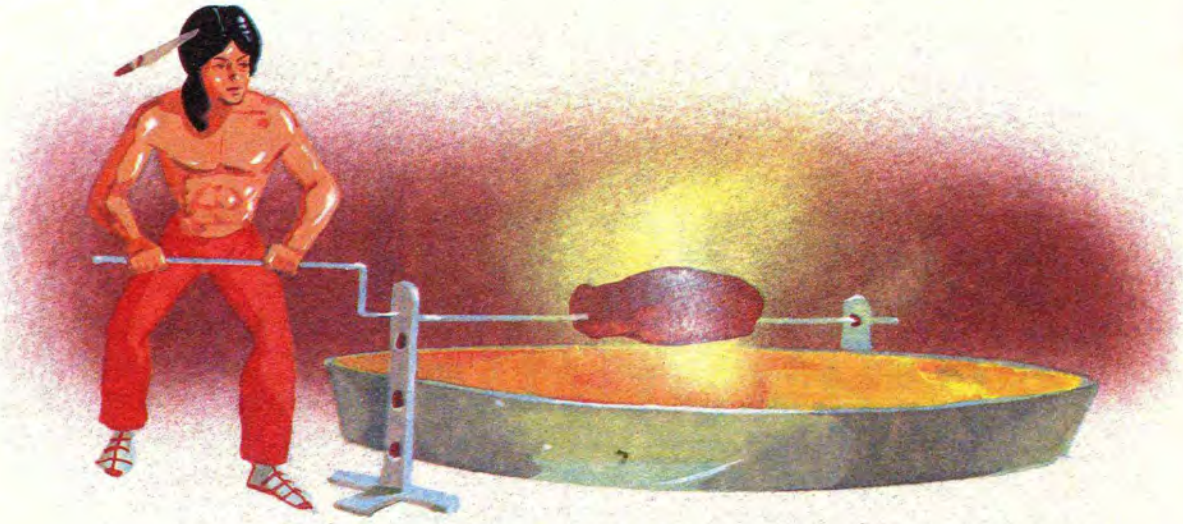
— Ничего не бери, Омри, скоро будем обедать, — сказала мама.

— Да я немножечко, — умоляюще произнес Омри.

В холодильнике лежал отличный кусок сырого мяса. Взяв из буфета нож, Омри отрезал маленький кусочек и, не спуская глаз с маминой спины, спрятал его в газетный кулек, где уже лежали щепки для костра. Мама оглянулась, когда он уже закрывал холодильник.

— Что ты хочешь? — спросила мама.

— Ничего, — ответил Омри. — Мам, можно я возьму металлическую тарелку?

— У меня такой нет, — ответила мама.

— Есть. Помнишь, ты купила Аделю, когда он ходил с ребятами в поход?

— А, да, она где-то у Аделя. А зачем она тебе?

Но Омри уже бежал вверх по лестнице. Адель сидел у себя в комнате и делал уроки.

— Тебе чего? — спросил он у вошедшего Омри.

— Слушай, дай мне железную тарелку, ну, помнишь, ту, что ты брал с собой в поход.

— А, эту, — безразлично сказал Адель, возвращаясь к урокам. — Возьми, она где-то там, в рюкзаке.

В конце концов Омри отыскал ее. Она лежала на самом дне и была покрыта противным жирным налетом. Потом он прямо-таки взлетел по лестнице к себе в комнату. Уходя из нее хоть на несколько минут, он каждый раз боялся, что за время его отсутствия там случится что-нибудь непоправимое.

Однако, слава богу, в комнате все было по-прежнему. Патрик сидел на корточках около дома. Литтл Бэа руководил им, указывая, где и что надо рисовать, и сам при этом рисовал что-то такое миниатюрное, что невозможно было рассмотреть без увеличительного стекла.

— Он смастерил себе кисточку, — шепотом оповестил друга Патрик. — Он отрезал прядь собственных волос и привязал к деревянной палочке. Отлей ему немного краски в колпачок от пузырька, чтобы удобнее было ею пользоваться.

Омри не обратил внимания на просьбу Патрика, он в это время пытался отскрести жир с тарелки. Отчистив жир, мальчик положил на тарелку щепки и, вытащив из конструктора металлический стерженек, закрепил на нем кусочек мяса. Потом он пристроил этот шампур так, чтобы мясо оказалось над огнем.

— Зажигай костер, — взволнованно скомандовал Патрик и подозвал Литтл Бэа.

Индеец прибежал немедленно. Омри показал ему, как вращать шампур, и через несколько минут комнату наполнил приятный запах.

— М-м, — промычал Литтл Бэа одобрительно. — Мясо — хорошо.

Он снял накидку. Его медная грудь блестела в свете костра. Патрик не мог отвести от него взгляда.

— Пожалуйста, Омри, — взмолился Патрик, — можно, я тоже возьму какую-нибудь пластмассовую фигурку и оживлю ее в твоем шкафчике?!

ГЛАВА 8
КОВБОЙ

Омри пристально посмотрел на Патрика. Как же ему раньше не пришло в голову, что любой, кто узнает его секрет, тоже захочет, чтобы у него был собственный живой человечек? Ведь это так очевидно! Омри отлично понимал Патрика, и тем не менее Патрику опять пришлось выслушать сумбурные соображения друга о том, что ожившие фигурки вовсе не игрушки, а настоящие живые люди и играть с ними нельзя. Но разве это можно объяснить?!

— Конечно, — согласился Патрик, — ты совершенно прав, но разреши мне все-таки поставить в шкафчик...

— Подумай хорошенько, Патрик, — уговаривал Омри. — Не надо, остановись! — закричал он, когда увидел, что Патрик направился к коробке с солдатиками. — Я не хочу, чтобы ты брал мои игрушки!

Омри и сам не понимал, почему ему так не хотелось, чтобы Патрик оживил еще какую-нибудь фигурку. Он был уверен, что тогда случится что-то ужасное. Но остановить друга было уже невозможно. Омри схватил Патрика за руку, но тот и не собирался сдаваться.

— А я хочу, я тоже хочу! — кричал он, вырывая свою руку.

Он подбежал-таки к коробке из-под печенья, но Омри оттолкнул его. Тогда Патрик изо всей силы ударил Омри кулаком, так что тот покачнулся и ненароком наступил на металлическую тарелку. Чтобы не упасть, он обеими руками вцепился в рубашку Патрика, и только тогда, несколько опомнившись, мальчики догадались глянуть себе под ноги.

Тарелка опрокинулась, пламя охватило ковер. Литтл Бэа с криком отскочил в сторону и теперь махал руками и отчаянно ругался. Жареное мясо безвозвратно сгинуло под ногами Омри, когда тот пытался затушить огонь.

— Посмотри, что ты наделал! — закричал Омри на Патрика. — Ты испортил мясо. Ты только и умеешь, что драться. Лучше б я тебя сюда вообще не приводил!

Патрик почувствовал себя виноватым.

— Ты тоже хорош! — возразил он, чуть не плача. — Почему ты не дал мне поставить в шкафчик фигурку, я же просил тебя...

Омри поднял ногу. Под каблуком лежал наполовину раздавленный кусочек мяса и согнутый металлический стерженек.

— Твоя не Великий Дух. Твоя — глупый дурак, — заявил индеец. — Драться, портить хорошая еда! Стыдно твоя быть!

— Может, мясо еще можно есть? — высказал свое предположение Омри.

Он поднял бесформенный кусочек и попытался, обжигая пальцы, обтереть его. Это не помогло. На мясо налип ворс от ковра и крохотные угольки.

— Прости, пожалуйста, Литтл Бэа, — прошептал мальчик.

— Не прощать! — сердито ответил индеец. — Литтл Бэа голодный, работать весь день, готовить еду — а теперь? Что кушать?! Моя порубить твоя, как дерево!

Он кинулся к военному рыцарскому топору, схватил его и, размахивая этим грозным оружием, подбежал к ноге Омри. Патрик просто танцевал от восторга. Какой же он смелый, этот маленький индеец!

Омри понял, что дело зашло слишком уж далеко. Он поспешно убрал свою ногу и сказал:

— Литтл Бэа, успокойся! Я же извинился.

Индеец зло посмотрел на него и принялся ожесточенно рубить деревянную ножку стула.

— Если ты немедленно не прекратишь, я засуну тебя обратно в шкафчик, — вынужден был пригрозить Омри.

Литтл Бэа выронил топор и замер. Он стоял спиной к мальчикам, его плечи дрожали.

— Не волнуйся, Литтл Бэа, я прямо сейчас принесу тебе чего-нибудь вкусненького. А ты пока порисуй свои тотемы. Я мигом, — пообещал Омри.

— Останься здесь, — шепнул он Патрику, — чувствуешь — пахнет, мама готовит обед. Пойду добуду ему еды.

И он сломя голову понесся вниз по лестнице.

Мама тушила мясо.

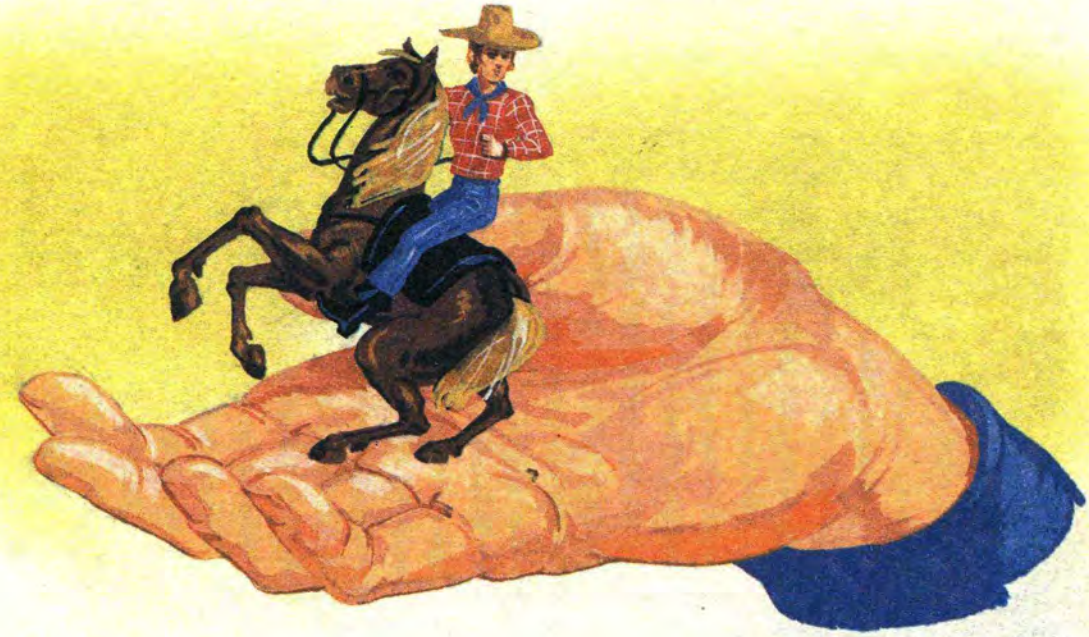
— Можно, я возьму немножко? — спросил Омри. — Совсем чуть-чуть, одну ложечку. Мне для игры надо.

Мама дала ему столовую ложку гуляша.

— Только не урони, — сказала она. — Патрик останется у нас обедать?

— Не знаю, надо у него спросить, — на бегу ответил Омри.

— Вы что, дрались там? — спросила мама. — Я слышала какой-то шум.

— Да нет, не совсем. Просто он хотел сделать то, что я ему не разре...

Внезапно Омри испугался. Патрик был наверху, рядом со шкафчиком, и имел под рукой целую кучу пластмассовых фигурок!

У Омри в школе как-то устраивали шуточный конкурс — надо было пробежать дистанцию с яйцом на ложке и не разбить его. Омри тогда выиграл, так что теперь ему не составило никакого труда взлететь по лестнице, не уронив гуляш. Он думал только о том, что творится сейчас в его комнате. Он очень боялся опоздать. Ворвавшись к себе, Омри сразу понял, что его друг зря времени не терял.

Патрик стоял, наклонившись к шкафчику, и открывал дверцу.

— Что ты?.. — только и успел спросить Омри, задыхаясь от быстрого бега.

Не обращая на него никакого внимания, Патрик запустил в шкафчик руку и извлек оттуда что-то маленькое и живое. Глядя блестящими восторженными глазами на Омри, он протянул ему открытую ладонь и прошептал:

— Смотри!

Омри вздохнул с облегчением, когда понял, что Патрик засунул в шкафчик не целый батальон солдатиков, а только одну фигурку. Но вот какую? Он подошел поближе и наклонился над протянутой ладошкой. Это был ковбой. Ковбой верхом на лошади.

Лошадь была страшно напугана. Она металась по ладони, приседала на задние ноги, взвивалась на дыбы и жалобно ржала. Лошадь была очень красивая, с длинной гривой и длинным хвостом. И от жалости к ней у Омри больно сжалось сердце.

Что касается ковбоя, то он старательно успокаивал лошадь и был полностью поглощен этим занятием. Он пытался удержаться в седле, и ничто другое его сейчас не волновало. Возможно, он подумал, что началось землетрясение. Омри и Патрик, затаив дыхание, наблюдали, как маленький человек в широкополой шляпе, клетчатой рубашке, кожаных штанах и сапогах на высоких каблуках укрощал смертельно перепуганную лошадь, мечущуюся между указательным и большим пальцами.

Тут шляпа у ковбоя слетела и, спланировав, опустилась на пол. Ковбой что-то крикнул, соскочил с лошади, залез на палец Патрика и повис, ухватившись за ноготь и не думая об опасности.

— Не шевелись! — скомандовал Омри Патрику, который в восторге размахивал другой рукой.

Лошадь встала как вкопанная, дрожа всем телом. У седла болтался какой-то маленький черный предмет. Приглядевшись, Омри понял, что это револьвер. Тем временем ковбой переполз с пальца на ладонь и, обратившись к лошади, сказал:

— Вот и молодчина. Давно бы так!

Потом он взял животное под уздцы и похлопал его по шее. Этот жест окончательно успокоил лошадь. Оглядевшись по сторонам, но не заметив слишком уж для него большие лица Омри и Патрика, ковбой достал из седельной кобуры револьвер — очевидно, на всякий случай.

Омри как зачарованный наблюдал за ковбоем. Мальчик хотел было предупредить Патрика, что револьвер настоящий, но не решился. Он боялся, что звук его голоса испугает лошадь, и та лягнет ковбоя, который стоял совсем рядом с ней. Омри увидел, как человечек вскинул револьвер, однако врага поблизости не оказалось, и он вновь опустил его. Все еще держа лошадь под уздцы, ковбой присел на корточки и рукой коснулся ладони Патрика. Потом он задрал голову и принялся разглядывать человеческие пальцы, нависшие над его лицом.

— Какая странная пещера, — сказал ковбой. — Похожа на большую руку... да нет, что я говорю, этого не может быть, этого просто не может быть!

Но чем дольше он смотрел, тем более убеждался в своей пра-

воте. Наконец он еще раз огляделся по сторонам и, разумеется, увидел лицо Патрика.

Он застыл от изумления, но тут же опомнился, поднял револьвер и выстрелил.

— Патрик, закрой глаза! — крикнул Омри.

Еле слышно просвистела крохотная пуля — самая настоящая! — и появился слабый запах пороха.

И тут же раздался крик боли: Патрик обеими руками схватился за щеку. Он непременно уронил бы человечка и его лошадь, если бы Омри вовремя не подхватил их.

— О-о-о! Он выстрелил в меня! — чуть не плакал Патрик.

Но Омри больше волновался за ковбоя, чем за Патрика, на которого был страшно зол. Быстро опустив всадника с лошадью на кровать, он обратился к ковбою в таком же тоне, в каком тот недавно говорил с испуганным животным:

— Тихо, парень! Я тебя не трону. Тихо!

— О-о-о! — продолжал стонать Патрик. — Мне больно! О-о-о!

— Так тебе и надо! — все еще сердился Омри. — Ты сам во всем виноват.

Потом ему стало жалко Патрика, и он сказал:

— Ну ладно, давай я посмотрю.

Патрик отнял руку от лица. По щеке размазалась кровь. Разглядывая ранку, Омри заметил что-то, похожее на пчелиное жало.

— Подожди-ка, я сейчас вытащу!

— О-о-о!

И Омри извлек из щеки Патрика малюсенький кусочек металла, который пробил кожу и застрял под ней.

— Он стрелял в меня! — опять запричитал Патрик.

— Я же говорил тебе! А мой индеец ударил меня ножом. Я думаю, нам надо вернуть их! Я имею в виду твоего ковбоя и лошадь.

— Вернуть их? Куда? — не понял Патрик.

Омри в который раз объяснил ему, что в шкафчике живые фигурки опять превращаются в пластмассовые.

— Ну уж нет, — возразил Патрик. — Он мне нравится! Посмотри на него!

Патрик, забыв о боли, с восторгом наблюдал за ковбоем, который, не обращая внимания на великанов и, видимо полагая, что они ему приснились, скакал на своей лошади по одеялу на кровати Омри. Он, наверное, думал, что это дюны в голубой пустыне.

Омри потянулся к ковбою, но Патрик преградил ему путь.

— Не трогай его! Я его купил, и я же его оживил. Он мой.

— Но ты же купил его мне!

— Ты сам сказал, что он тебе не нужен.

— Ну и что? Шкафчик мой, и я просил тебя не подходить к нему.

— Да ладно. Дело-то уже сделано. Ковбой живой, и он мне нравится. Попробуй только отнять его у меня — сразу получишь! Тебе бы понравилось, если бы у тебя забрали индейца?

Индеец! Омри совершенно забыл про него! Испуганно оглядев комнату, он с облегчением вздохнул. Литтл Бэа был всецело занят своими рисунками, и на стенах вигвама уже появились яркие изображения черепах и бизонов. Правда, новоявленный вождь почему-то использовал только красную и желтую краски. Омри очень понравились рисунки, и он подошел поближе, чтобы хорошенько разглядеть их.

Индеец, не поворачивая головы и не глядя на Омри, с вызовом спросил:

— Твоя принести еда? Моя скоро умирать от голод.

Омри опомнился. Куда же он задевал полную ложку гуляша?! К счастью, ложка быстро отыскалась: она лежала на столе, куда Омри впопыхах бросил ее. Несколько капель соуса стекло на стол, но гуляш был цел и даже еще не остыл. Омри поскорее переложил мясо в маленький колпачок и протянул его Литтл Бэа.

— На, вот твой обед!

— Мясо! Хорошо! — заметил Литтл Бэа.

Потом он сел, скрестив ноги, возле своих красок и кисточек и принялся за еду.

— Твоя жена готовить? А, нет, Литтл Бэа забыть. У Омри нет жена.

Некоторое время он жадно ел, потом спросил:

— Омри не хотеть?

— Я скоро буду обедать внизу, в столовой, — ответил Омри.

Merry

— Нет, моя спрашивать, не хотеть Омри жена? — уточнил индеец, явно повеселев.

— Мне еще рано жениться, — сказал Омри.

Литтл Бэа пристально посмотрел на него.

— Да, моя видеть. Омри еще мальчик. Большой, но мальчик.

Он продолжал есть.

— А Литтл Бэа хотеть жена, — заявил он неожиданно, не глядя на Омри.

— Ты хочешь опять жениться?

— Вождь нужна жена. Хотеть красивая. Хорошо готовить.

Он наклонил к себе колпачок, служивший ему миской, и облизал его. Потом опять посмотрел на Омри.

— У ирокез мать выбирать жена для сына. Но у Литтл Бэа нет мать здесь. Омри быть мать и находить жена.

Омри никак не мог представить себя матерью Литтл Бэа, но возражать не стал:

— Я постараюсь. Мне кажется, я видел индейских женщин в магазине игрушек. А вдруг я куплю ее, сделаю настоящей, а тебе она не понравится?

— Понравится. Твоя купить.

— Завтра же зайду в магазин, — пообещал Омри.

Литтл Бэа счастливо улыбнулся. Все его лицо было испачкано соусом.

Патрик подошел и встал за спиной Омри.

— Давай познакомим их и посмотрим, что будет.

— Нет, — отрицательно покачал головой Омри.

— Почему? — не понял Патрик.

— Потому что ты дурак! — прошептал Омри. — У твоего револьвер, а у моего — лук и стрелы, и один из них наверняка убьет другого.

Патрик ненадолго задумался.

— Ну ладно, тогда давай отберем у них оружие.

— Нет, так нельзя! — не соглашался Омри.

Вдруг они услышали, как кто-то поднимается по лестнице. К этому они не были готовы. Омри вскочил и быстро подвинул стол, чтобы загородить Литтл Бэа, а Патрик уселся на кровати, закрывая собой ковбоя, сосредоточенно штурмующего вместе со своей лошадью складки одеяла.

И как раз вовремя. Через секунду открылась дверь, и мама сказала, что Патрика немедленно ждут домой. А Омри пора обе-

дать. Омри открыл уже рот, чтобы возразить, но Патрик быстро сказал:

— Хорошо, сейчас!

Он мгновенно сгреб с кровати ковбоя с лошадью и засунул их к себе в карман. У Омри потемнело в глазах. Ведь лошадь могла запросто сломать ногу или испугаться внезапной темноты. Но Патрик был уже на полпути к выходу. Омри едва успел схватить его за руку, прежде чем тот открыл дверь.

— Патрик, — взволнованно зашептал он, — ты должен быть осторожен. Обращайся с ними бережно. Они же живые, не забывай! Что ты собираешься с ними делать? Куда ты их спрячешь от своих родителей?

— А я и не собирался их прятать. Я покажу их брату. Он с ума сойдет от удивления, — заявил Патрик.

Омри сразу представил себе, что из этого получится.

— Ты хорошенько подумал? Как ты все объяснишь? Если взрослые узнают про ковбоя, они заберут у меня и шкафчик, и ключик!

Наконец-то до Патрика дошло, что все не так просто, как ему хотелось бы.

— Ну ладно, — сказал он. — Пожалуйста, можешь оставить их у себя. Но помни: они мои! Если ты засунешь их назад в шкафчик, я всем все расскажу. Смотри, Омри, я тебя предупредил! Ты понял? А завтра ты должен принести их в школу.

— В школу?! — в ужасе повторил Омри. — Я ни за что не понесу Литтл Бэа в школу!

— Со своим индейцем ты можешь делать что хочешь. Но ковбой мой. И я хочу, чтобы завтра ты принес его в школу. Если не принесешь, я все расскажу брату и другим ребятам.

Омри отпустил его руку, и несколько секунд они смотрели друг на друга, как чужие. Но они не были чужими, они были друзьями. И это значило очень многое. И Омри уступил.

— Ну ладно, будь по-твоему, — сказал он. — Я принесу. А теперь отдай их мне. Только осторожно.

Патрик достал из кармана человечка и лошадь и бережно передал их Омри.

ГЛАВА 9
ПОЕДИНОК

На время обеда Омри поставил ковбоя и лошадь в нижний ящик комода, туда, где лежали его носки. Он, кажется, никогда не ел так быстро, как в этот раз. Проглотив компот, он немедленно помчался наверх, не забыв предварительно стащить у хомяка парочку зерен для двух крохотных лошадок.

Заперевшись у себя в комнате, Омри огляделся. Помещение такого размера для ковбоя и индейца было сравнимо с Национальным парком — но только под крышей. Омри подумал, что с легкостью сумеет разместить их так, что они никогда не увидят и не встретят друг друга. Сначала он хотел поставить ковбоя с лошадью в шкафчик и закрыть, а оживить их только утром перед школой. Но он обещал Патрику не делать этого. Тогда Омри решил полностью освободить один ящик в комоде и поселить там ковбоя вместе с его лошадью.

Ящик был квадратный и сравнительно глубокий. Чтобы увидеть всадника, ящик пришлось бы выдвинуть. Омри осторожно поставил туда человечка и лошадь. Мальчику не терпелось узнать, как зовут ковбоя, откуда он родом и всякое такое, но пока он решил ни о чем не спрашивать. Ковбой же изо всех сил старался не обращать внимания на Омри и делал вид, будто того вовсе не существует. Когда огромные руки опускались вниз, подавая ему то холодный гуляш, то зерно для лошади, то лоскутки ткани и клочки ваты для постели, ковбой закрывал глаза и глубже нахлобучивал шляпу, чтобы ничего не замечать. И только когда Омри поставил в ящик пузырек с водой, ковбой не выдержал.

— Убери ты к черту эту гадость! — закричал он с сильным техасским акцентом. — Я больше не выпью ни капли до конца своих дней!

Он сильно схватил бутылку, то есть пузырек размером с него самого, и вылил содержимое себе под ноги.

— Это всего лишь вода, — тихонько сказал Омри.

— Заткнись! — еще громче закричал маленький ковбой. — Я больше не сделаю ни глотка! Может, я и впрямь много пил, может, мне и не под силу пить столько, сколько пьют другие, но если уж мне суждено видеть галлюцинации, то почему я не вижу

розовых слонов или танцующих белых мышей, которых видят все остальные, когда напиваются?! Почему я обречен говорить с великанами и скакать по голубой пустыне? Почему меня можно засадить в коробку размером с Большой каньон? Почему рядом со мной нет никого, кроме лошади?!

Он сел на траву, которую Омри как раз и приготовил для его лошади, обнял обеими руками лошадиную морду, уткнулся носом в гриву и... зарыдал.

Омри был потрясен. Ковбой — и плачет?! Он не знал, что ему делать. Когда мама плакала (это иногда случалось), она просила оставить ее одну до тех пор, пока она сама не успокоится. Может, все взрослые одинаковы и в такую минуту им надо побыть в одиночестве? Омри отошел от ковбоя и отправился посмотреть, что делает Литтл Бэа.

Индеец только что закончил роспись. Вигвам выглядел прекрасно. Теперь же Литтл Бэа готовился ко сну, расстилал одеяло в вигваме. Лошадь на длинной привязи паслась неподалеку. Омри дал ей зернышко из запасов хомяка, а потом окликнул Литтл Бэа:

— У тебя все в порядке? Тебе ничего не нужно?

Лучше бы он не спрашивал. Индеец сразу же начал перечислять: нужен очаг в доме, чтобы его обогревать, место, где держать животных, томагавк...

— Ты что ж, в самом деле мог бы изрубить мою ногу на куски? — спросил Омри.

— Литтл Бэа сердитый, когда говорить такое. Прости сейчас. Томагавк нужен рубить деревья, ветки, убивать рыба...

— Какую рыбу?

Индеец мастерски изобразил плывущую рыбу, потом сделал вид, будто поймал ее, и взмахнул рукой, как бы отрубая ей голову.

— Я не знал, что ты умеешь так делать.

— Завтра покупать рыба из пласт... масс. А костер — сейчас. Вождь Литтл Бэа сказать! Все!

Омри вздохнул. Достав из мусорной корзины щепки, оставшиеся от строительства дома, он разложил костер, предварительно отодвинув вигвам в безопасное место. Скоро разгорелось уютное пламя. Литтл Бэа сел на корточки; глаза его светились от удовольствия, а медная кожа блестела.

— Литтл Бэа, ты умеешь танцевать?

— Да. Много танцевать.

— Ты не мог бы показать мне, как танцуют индейцы?

Литтл Бэа поколебался, потом отрицательно покачал головой.

— А почему?

— Нет причина танцевать.

— Может быть, когда я приведу тебе жену...

Индеец живо повернулся к нему.

— Твоя привести жена? Не обманывать?

— Я же сказал, что попытаюсь.

— Тогда Литтл Бэа танцевать. Делать лучший танец, танец любви.

Омри потушил свет и окинул взглядом свою комнату. Он словно впервые видел ее: костер удивительно походил на настоящий — он даже отбрасывал тени, лошадь мирно жевала траву, индеец сидел на корточках, греясь у огня. На перьях головного убора играли яркие блики. Омри вдруг тоже захотелось стать маленьким и составить компанию Литтл Бэа.

— О-мри! Ты уже в постели? — раздался мамин голос. — Минут через пять я приду поцеловать тебя перед сном.

Омри заволновался, но все закончилось благополучно и без его вмешательства. Костер догорел. Литтл Бэа встал, потянулся и зевнул. Какое-то время он вглядывался в темноту, а потом спросил, понравились ли Омри рисунки на вигваме. Мальчик заверил его,

что они просто чудесны, и индеец пожелал ему спокойной ночи. Тогда Омри выдвинул ящик комода. Бедняга ковбой свернулся клубочком на своей самодельной постели и громко храпел. Он так ничего и не съел. Омри вздохнул. Он очень надеялся, что Патрик сумеет хорошенько позаботиться о ковбое. Смог же Омри сделать так, что об индейце никто ничего до сих пор не знает. Все будет хорошо, все в конце концов образуется. Однако продолжать эксперименты со шкафчиком Омри больше не собирался. Он лег в постель, чувствуя себя ужасно усталым. Мама вошла, поцеловала его, и Омри сразу уснул...

Вдруг сквозь сон он услышал ржание. В ответ раздалось такое же ржание из другого конца комнаты. Лошади учуяли друг друга! Ковбойская лошадь была не привязана и сильно била копытами в стенки ящика. Животные ржали все настойчивее. Омри хотел включить свет, но он так устал, что ему лень было вставать. Да и что, в конце концов, может случиться? Ни люди, ни лошади не доберутся друг до друга, их разделяет целая комната. Пусть себе ржут сколько угодно, пока им не надоест. Он устроился поудобнее, и его опять сморил сон.

На рассвете Омри разбудили выстрелы.

Он в ужасе вскочил и, бросив взгляд на комод, сразу понял, что произошло. Ящик комода был сколочен из отдельных планок,

между которыми виднелись небольшие щели. Одна из них выглядела подозрительно широкой: наверное, над ней хорошо потрудились лошадиные копыта. В результате ковбой вместе с лошадью оказались на свободе. Омри испуганно оглядел комнату, но ничего не заметил. Тогда он встал на колени и заглянул в вигвам. Литтл Бэа там не было. Его лошадь тоже пропала.

Вдруг что-то просвистело мимо уха и ударилось о комод. Омри присмотрелся. Из комода торчала, все еще покачиваясь, маленькая, размером в шпильку, оперенная стрела. Неужели Литтл Бэа стреляет в него? Но почему?

— Литтл Бэа! Где ты?

Никто не ответил. Вдруг внимание Омри привлекло еле слышное шуршание. Краем глаза он заметил ковбоя. Согнувшись и таща за собой упирающуюся лошадь, тот перебегал от одной ножки стула к другой. В руке он держал револьвер. Тут мимо комода пролетела вторая стрела, которая воткнулась в ковер, едва не задев бегущего ковбоя. Человечек замер, попятился, укрылся за лошадью и дважды выстрелил.

Омри, проследив, куда именно целится ковбой, наконец-то обнаружил Литтл Бэа. Индеец и его лошадь прятались за небольшой кучкой одежды, состоявшей из свитера Омри и его же майки, небрежно брошенных им перед сном на пол. Литтл Бэа, чувствуя себя в безопасности, готовился выпустить еще одну стрелу. На этот раз он вряд ли бы промахнулся. Несчастный ковбой метался вокруг лошади, пытаясь прикрыться ею, но индеец отлично его видел.

— Литтл Бэа! Не стреляй! — прозвенел голос Омри.

Если это и не остановило индейца, то по крайней мере помешало ему прицелиться как следует. Стрела пролетела над головой ковбоя, сбила с него шляпу и вонзилась в ножку стула.

Ковбой не на шутку рассердился и, забыв свой страх, поднялся во весь рост и громко закричал:

— Ты, мерзкое чудище, да я сделаю спальный мешок из твоей красной кожи!

С этими словами он вскочил в седло и поскакал к горе из вещей, выкрикивая угрозы и размахивая револьвером, в котором, по подсчетам Омри, оставалось еще две пули.

Литтл Бэа не ожидал от ковбоя таких решительных действий, но если он и растерялся, то очень ненадолго. В следующее мгновение он уже вытащил из колчана новую стрелу и вложил ее в лук.

— Если ты выстрелишь, тебе несдобровать! — закричал обезумевший от страха Омри.

Не опуская лука, индеец спросил: а что сделает Омри, если выстрелит ковбой?

— Он не выстрелит! Посмотри на него!

Омри был прав. Ковер, мягкий и ворсистый, мешал лошади бежать. Она несколько раз споткнулась и вдруг упала, потянув за собой всадника. Литтл Бэа опустил лук и рассмеялся. Потом он, к ужасу Омри, бросил оружие в складки свитера, достал из-за пояса кривой нож и направился к лежащему ковбою.

— Ты не тронешь его, Литтл Бэа! Ты слышишь?!

Индеец остановился.

— Почему нет? Он хотеть застрелить Литтл Бэа. Бледнолицый — враг. Он отнимать земля индеец. Почему не убивать? Лучше мертвый. Моя убивать быстро, он не чувствовать. Твоя видеть.

Индеец уже наклонился над ковбоем, когда Омри схватил его и поднес к глазам — очень быстро, чтобы хорошенько напугать.

— Послушай, Литтл Бэа, — Омри пытался объяснить индейцу происходящее, — этому ковбою не нужна твоя земля, ему вообще от тебя ничего не нужно. Это ковбой Патрика, а ты мой индеец, понимаешь? Я сегодня же заберу его в школу, и ты его больше никогда не увидишь. А теперь возьми свою лошадь и возвращайся в дом, а ковбоя оставь мне.

Литтл Бэа сидел у Омри на ладони, скрестив ноги. Он с сомнением поглядывал на мальчика.

— Твоя брать ковбой в школу? В то место, где учить законы предков?

— Да.

— Почему не брать Литтл Бэа? — с обидой в голосе спросил индеец. — Глупый бледнолицый трус ходить в школа, а Литтл Бэа не ходить? Почему?

— Тебе там не понравится.

— Бледнолицый нравиться, моя тоже нравиться.

— Я не возьму тебя. Это опасно.

— Опасно? Почему? Огненная вода?

— Нет. Просто опасно.

Омри не следовало говорить этого. Глаза у Литтл Бэа засветились.

— Литтл Бэа любить опасность. Здесь слишком тихо, нет охота,

только один враг, — сказал он презрительно, показывая рукой на ковбоя, который с трудом поднимался с ковра.

— Омри посмотреть на этот бледнолицый, он больше не воин. Литтл Бэа скоро его убить, снять скальп, и все. Очень хороший скальп, — великодушно добавил он. — Хороший цвет, хорошо смотреться у пояс ирокез.

Омри взглянул на ковбоя. Тот стоял неподвижно, прижавшись рыжей головой к седлу. Казалось, он опять готов был заплакать. Омри стало его жаль.

— Ты больше не тронешь бледнолицего, я тебе это запрещаю. Если он трус, то для тебя не велика честь убить его.

Индеец помрачнел, но потом опять воспрял духом.

— По скальпу нельзя увидеть, храбрый или трусливый враг. Твоя разрешить убить его, и Литтл Бэа танцевать вокруг костер, — предложил он сделку.

— Нет, — решительно возразил Омри и тут же переменил тактику. — Хорошо, можешь убить его, но тогда я не принесу тебе жену.

Индеец долго смотрел на Омри и наконец медленно и неохотно спрятал нож.

— Моя не убивать бледнолицый. Дать слово! А теперь твоя дать слово — брать Литтл Бэа в школа. Брать в магазин. Литтл Бэа сам выбирать себе жена.

Омри задумался. Он может весь день держать индейца в кармане. Если ему, например, очень захочется показать индейца ребятам в школе, он подавит это желание. Только и всего. А после школы он возьмет его с собой в магазин. Почему бы и нет? Коробки с пластмассовыми фигурками стоят в стороне от главного прилавка, и, если в магазине не будет много народу, он предоставит Литтл Бэа возможность выглянуть из кармана, посмотреть на индейских женщин и самому выбрать одну из них. Это будет лучше, чем сначала купить, а потом узнать, что женщина или некрасивая, или слишком старая. Ведь по их маленьким пластмассовым личикам трудно определить, какими они будут, когда оживут.

— Договорились, — кивнул Омри. — Я беру тебя с собой, но ты обещаешь не шуметь и делать все, что я скажу.

Он осторожно поставил индейца на пол, дал лошади поесть и повернулся к ковбою, который с потерянным видом сидел на ковре. Его лошадь бродила вокруг него.

— Что случилось? — участливо спросил Омри.

Ковбой даже не поднял на него глаза.

— Я потерял шляпу, — шепнул он.

— Только и всего?

Омри наклонился к стулу и освободил шляпу от пригвоздившей ее стрелы.

— Вот она, — тихо сказал мальчик и положил шляпу на колени ковбоя.

Ковбой посмотрел сначала на нее, потом на Омри, а затем надел шляпу.

— Кажется, ты не обычная галлюцинация, — сказал он. — Я многим обязан тебе. — И вдруг рассмеялся: — Невероятно! Собственная галлюцинация возвращает тебе шляпу! Я совершенно не понимаю, что происходит. Ты что — настоящий? И индеец — тоже настоящий? Может, ты и не замечаешь, но он намного меньше тебя. Вы оба просто не можете быть настоящими.

— А ты не думай об этом, — сказал Омри. — Как тебя зовут?

Ковбой казался смущенным. Он даже опустил голову.

— Меня зовут Буа, — тихо произнес он, — но друзья называют меня Уа-Уа, потому что я часто плачу. У меня мягкое сердце. Стоит рассказать мне что-нибудь печальное или испугать меня хоть немного, как слезы сами текут из моих глаз. И я ничего не могу с собой поделать.

Омри, который и сам еще совсем недавно частенько плакал по пустякам, сказал:

— Это ничего. Только не надо меня бояться. А что касается индейца, то он — мой друг и не тронет тебя. Он обещал. А теперь я бы хотел, чтобы ты и твоя лошадь вернулись в ящик. Я заделаю щели между планками, и ты будешь чувствовать себя в безопасности. А я принесу тебе что-нибудь поесть. Чего ты хочешь?

— Я не очень-то и голоден, — сказал ковбой. — Кусок мяса, три-четыре яйца, немного фасоли и кружку кофе — этого хватит...

— Тебе везет, — обрадовался Омри. — Это я могу достать.

ГЛАВА 10
ПЕРЕМИРИЕ ЗА ЗАВТРАКОМ

Омри спустился вниз. В доме все спали. Он должен был приготовить завтрак себе, ковбою и индейцу. До сих пор ему никогда не приходилось заниматься этим, но он был уверен, что уж яичницу-то поджарить сможет. О бифштексе, конечно, и речи быть не могло, а вот фасоль он надеялся найти в холодильнике, причем в готовом виде. Омри положил на сковородку масло и включил плиту. Масло растопилось и сразу стало гореть. Омри быстро разбил яйцо, но вместо того, чтобы отделиться от скорлупы и упасть на сковородку, яйцо потянуло скорлупу за собой. Готовить завтрак оказалось не так уж и просто! Оставив яйца поджариваться вместе со скорлупой, Омри полез в холодильник и достал банку фасоли. Открыть ее было минутным делом. Он снова подошел к плите. По краям яичница выглядела готовой, середина же оставалась сырой; масло на сковородке почернело и распространяло по всей кухне отвратительный запах. Омри выключил плиту. Он боялся, что мама почувствует запах сгоревшего масла и придет на кухню. Омри выложил яичницу на тарелку, отрезал большой кусок хлеба и на цыпочках отправился наверх, к себе в комнату.

Литтл Бэа стоял на пороге своего дома и ждал его.

— Твоя приносить еда? — спросил он, высокомерно глядя на мальчика.

— Да, — ответил Омри.

— Сначала Литтл Бэа кататься на лошади.

— Сначала ты должен поесть, пока еда еще горячая, — возразил Омри с мамиными нотками в голосе, — мне и так пришлось повозиться с твоим завтраком.

Видимо, Литтл Бэа не знал, что ответить, поэтому он как-то странно улыбнулся и, указав пальцем на Омри, сказал:

— Омри — готовить, Омри — женщина.

Но Омри это нисколько не задело.

— Лучшие повара на свете — мужчины, — спокойно ответил он. — Собирайся, ты будешь завтракать с Буа.

Литтл Бэа тотчас перестал улыбаться.

— Кто такой Буа?

— Ты сам знаешь, кто это. Ковбой.

Рука индейца потянулась к ножу за поясом.

— Оставь, Литтл Бэа, прошу тебя. Давай установим перемирие на время завтрака, иначе ты ничего не получишь.

Оставив индейца одного, чтобы он хорошенько осмыслил услышанное, Омри выдвинул ящик комода, где Буа как раз прогуливал свою лошадь, и сказал ему, что завтрак готов.

— Да. Вкусно пахнет, — откликнулся ковбой. — Неси.

Омри протянул руку.

— Вылезай!

— Куда? Почему я не могу поесть здесь? Тут безопасно...

Но, говоря это, он уже карабкался на ладонь, где и устроился около среднего пальца Омри.

— Сегодня ты будешь завтракать с индейцем, — сказал мальчик.

Ковбой вскочил на ноги так быстро, что чуть не свалился на пол.

— Ни за что на свете! Я не буду есть с этим любителем скальпов!

Однако возражать было бесполезно, так как он уже очутился в десяти сантиметрах от своего врага. Индеец и ковбой молча сели, скрестив ноги, готовые в любой момент вскочить и затеять драку. Омри быстро положил между ними ложку с куском яичницы и фасолью.

— Понюхайте, как вкусно пахнет, — соблазнял он их. — Ешьте вместе или не ешьте вообще. Ругаться будете после завтрака, если, конечно, захотите.

Он взял лист чистой белой бумаги и постелил ее на стол как скатерть. Потом накрошил хлеб и подвинул каждому по нескольку крошек. Ложка с яичницей и фасолью лежала в центре. Не сводя друг с друга злых глаз, индеец и ковбой одновременно потянулись к горячей еде. Не раздумывая больше, Литтл Бэа первым обмакнул хлеб в яичницу. Это неожиданное движение индейца так испугало ковбоя, что он вскрикнул и бросился бежать. Омри перехватил его.

— Не будь дураком, Буа, — сказал он твердо.

— Я не дурак! — закричал ковбой. — Индейцы не только жестокие и злые, но еще и грязные. И я не собираюсь есть с ним из одной миски.

— Буа, — сказал Омри спокойно. — Литтл Бэа не грязнее, чем ты. Посмотри на себя в зеркало.

— Это не моя вина! — завопил Буа. — Галлюцинация ты, а не человек! Даже воды принести не можешь, а еще говоришь, что я грязный!

Упрек, конечно, был справедливый, но Омри не хотелось признавать свою вину — по крайней мере сейчас.

— Воду ты получишь после завтрака. А если не будешь есть с индейцем, то я расскажу ему про твое прозвище.

Ковбой сник и помрачнел.

— Это нечестно, — промямлил он.

Однако голод давал себя знать, и ковбой, злясь и проклиная все на свете, вернулся на свое место к ложке. Индеец, сидя на краю белой бумаги, жадно ел, держа кусок яичницы в одной руке, а фасолину — в другой. Увидев это, Буа не стал терять время и тоже приступил к еде, не спуская глаз с Литтл Бэа, который, казалось, вовсе не замечал его.

— А где мой кофе? — спросил ковбой, проглотив несколько кусков хлеба и яичницы. — Я не могу начать день без кофе!

Омри совершенно забыл про кофе, но ему уже порядком надоело бегать туда-сюда и выполнять бесконечные требования неблагодарных маленьких человечков, поэтому он, усевшись и доедая остатки собственного завтрака, равнодушно ответил:

— Ничего, сегодня обойдешься без кофе.

Литтл Бэа вытер руки о штаны и встал.

— А теперь мы будем драться, — заявил он и вытащил из-за пояса нож.

Омри было подумал, что Буа вскочит и бросится бежать, но ковбой не двинулся с места, уплетая за обе щеки хлеб и фасоль.

— Я еще не закончил, — заметил он. — Я не собираюсь драться, пока не поем. Так что сядь, краснокожий, и подожди.

Омри рассмеялся.

— Молодец, Буа. Не злись, Литтл Бэа. Помни, что ты мне обещал.

Индеец заворчал, но сел.

А Буа все ел и ел. Можно было подумать, что он специально оттягивает тот момент, когда ему придется драться. Наконец он очень неохотно подобрал с ложки остатки яичницы, облизал пальцы и встал. Литтл Бэа тотчас вскочил на ноги. Омри приготовился разнимать их.

— Послушай-ка, индеец, — сказал Буа. — Если мы и будем драться, то только по-честному. Может, в твоем языке нет слова

«честно», но я здесь для того, чтобы сказать тебе: ты будешь драться со мной честно или не будешь драться вообще.

— Литтл Бэа драться честно, убивать честно, снимать скальпы честно.

— Ты ни у кого не снимешь скальп, понятно? Разве только зубами.

Вместо ответа Литтл Бэа высоко поднял нож, который блеснул в свете утреннего солнца. Омри настороженно выжидал.

— Ага, вот видишь! Ты не посмеешь ударить меня, потому что у меня нет ножа. Правда, у меня есть револьвер, но в нем нет патронов. Все, что у меня есть, это мои кулаки и моя галлюцинация. — Он махнул рукой в сторону Омри, не отрывая глаз от Литтл Бэа. — И я знаю, этот великан не захочет, чтобы мой скальп украсил твой пояс. Поэтому если мы и будем драться — так только голыми руками, без всякого оружия, сила против силы, мужчина против мужчины. Вот так! Ты понял меня, индеец?! Только ты и я, и посмотрим, победит ли краснокожий белого человека в честной борьбе один на один. А может, ты вовсе и не краснокожий? Может, ты желтокожий?

Буа отступил на шаг от ложки, бросил револьвер и по-боксерски выставил вперед кулаки.

Литтл Бэа стоял в нерешительности, опустив нож и уставившись на Буа. Если даже индеец и не совсем понял сбивчивую речь ковбоя, то жест, которым он отбросил револьвер, без сомнения, был понятен вождю. Буа начал пританцовывать вокруг индейца, размахивая кулаками под самым его носом, и это все больше и больше злило Литтл Бэа. И в конце концов он не выдержал: в его руке опять блеснул нож. Буа отпрыгнул в сторону и тут же закричал:

— Вот ведь какой противный индеец! Сейчас я напущу на него мою галлюцинацию!

Но Омри не пришлось вмешаться. Литтл Бэа все понял: он отбросил нож и со свирепым видом повернулся к ковбою.

То, что последовало за этим, нельзя было назвать ни дракой, ни боксерским поединком. Противники ходили кругами, толкались, пихали друг друга то головой, то ногами, то руками. В какой-то момент Омри даже показалось, что Буа хочет укусить индейца. Может, он его и укусил, потому что неожиданно Литтл Бэа отпустил ковбоя, которого прежде крепко сжимал в объятиях, и Буа покатился прямо ему под ноги. Немедленно вскочив, он снова бросился на индейца с кулаками. Литтл Бэа издал звук, похожий на «уфф!», схватил ковбоя за ноги, повалил его и бросил ему в лицо горсть недоеденной лошадью травы. Ковбой поднялся, вопя от обиды что-то нечленораздельное, но тут же получил удар в ухо и отлетел в сторону, успев, впрочем, заехать Литтл Бэа в подбородок ногой в тяжелом сапоге. Оба противника оказались на земле, а в следующее мгновение почувствовали, что их сжимают огромные пальцы.

— Отлично, ребята, — сказал Омри назидательным тоном своего папы. — На сегодня достаточно. Матч закончился вничью. А теперь вы должны привести себя в порядок. Мы идем в школу.

ГЛАВА 11
ШКОЛА

Человечкам надо было умыться, и Омри принес им воды в маленькой рюмочке и отрезал кусочек мыла от большого куска. Литтл Бэа немедленно разделся до пояса и, не теряя времени, стал ожесточенно тереть себя руками, разбрызгивая воду во все стороны. Он шумно фыркал, явно получая удовольствие от умывания; на мыло он не обращал никакого внимания.

Буа вел себя по-другому. Омри и раньше замечал, что он не особенно стремился к чистоте и выглядел так, как будто никогда не брился и не умывался. Он неторопливо подошел к воде и посмотрел на Омри, как бы спрашивая, стоит ли тратить время на такие пустяки.

— Давай, давай, Буа, — подбодрил его Омри, — снимай рубашку, иначе ты не сможешь вымыть шею.

С явной неохотой, пренебрежительно ухмыляясь, Буа стянул с себя клетчатую рубаху, умудрившись при этом оставить на голове шляпу.

— Мне кажется, что тебе и голову не мешает помыть, — заявил Омри. — У тебя грязные волосы.

Буа вытаращил на Омри глаза.

— Мыть голову? — переспросил он. — Только женщины моют голову, когда у них грязные волосы.

Поеживаясь от строгого взгляда Омри, он дотронулся кончиками пальцев до мыла, но скорчил при этом такую гримасу, как если бы коснулся какого-нибудь мерзкого существа. Кое-как он вымыл руки, размазал грязь по лицу и уже наклонился за рубашкой, когда вспомнил, что ему не мешало бы и вытереться.

— Буа, — сурово заметил Омри, — посмотри на Литтл Бэа.

Ты говорил, что он грязный. Но ты видел, как тщательно он мылся. А ты? Сделай-ка что-нибудь со своей шеей или даже вымойся до пояса.

Во взгляде ковбоя был ужас.

— До пояса?!

— Ну да. Иначе я не возьму тебя в школу, ты весь потный, — добавил Омри.

— Что? — изумился ковбой. — Смывать пот? Да все знают, что пот — это самая чистая жидкость в мире, а тот, кто его смывает, может заболеть и даже умереть!

После долгого препирательства Омри все же заставил ковбоя намылить шею.

— Надо будет как-нибудь постирать тебе одежду, — сказал Омри.

Лучше бы он этого не говорил.

— Я никому не позволю дотронуться до моих вещей! — по-настоящему разозлился ковбой. — Я ни разу не стирал их с тех пор, как купил, и теперь тоже не собираюсь этого делать. Вода смывает с одежды пот и пыль, а без них одежда не греет.

На этот раз мальчик решил не спорить с Буа.

Наконец все были готовы. Омри рассовал человечков по разным карманам и побежал вниз завтракать. Он очень волновался. В первый раз индеец и ковбой путешествовали по дому. Конечно, это было рискованно, но еще более рискованно было нести их в школу. Омри понимал, что завтракать с родителями и братьями, имея в карманах маленьких человечков, — это настоящее испытание и для него, и для его оживших игрушек.

Да, завтраки в доме Омри всегда проходили бурно: постоянно кто-нибудь был чем-нибудь недоволен. Например, сегодня Адель не смог найти спортивные шорты, в которых играл в футбол, и теперь подозрительно поглядывал на братьев. А мама только что обнаружила, что Джиль вчера вечером не доделал домашнее задание, хотя телевизор смотрел до победного конца, все передачи подряд. Папа тоже ворчал: он хотел поработать в саду, но ему помешал дождь.

— Я помню, что засунул их в корзину для грязного белья, — твердил Адель, имея в виду свои шорты.

— Если бы ты положил их туда, я бы их уже выстирала и они лежали бы у тебя в комоде, — говорила мама. — А ты, Джиль... Как ты мог... — И мама с упреком посмотрела на сына.

— Да там осталось совсем немножко. Кое-что выучить и кое-

что нарисовать. Я могу сделать это прямо в школе, — оправдывался Джиль.

— Гадкий климат, — ворчал папа. — Когда же я выкопаю луковицы? Ведь они вот-вот сгниют!

— Джиль, это ты взял шорты? — приставал Адель.

— У меня есть свои.

Омри молча ел кашу, улыбаясь про себя и радуясь своему секрету. Ему удалось незаметно насыпать в карман овсяных хлопьев.

— Спорим, что их взял Омри, — неожиданно заявил Адель.

Омри посмотрел на брата.

— Что взял?

— Мои шорты.

— Зачем мне твои шорты?

— Ты их спрятал. Это твои обычные шуточки, — настаивал Адель.

Иногда Адель и Джиль вели себя невыносимо, настаивая на том, что Омри взял у них ту или другую вещь. В этот раз Омри даже не рассердился, а ответил просто и ясно:

— Дурак ты, и все тут!

— Значит, это точно ты! — торжествовал Адель.

— Да не я, отцепись ты от меня.

— Ты покраснел и сам себя выдал.

— Я клянусь! — сказал Омри.

— Оставь Омри в покое. Наверное, шорты у тебя под кроватью или в другом месте, пойди и посмотри, — вмешалась мама.

— Я везде смотрел, их нет! — закричал Адель.

— Боже, кажется, идет град, — грустно заметил папа. — Яблони уже в цвету, град побьет завязь и у нас не будет яблок.

Вздохи по поводу отсутствия яблок осенью дали Омри возможность незаметно выскользнуть из-за стола. Набросив пальто, он помчался в школу. В школьном дворе Омри остановился и вытащил своих человечков.

— Мы почти пришли, — сказал он. — Вы должны вести себя тихо, чтобы не привлекать к себе внимания. Я кладу вас в разные карманы, чтобы вы не вздумали драться или ссориться. Я не могу рисковать, ведь неизвестно, что может произойти.

— Опасность! — догадался Литтл Бэа, и его глаза заблестели.

— Да, не смертельная, конечно, но вас могут у меня отнять, и вы никогда не вернетесь в свое время.

— Ты думаешь, я никогда не очнусь от этого пьяного сна? — спросил Буа.

— Да, если ты это так понимаешь.

Литтл Бэа задумчиво смотрел на Омри.

— Наше время... — сказал он. — Очень странное волшебство.

Омри никогда еще не приходил в школу таким взволнованным. Однажды он принес в класс белую мышь, заранее предвкушая, как положит ее на стол учительницы, засунет какой-нибудь девочке за шиворот или просто пустит побегать по полу — и все будут следить за ней вместо того, чтобы слушать урок. (По правде говоря, ничего такого он не сделал, он только вытащил мышку на уроке, и его соседи посмеялись, когда она тоненько запищала.) В этот же раз он никаких планов не строил, надеясь, что никто ничего не обнаружит и день пройдет без приключений.

Патрик ждал его у дверей школы.

— Ну что, ты принес его?

— Да, конечно, мы же договорились.

Глаза Патрика вспыхнули.

— Давай сюда, он мне нужен.

— Я дам его тебе, — сказал Омри, — но обещай мне, что никто его не увидит.

Омри извлек из кармана Буа и бережно передал его Патрику. Но как только он отдал ковбоя, события приняли неожиданный оборот. К мальчикам подскочила одна противная девчонка и начала приставать к ним со всякими глупостями. Ее распирало любопытство.

— Что ты у него взял? Что он тебе подарил? Покажи!

Патрик покраснел и отвернулся.

— Отстань, — грубо сказал он.

Но она вовсе не собиралась отступаться и, показав на него пальцем, закричала:

— А Патрик покраснел! А Патрик покраснел!

Ее крик привлек внимание других ребят. Всегда находятся люди, которые хотят поучаствовать в скандале, так что через минуту Омри и Патрик были уже окружены тесной толпой.

— Что он дал ему? Что-то ужасное?

— Наверное, лягушку.

— Нет, червяка.

— А может, жука, большого и страшного.

Омри почувствовал, как кровь приливает к лицу. Ему ужасно хотелось толкнуть их, да так, чтобы они покатились по ступеням — все, друг за другом! Но лучшее, что он мог сделать, это опустить голову и, не вынимая руки из кармана, пробраться через толпу. Патрик последовал за ним, и вскоре они очутились перед дверью

черного хода, которая, к счастью, была открыта. В здании школы они почувствовали себя в безопасности. Кругом были учителя, поэтому любая драка, ссора, стычка и даже злой шепот полностью исключались. Омри и Патрик замедлили шаги, спокойно вошли в класс и сели на свои места, стараясь казаться равнодушными, хотя все еще не могли справиться с волнением. И это было заметно.

— Вы почему так запыхались? — спросила учительница. — Вы что, дрались? Или бежали?

Мальчики посмотрели друг на друга и кивнули. Весь день они не могли сосредоточиться, думая лишь о человечках в своих карманах.

А Литтл Бэа и Буа вели себя не очень-то спокойно, особенно Литтл Бэа. Ленивый Буа большую часть времени попросту спал в полумраке кармана, а просыпаясь, тревожно вздрагивал и пинал Патрика. Литтл Бэа же все время пытался выбраться из своей темницы. На большой перемене, когда все сошлись в актовом зале, где мистер Джонсон знакомил учеников с программой заключительного школьного концерта, индейцу вконец надоело сидеть в темном кармане, и он предпринял решительные действия, чтобы оказаться на свободе. Сначала Омри почувствовал легкий укол в бедро, как если бы его ужалило какое-то насекомое.

В тот момент он и впрямь подумал, что в его одежду забрались муравей или оса, и похлопал себя по больному месту. Но тут последовал еще один укол, куда более ощутимый, который заставил его негромко вскрикнуть.

— Что случилось? — раздраженно спросил мистер Джонсон.

Омри не ответил, но девочки, сидящие рядом, стали хихикать и переглядываться.

— Это ты, Омри? — спросил мистер Джонсон.

— Да, простите, что-то укололо меня.

— Патрик, это ты уколол Омри карандашом?

(Такое частенько случалось на собраниях, когда всем уже надоедало слушать.)

— Нет, мистер Джонсон.

— Ведите себя тихо, я еще не закончил, — предупредил мальчиков мистер Джонсон.

Новый укол! На этот раз Литтл Бэа уж точно воспользовался своим ножом, и это заставило Омри вскочить на ноги с криком:

— Ой!

— Омри, Патрик! Покиньте зал, — приказал мистер Джонсон.

— Но я ничего не... — начал Патрик.

— Выйдите, я сказал! — рассердился директор.

Они вышли. Патрик шагал спокойно, а Омри на каждом шагу подпрыгивал, потому что Литтл Бэа продолжал покалывать его своим острым ножом. Школа рыдала от смеха, а мистер Джонсон покрылся от возмущения красными пятнами. Оказавшись во дворе, Омри и Патрик побежали в его дальний конец; вернее, бежал один Патрик, потому что Омри мог только прыгать. Засунув руку в карман, Омри вытащил оттуда Литтл Бэа. Уколы прекратились, боль постепенно утихла.

Укрывшись безопасности ради за кустами, Омри поднял Литтл Бэа на уровень своих глаз и стал трясти его так, как трясут пузырек с лекарством. Он обзывал индейца всякими грубыми словами, какие только мог вспомнить. Когда же его красноречие иссякло, он зашипел так же сердито, как мистер Джонсон:

— Как ты посмел? Как ты посмел колоть меня ножом?!

— Литтл Бэа посметь! Омри держать Литтл Бэа в темнота очень долго. Литтл Бэа хотеть видеть школа, а не лежать в темнота, не дышать, не смотреть. Хотеть видеть!

— Я предупреждал тебя, что ты не сможешь выйти, я вообще не хотел тебя брать, ты заставил меня это сделать, а теперь у меня из-за тебя будут неприятности.

Литтл Бэа все так же упрямо смотрел на Омри, однако возмущаться прекратил. Омри тоже перестал кричать и успокоился.

— Понимаешь, в школе я не могу выпустить тебя из кармана. Ты даже не представляешь, что может с тобой случиться! Кто-нибудь схватит тебя, и тебе такое вряд ли понравится. Кроме того, это опасно для жизни — тебя могут попросту раздавить. Так что прошу тебя: лежи спокойно, пока уроки не кончатся. Мне, конечно, жаль, что тебе скучно, но я ничего не могу поделать. Ты сам виноват.

Литтл Бэа подумал и сказал то, чего Омри никак не ожидал:

— Литтл Бэа хотеть Буа.

— Ты хочешь встретиться со своим врагом?

— Лучше с враг, чем один в темнота.

Патрик вытащил Буа из кармана. Маленький ковбой сидел у него на ладони. Они смотрели друг на друга.

— Знаешь, Буа, — сказал Патрик, — Литтл Бэа говорит, что ты ему нужен. Ему скучно и одиноко.

— Ну, это уж слишком! — возмутился Буа. — Сначала он хотел убить меня, а теперь я ему зачем-то понадобился!

И он повернулся к Литтл Бэа.

— Ты, краснокожий! — закричал он. — Мне все равно, скучно тебе или нет. Мне все равно, живой ты или мертвый. И вообще, хороший индеец — это мертвый индеец. Ты слышишь меня?

Литтл Бэа отвернулся, глядя в сторону.

— Я думаю, Буа тоже одиноко, — шепнул Патрик Омри. — Ты знаешь, он плакал.

— Ну вот, опять он за свое, — возмутился Омри. — Буа, послушай, в твоем возрасте тебе бы пора...

И тут он услышал, что их зовет учительница.

— Что вы там делаете, ребята, у вас что, свободный день? Быстро в класс!

— Отдай мне нож, — торопливо потребовал Омри у Литтл Бэа. — И я посажу вас с ковбоем в один карман.

После секундного колебания индеец протянул нож Омри, и мальчик спрятал его в нагрудный карман рубашки. Потом Омри повернулся к Патрику:

— Дай мне Буа, пускай они побудут на следующем уроке вместе.

— Не дам, — не задумываясь, отрезал Патрик.

— Только на один урок. Потом ты возьмешь их обоих. Им будет веселее вдвоем, — настаивал Омри.

Патрик нехотя протянул ему ковбоя. Омри поставил их на ладонь лицом к лицу.

— Не деритесь, не шумите, ведите себя хорошо, поговорите о чем-нибудь, — наставлял Омри своих маленьких друзей, отправляя их в левый карман курточки.

И они с Патриком побежали в школу.

ГЛАВА 12
НЕПРИЯТНОСТИ С ДИРЕКТОРОМ

Остальная часть дня прошла спокойно. Омри даже решил несколько примеров по математике. А когда из школьной столовой потянулись вкусные запахи, Омри поздравил себя с тем, что решился посадить двух человечков вместе. Они ни разу не побеспокоили его, а когда, воспользовавшись тем, что учитель повернулся спиной к классу, Омри заглянул в карман, то увидел, что ковбой и индеец мирно разговаривают, сидя лицом друг к другу и отчаянно жестикулируя. Понять, о чем они говорят, было невозможно, потому что все кругом очень шумели. Омри подумал о предстоящем обеде: наверное, придется рассадить их по разным карманам и дать каждому что-нибудь пожевать. Омри позволил себе помечтать: он воображал, что бы сказали ребята, посади он своих человечков на край тарелки. Еще неделю назад он бы так и поступил, нисколько не задумываясь об опасности, но сегодня...

Наконец прозвенел звонок, и началась обычная суета. В столовой Омри встал в очередь за Патриком.

— Давай их сюда, — шепнул Патрик, держа перед собой поднос.

— Не сейчас, вдруг кто-нибудь увидит?

— Ты же обещал отдать их мне после урока.

— Подожди, я хочу накормить их, а потом отдам тебе.

— Нет, отдай сейчас же.

— Ну, хорошо, покорми Буа, а Литтл Бэа я покормлю сам.

— Ты обещал отдать мне обоих, — уже грозно сказал Патрик.

Ребята из очереди начали оглядываться.

— Может, ты замолкнешь, наконец?! — зашипел на него Омри.

— Нет, — сказал Патрик громким, ясным голосом и протянул руку.

Омри не на шутку рассердился. Он посмотрел Патрику в глаза и понял, что спорить с ним бесполезно. Его друг был упрям и непреклонен. Тогда Омри схватил Патрика за рукав, уронив при этом свой поднос, и потянул приятеля в дальний угол столовой.

— Если с Литтл Бэа что-нибудь случится, — прошипел сквозь

стиснутые зубы Омри, — я тебе так дам, что ты пожалеешь, что вообще родился!

Даже очень хорошие мальчики могут сказать такое, когда оказываются в подобной ситуации.

С этими словами Омри бережно достал из кармана двух маленьких человечков и, даже не взглянув на них и не попрощавшись, передал их Патрику и отошел в сторону.

У него совершенно пропал аппетит, и в очередь он больше не вернулся, а вот Патрик — Патрик вернулся. Он даже оттолкнул кого-то — так ему хотелось поскорее покормить ковбоя и индейца. Омри наблюдал за приятелем с некоторого расстояния и теперь жалел, что, разозлившись, не дал ему необходимых указаний. Ведь кормить человечков надо отдельно, посадив их в разные карманы. А впрочем, кто захочет есть в такой неуютной обстановке, в кармане, полном пыли и крошек? Если бы человечки были сейчас у него, он пошел бы в укромное местечко и накормил их как следует. И вообще, зачем только он взял их в школу? Здесь столько опасностей!

И вдруг Омри замер: Патрик добрался до стойки, получил свой обед и почти бегом направился в дальний угол столовой, но учительница заставила его сесть вместе с другими детьми. Омри надеялся, что Патрику не придет в голову доставать человечков из кармана на виду у всех, и его надежда оправдалась — он увидел, как Патрик, отщипнув хлеб, опускает его в карман джинсов. Дело в том, что на Патрике не было курточки, и он засунул индейца и ковбоя в карман джинсов. Хорошо еще, что джинсы были новые, свободные, но все же Патрику пришлось привстать, чтобы положить кусочек хлеба в карман. Омри представил себе, как неудобно там индейцу и ковбою, как им там тесно и темно. Когда Патрик садился, индеец и ковбой оказывались прижатыми к его ноге. Патрик, видимо, тоже это понял, потому что беспокойно заерзал на стуле. Девочка, сидевшая рядом, тут же сделала ему замечание, а Патрик сказал ей что-то резкое. Сердце Омри бешено колотилось. Ему не нравилось, что Патрик ведет себя вызывающе и привлекает внимание окружающих, однако того, что случилось дальше, он и вообразить не мог. Неожиданно девочка сильно толкнула Патрика, и он немедленно ответил ей тем же, так что его соседка упала со стула. Рассердившись, она обеими руками пихнула Патрика. Он стал валиться на соседа, который успел отклониться, уронив при этом тарелку. В результате Патрик очутился на полу.

У Омри не оставалось времени на раздумья. Он бросился к Патрику, протискиваясь между столиками. Его сердце от страха готово было выскочить из груди. Омри представлял себе ужасную картину: Патрик, падая, придавил человечков, и теперь в кармане джинсов медленно скапливается кровь. Отогнав это страшное видение, он бросился на помощь другу. Дело в том, что на поднявшегося Патрика собирался накинуться его сосед по столу. Омри хотел остановить мальчиков, но его опередила дежурившая в столовой учительница.

— Что здесь происходит? — спросила она, разнимая драчунов. Одной рукой она схватила Патрика, другой — второго мальчишку и потащила обоих к выходу.

— Только драки в столовой нам не хватало, — говорила она на ходу. — Вы что, соскучились по беседе с директором?

Мальчики испуганно молчали. Омри скользнул взглядом по карманам на джинсах Патрика. Никакого движения он не заметил, крови тоже не увидел.

Выполнив свой долг, то есть хорошенько отчитав мальчиков,

учительница ушла, а все снова принялись за еду. Омри наклонился к Патрику и еле слышно шепнул:

— Как они?

— Откуда я знаю! — резко ответил Патрик.

Но все же он запустил руку в карман и пошевелил там пальцами. Омри затаил дыхание.

— Все в порядке. Они двигаются, — сообщил Патрик.

Омри тем не менее страшно волновался, он просто не мог найти себе места от беспокойства и поэтому решил немного проветриться во дворе. Необходимо было забрать у Патрика индейца и ковбоя, вот только как? Патрик неплохой друг, но он оказался совершенно безответственным человеком, ему ни в коем случае нельзя доверять жизнь других людей, в особенности таких маленьких. Он просто не понимал, что они ЛЮДИ.

Прозвенел звонок, а Омри так и не пришел ни к какому решению. Он поспешил в школу и стал повсюду искать Патрика, но его нигде не было. Может быть, он зашел в туалет, чтобы накормить Литтл Бэа и Буа? Омри заглянул туда и тихо позвал Патрика, но никто не откликнулся. Тогда Омри вернулся в класс. Но и там Патрика не оказалось. Прошло уже пол-урока, учительница что-то объясняла, но Омри не слышал ни слова.

Наконец, когда учительница отвернулась, чтобы написать что-то на доске, в класс проскользнул Патрик и спокойненько уселся на свое место.

— Где ты был? — спросил Омри сдавленным голосом.

— В музыкальной комнате, — беспечно ответил Патрик.

Музыкальная комната была совсем даже и не комната, а маленькая пристройка к спортивному залу, где хранились музыкальные инструменты и декорации к школьным спектаклям.

— Я залез под коня, ну, под этого, через которого прыгают, и покормил их, — шепнул он. — Только ведь они вовсе и не проголодались.

— Еще бы, — с укоризной сказал Омри. — Проголодаешься тут, как же!

— Индейцы и ковбои привыкли к грубому обращению, — огрызнулся Патрик, — но я все равно оставил хлеб в кармане, на всякий случай, если они захотят поесть попозже.

— Но он же весь покрошится!

— Не переживай, им все равно.

— С чего ты взял, что им все равно? — громко спросил Омри, от злости забыв про окружающих.

— А, вот и ты, Патрик! — наконец увидела его учительница. — Могу я узнать, где ты был?

— Простите, мисс Хилтон! — Патрик пытался уйти от ответа.

— Мне твои извинения не нужны. Я хочу знать, где ты пропадал?

Патрик кашлянул и опустил голову.

— В туалете, — буркнул он.

— Почти двадцать минут? Я тебе не верю!

Патрик опять что-то промямлил в ответ.

— Отвечай или отправляйся к директору!

Это была серьезная угроза. Директора ученики побаивались, он был человеком суровым, поэтому Патрик решил признаться:

— Я был в музыкальной комнате. Честное слово. И совсем забыл про время.

«А вот это — неправда», — отметил про себя Омри. Мисс Хилтон тоже сразу все поняла.

— Сходи-ка ты, Патрик, к мистеру Джонсону, — сказала учительница. — И ты, Омри, тоже. Болтаешь на уроке, как всегда. Скажете директору, что вы мешали классу работать и что я уже устала от вас.

Ребята молча встали и направились к двери. Девчонки захихикали им вслед, а мальчишки смотрели сочувственно, особенно те, которые с ними дружили.

Около кабинета директора Патрик и Омри остановились.

— Стучи ты, — шепнул Омри.

— Сам стучи, — огрызнулся Патрик.

Они препирались несколько минут, но тянуть больше было бессмысленно, и в конце концов они постучали в дверь вдвоем.

— Да? — послышался раздраженный голос.

Они вошли в кабинет и остановились у двери. Мистер Джонсон сидел за большим столом, погруженный в какие-то бумаги. Он поднял глаза.

— А, это вы. Что случилось на этот раз? — спросил он. — Подрались на площадке или болтали в классе?

— Болтали, — одновременно ответили оба мальчика.

А Патрик добавил:

— А я еще и опоздал.

— Почему?

— Ну, просто опоздал, и все.

— Не пытайся увиливать от ответа! — резко сказал мистер Джонсон. — Должна же быть у твоего опоздания какая-то причина.

— Я был в музыкальной комнате и совсем забыл про время, — повторил Патрик.

— Я что-то не помню, чтобы ты любил музицировать. Итак, что же ты делал в музыкальной комнате? — спросил директор.

— Играл.

— На чем? — с иронией в голосе спросил директор.

— Ну... просто играл.

— Во что играл? — повысил голос директор.

— Я играл в... — Патрик оглянулся на Омри, который скорчил свирепую гримасу.

— Омри, почему у тебя такой вид? Ты выглядишь так, будто тебя кто уколол, — удивился директор.

Омри смутился, и это подстегнуло Патрика.

— Так оно и есть! — заявил он, хихикая.

Мистер Джонсон явно терял терпение.

— Что ты такое говоришь? Хватит ухмыляться!

Но Патрик продолжал хихикать:

— Его укололи ножом, но только очень маленьким.

Хихиканье сменилось истерическими всхлипываниями. Омри с презрением посмотрел на Патрика. Он знал, что в таком состоянии его друг может выболтать абсолютно все.

Он схватил Патрика за руку и сильно сжал ее.

— Прекрати сейчас же, — шепнул он, пытаясь остановить его.

Мистер Джонсон встал и вышел из-за стола. Мальчики отступили на шаг, но Патрик продолжал, икая, смеяться; казалось, он собой больше не владел. Мистер Джонсон склонился над ним и положил руки ему на плечи.

— Послушай, Патрик, — произнес директор тоном, не терпящим возражений. — Я хочу, чтобы ты успокоился и объяснил мне, что ты имеешь в виду. Кто в нашей школе балуется ножом? Я хочу знать, о ком ты говоришь.

— Литтл Бэа, — сказал Патрик, и слезы потекли у него по щекам.

Омри выдохнул:

— Молчи!

— Кто-кто? — переспросил мистер Джонсон, встревоженный не на шутку.

Патрик не отвечал. Его сотрясал истерический, нервный смех. Мистер Джонсон встряхнул его, как куклу, за плечи, потом отвернулся и занял свое место за огромным письменным столом.

— Ты, кажется, не в себе, — сказал он. — Я думаю, мне надо позвонить твоему отцу.

Патрик перестал смеяться.

— А-а, вот так-то лучше, — обрадовался мистер Джонсон. — А теперь скажи, кто ударил Омри ножом?

Патрик стоял неподвижно, как солдат, навытяжку. Он не смотрел на Омри, он не спускал глаз с директора.

— Мне нужна правда, Патрик, причем немедленно!

— Литтл Бэа, — повторил Патрик громко и четко.

— Литтл — кто?

— Бэа.

Мистер Джонсон растерялся.

— Это чье-нибудь прозвище? Или ты шутишь?

Патрик еле заметно кивнул. Омри смотрел на него, не отводя глаз. Неужели он скажет? Омри знал, что Патрик очень боится своего отца.

— Патрик, я спрашиваю в последний раз. Кто такой Литтл Бэа?

Патрик открыл рот. Омри сжал зубы, чтобы не закричать.

Патрик произнес:

— Это индеец.

— Что? — изумился мистер Джонсон.

В его голосе не было больше ни тени раздражения.

— Индеец, — тихонько повторил Патрик.

Мистер Джонсон молча смотрел на него, подперев рукой голову.

— Ты слишком большой, чтобы рассказывать мне эти сказки, — заметил он.

— Это никакие не сказки! — громко воскликнул Патрик.

Омри и директор даже вздрогнули от неожиданности.

— Это не сказки! Литтл Бэа — самый настоящий индеец, живой американский индеец! — кричал Патрик.

Омри, к своему ужасу, вдруг увидел, что Патрик плачет. Мистер Джонсон тоже это заметил. Он не был злым человеком, но выказал бы себя плохим директором, если бы не сумел добиться признания от ребенка. Однако же смотреть на плачущего Патрика ему не доставляло никакого удовольствия.

— Только не это, Патрик, только не это, — попытался он успокоить мальчика.

Но Патрик его не понял. Он подумал, что директор по-прежнему не верит ему, и сказал то, что Омри больше всего боялся услышать:

— Это правда, и я могу доказать, что это так.

И рука Патрика опустилась в карман.

Омри сделал единственное, что, как ему казалось, могло еще спасти положение: он прыгнул на Патрика и повалил его на пол. Сев ему на грудь и прижав его руки к полу, Омри шептал сквозь стиснутые зубы:

— Ты не посмеешь, не посмеешь!.. — до тех пор, пока мистер Джонсон не оттащил его.

— Выйди из кабинета! — приказал мистер Джонсон.

— Не выйду! — отчаянно вопил Омри, чувствуя, что сам вот-вот разрыдается.

— Немедленно выйди!

Тут Омри почувствовал, что воротник сдавил ему шею, а ноги болтаются в воздухе. В следующее мгновение он уже очутился за дверью и услышал, как в замке повернулся ключ. Ни о чем больше не думая, Омри изо всех сил стал колотить по двери ногами и руками.

— Не показывай ему, Патрик! Не показывай! Я убью тебя, если ты покажешь! — надрываясь, кричал он.

На лестнице раздались шаги. Сквозь слезы и застилавшую глаза

красную пелену Омри увидел миссис Хайт, пожилую секретаршу директора, бегущую к нему. Ему удалось еще пару раз крикнуть и ударить ногой в дверь, прежде чем она двумя руками сумела оттащить его от директорского кабинета.

Пока она волокла его в свою маленькую комнату, он кричал и отчаянно отбивался.

— Успокойся, Омри, не надо! — говорила она.

— Остановите его! Пойдите и остановите его! — рыдал Омри.

— Кого? Кого я должна остановить? — недоумевала миссис Хайт.

Прежде чем Омри успел что-либо объяснить ей, он услышал шаги в соседнем кабинете, и на пороге появился мистер Джонсон, держа за локоть Патрика. Лицо директора было смертельно бледным, а рот слегка открыт. Патрик же выглядел совершенно несчастным, его плечи сотрясались от рыданий. Омри все сразу стало ясно: Патрик выдал их тайну директору.

ГЛАВА 13
ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ

Мистер Джонсон беззвучно открывал и закрывал рот. Наконец ему удалось выдавить из себя:

— Миссис Хайт, кажется, я заболел. Мне нехорошо. Я иду домой. Мне надо полежать. Позаботьтесь об этом мальчике.

Он понизил голос и едва слышно прошептал:

— Отправьте его на урок.

Мистер Джонсон отпустил Патрика, повернулся и нетвердой походкой направился к двери. На пороге он остановился и прислонился к стене, словно боясь упасть.

— Мистер Джонсон, — трагическим тоном сказала миссис Хайт. — Может, вызвать вам такси?

— Не надо, я доберусь сам, — почти неслышно вымолвил директор и медленно побрел по коридору.

— Боже мой! — воскликнула миссис Хайт. — Что вы сделали с бедным человеком?

Ей никто не ответил. Омри смотрел на Патрика, вернее, на его карман. Патрик, опустив голову, вообще ни на кого не смотрел. Миссис Хайт была явно смущена.

— Идите в туалет, умойтесь и возвращайтесь в класс. Ну же, поспешите! — сказала она.

Им не надо было повторять дважды. Мальчики не произнесли ни слова до тех пор, пока не очутились в туалете. Патрик сразу подошел к раковине и открыл кран с холодной водой. Он брызгал воду себе на лицо и насквозь промочил воротник своей рубашки. Омри молча наблюдал за ним. Да, Патрик был расстроен ничуть не меньше, а может быть, и больше, чем он сам. Омри уже в который раз почувствовал, что их дружба рушится. Он сделал глубокий вдох.

— Ты показал их, — произнес он наконец дрожащим голосом.

Патрик не ответил. Он вытирал лицо бумажным полотенцем и дышал так, будто все еще плакал.

— Отдай их мне. Обоих! — потребовал Омри.

Патрик медленно полез в карман, и спустя мгновение Омри увидел перепуганных Литтл Бэа и Буа. Они стояли на ладони

Патрика, тесно прижавшись друг к другу. Осторожно, стараясь не встревожить их еще больше, Омри взял человечков в руки.

— Все хорошо, — шепнул он, поднеся их поближе к лицу. — Не волнуйтесь! Все хорошо!

Он бережно опустил их в карман своей курточки и тихо сказал Патрику:

— Дурак!

Патрик повернулся, и его вид испугал Омри куда больше, чем странное выражение лица мистера Джонсона. Патрик был бледен, лоб и щеки в красных пятнах, глаза опухли от слез.

— Я... у меня не было другого выхода. Он собирался позвонить моему отцу, и они бы заставили меня во всем признаться. Он все равно не поверил. Он подумал, что ему показалось. Он просто стоял и смотрел на них. А когда они пошевелились, он вскрикнул, и я подумал, что он сейчас упадет. Он стал белым как мел. Ты же видел. Он не поверил собственным глазам! Он подумал, что ему это все мерещится, — быстро говорил Патрик.

Омри мрачно продолжал смотреть на него.

— Можно, я возьму Буа? — попросил Патрик жалким голосом.

— Нет, нельзя.

— Ну пожалуйста, отдай его мне.

— Нет. Я тебе больше не доверяю. Ты пытался играть ими. А они люди. Людьми играть нельзя.

Патрик ничего не ответил. Он снова разрыдался и выбежал в коридор.

Омри опять извлек из кармана куртки Литтл Бэа и Буа. Ковбой немедленно улегся на живот и поглубже натянул на лоб шляпу, желая таким образом укрыться от внешнего мира. А Литтл Бэа гордо выпрямился и сказал Омри:

— Большой человек — кричать. Много страх! Маленькие уши, большой шум — не хорошо!

— Я знаю, — сказал Омри. — Мне очень неприятно, что так получилось. Теперь все в порядке. Я отнесу вас домой.

— А жена? — спросил индеец.

Омри совсем забыл об этом. А ведь он обещал! Жена индейца, женщина — еще одно живое существо, о котором надо будет заботиться.

Омри как-то довелось слышать, что люди иногда седеют за один день — если, конечно, сильно перенервничают. Пожалуй, с ним тоже такое может приключиться. А ведь еще несколько дней назад, когда все это только начиналось, он беспечно радовался, предвкушая веселые интересные игры с маленькими живыми человечками. Теперь же ему было просто страшно!

Но Литтл Бэа смотрел на него с вызовом. Что ж, обещания надо выполнять.

— Хорошо. Мы пойдем в магазин сразу после школы, — сказал мальчик.

Впереди у Омри было еще два урока рисования. В кабинете рисования разрешалось сидеть, кто где хочет, и даже поворачиваться спиной к учителю. Омри сразу прошел в самый дальний угол.

— Там рисовать нельзя, — сказала учительница, — там слишком темно. Это вредно для глаз.

Остальные ребята расположились около больших окон. Омри сидел в одиночестве в своем углу и краем уха прислушивался, не идет ли учительница. Ему вдруг безумно захотелось поговорить с обоими человечками, и он, оглянувшись на всякий случай по сторонам, осторожно достал из кармана Литтл Бэа и Буа.

Они оба стояли на листе чистой бумаги и часто-часто моргали, привыкая к свету.

— Это школа? — спросил наконец Литтл Бэа.

— Да. Тс-с-с!

— Совсем не похожа на школу, в которую я ходил, — удивился Буа. — Где парты? Где доска и мел? Почему учитель ничего не говорит?

— Это урок рисования. Мы можем сидеть, где нам понравится. Учительница почти все время молчит, а мы можем рисовать, что захотим, — объяснил Омри, стараясь говорить тихо-тихо.

— Рисуете? — спросил Буа, просветлев. — Это был мой самый любимый предмет! Я и сейчас рисую, когда вокруг никого нет и никто не смеется надо мной.

Он полез в карман рубашки и выудил оттуда огрызок карандаша — такой маленький, что его едва можно было разглядеть.

— Хочешь, я нарисую жучка на твоей бумаге? — спросил ковбой.

Омри кивнул. Буа вышел на середину листа, оглядел огромное белое бумажное пространство, удовлетворенно присвистнул и, встав на колени, принялся рисовать.

Литтл Бэа и Омри наблюдали за ним. Из-под карандашного огрызка выходила удивительная, совершенно необычная картина. Уверенными штрихами Буа наметил ландшафт прерии: равнина, поросшая высокой травой и редким колючим кустарником. На первом же плане он изобразил деревянные дома (точь-в-точь как в фильмах про ковбоев!) и среди них — большой салун с вывеской «Золотой доллар», почту, магазин, конюшню и один каменный дом с решетками на окнах и надписью «Шериф» над дверью. Потом, медленно переползая на коленях с одного конца листа в другой, Буа нарисовал женщин, мужчин, детей, лошадей, повозки и собак. Вся эта процессия как бы двигалась по направлению к городку. Самому-то Буа казалось, что он творит огромное «полотно», используя для этого крохотный огрызок карандаша и гигантский лист бумаги. Омри же видел перед собой настоящую миниатюру, все детали которой были выписаны с идеальной точностью. Мальчик и индеец следили за ковбоем с изумлением.

— Буа, да ты художник! — выдохнул Омри, когда человечек, добавив несколько мастерских штрихов, изобразил покрывавшую улицу грязь.

Буа не спешил с ответом: скорее всего, он был так поглощен работой, что вообще ничего не слышал. Омри вдруг сообразил, что именно рисует Буа. Ну конечно, свой родной американский городок, существующий в том времени, которого не знал даже Литтл Бэа.

— Буа, — зашептал Омри, наклонившись к рисунку, — какой это год? Какое время?

— Когда я последний раз читал газеты, там стояло 1889, — ответил Буа. — Неплохо у меня выходит, правда?

— Изумительно, — почти в полный голос сказал Омри.

— Омри! — окликнула учительница.

Мальчик вздрогнул от неожиданности и немедленно прикрыл обеими руками маленькие фигурки.

— Если я не ослышалась, — продолжала учительница из другого конца класса, — ты разговариваешь сам с собой вслух. Принеси-ка мне свой рисунок!

KOOH

На мгновение Омри заколебался, но потом все же решился. Он спрятал ковбоя и индейца в карман и, веселясь в душе, понес рисунок учительнице.

Он подошел к ее столу и с невинным видом протянул творение Буа. То, что произошло в следующие минуты, искупило все волнения и неприятности, пережитые Омри по вине его маленьких друзей.

Сначала учительница лишь бегло взглянула на бумажный лист. Не увидев на нем ничего, кроме тоненьких штрихов, она засмеялась и сказала:

— Я думала, ты рисуешь что-то грандиозное, а тут все такое крошечное...

Потом она еще раз поглядела на рисунок и замолчала. Учительница рассматривала то, что нарисовал Буа, и Омри чувствовал, как все его существо заполняет радость. Он едва сдерживал смех, рвущийся наружу. Неожиданно учительница, которая до сих пор стояла у своего стола, пошла к шкафу и взяла лупу. Омри совсем не удивился, когда увидел это: без лупы разглядеть все детали было невозможно. Наклонившись над столом, она несколько минут вглядывалась в листок. Видели бы вы ее лицо! Ребята, которые сидели неподалеку, заметили, что происходит нечто необычное, и тоже сгрудились вокруг учительского стола. Омри же с невинным видом отошел в сторону, предвкушая свой триумф. Это была минута полного счастья.

Наконец учительница подняла глаза и посмотрела на Омри. Правда, мистер Джонсон был потрясен куда больше, но и на ее лице читалось явное изумление.

— Омри, — сказала она, — ответь мне ради бога, неужели ты сам рисовал это?

— Я люблю рисовать все маленькое, — заявил Омри.

— Маленькое?! — повторила учительница. — Это не маленькое, это миниатюрное. Это микроскопическое.

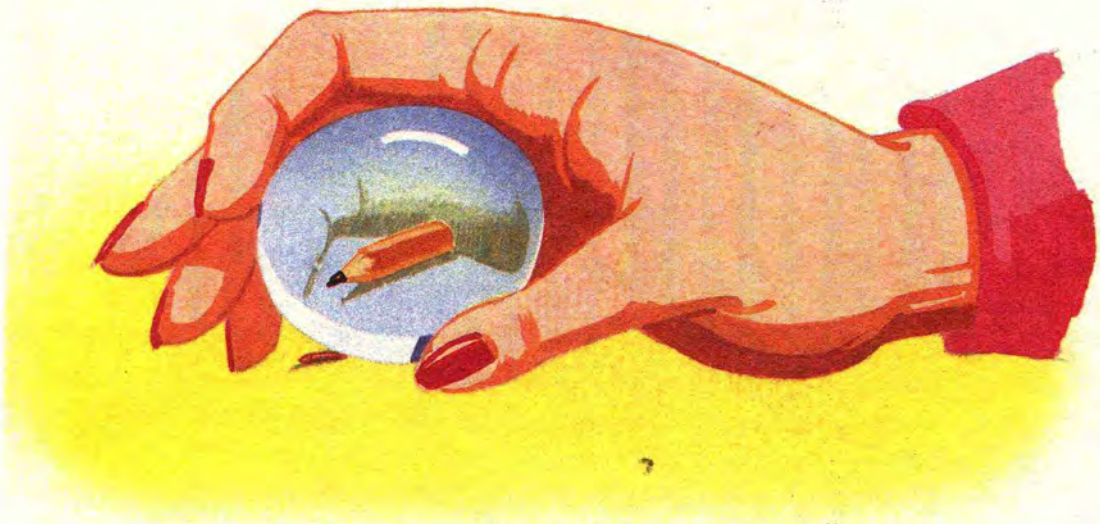
Ее голос звучал все громче. Дети, столпившиеся вокруг, тоже рассматривали рисунок и в изумлении поглядывали то на учительницу, то на Омри, который еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

Учительница явно не верила собственным глазам.

— Покажи мне свой карандаш! — потребовала она.

Омри было растерялся, но ненадолго.

— Карандаш остался на столе, где я рисовал, — ответил он. — Я его сейчас принесу.

Он опустил руку в карман и вернулся к своему месту в дальнем углу. Повернувшись ко всем спиной, мальчик наклонился, будто ища что-то на столе, а потом, улыбаясь и зажав что-то в кулаке, направился к учительнице.

— Вот он, — сказал Омри, протягивая раскрытую ладонь.

Все подошли поближе. Учительница взяла руку Омри и подняла ее вверх.

— Ты меня разыгрываешь? У тебя же ничего нет.

— Нет есть! — настаивал Омри.

Учительница, разглядывая ладонь, наклонилась так низко, что Омри почувствовал на своей коже ее дыхание.

— Не дышите мне на руку, — строго предупредил мальчик. — Вы его сдуете... Лучше возьмите опять увеличительное стекло, — великодушно предложил он.

Она послушно взяла лупу и поднесла ее к ладони Омри.

— А я? Можно, я тоже посмотрю? — наперебой спрашивали ребята, стоявшие вокруг. Все, кроме Патрика, который безучастно сидел один, не обращая внимания на общую суматоху.

Наконец учительница опустила увеличительное стекло.

— Я не верю, — сказала она.

— Но вот он, рисунок, — возразил Омри.

— Как ты это сделал?

— А это мой секрет. Я не могу раскрыть его вам.

— Хорошо, — согласилась учительница. — Но разве тебе не хочется поделиться тайной с другими?

— Нет, — ответил Омри, изо всех сил стараясь не расхохотаться.

— Ну ладно, — сказала она рассеянно, — можешь идти.

Омри взял рисунок и пошел к двери. Ему удалось выйти из класса, прежде чем он прыснул от смеха. Омри смеялся так громко, что ему пришлось выбежать на спортивную площадку. Там он сел на скамейку и хохотал до тех пор, пока не устал. Он снова и снова вспоминал лицо учительницы, и его радости не было конца. Да уж, он имел настоящий успех, и сознание этого доставляло Омри огромное наслаждение.

Прозвенел звонок. Уроки закончились. Омри достал из кармана своих маленьких друзей.

— Ну, ребята, — сказал он, — и порадовали же вы меня! Спасибо. А теперь нам пора в магазин.

Всю дорогу до магазина Омри бежал так, что оказался там прежде, чем большинство школьников высыпало на улицу. Он знал, что через десять минут в магазин нагрянут его одноклассники, чтобы купить конфеты, хрустящую картошку и игрушки. Воспользовавшись тем, что он сейчас едва ли не единственный покупатель, Омри торопливо прошел в тот угол, где стоял ящик с пластмассовыми фигурками, и, повернувшись спиной к кассиру, извлек из кармана Литтл Бэа и Буа. Однако он не учел сентиментальной натуры ковбоя.

— Боже мой! — воскликнул тот. — Посмотрите на эти мертвые тела! Должно быть, тут была резня!

— Они не мертвые, — презрительно сказал индеец, — они пластик!

И Литтл Бэа отшвырнул в сторону какого-то пластмассового ковбоя.

— Слишком много, — заметил он. — Твоя искать женщина, моя — выбирать.

— Только побыстрее, — тихо попросил Омри.

Он рылся в ящике, разыскивая женщин. Их было совсем немного, всего пять. Но одна была очень старая, а у двух других к спинам были привязаны младенцы, перетянутые ремешками, как ботинки.

— Думаю, тебе не нужна жена с ребенком, — сказал Омри.

Литтл Бэа молча посмотрел на него.

— Может, тебе нравятся вот эти?

Омри поставил две женские пластмассовые фигурки на край

ящика. Литтл Бэа подбежал и стал разглядывать их лица. Омри обе женщины казались совершенно одинаковыми: у каждой — черная косичка, на голове повязка с одним пером, а на ногах — мокасины.

И лишь накидки у них были разные: у одной желтая, у другой — голубая. Литтл Бэа снова посмотрел на Омри. Мальчик понял, что индеец разочарован.

— Нет, не нравится! — заявил он решительно.

— Но других тут нет, — возразил Омри.

— Много-много пластик. Смотреть хорошо. Надо найти, — настаивал Литтл Бэа.

Омри опять начал копаться в ящике, переворачивая все вверх дном. В магазин стали заходить школьники. Он уже почти отчаялся найти то, что хотел, когда наконец увидел ее. Она лежала лицом вниз на дне ящика, полускрытая двумя белыми лошадками. Омри вытащил ее. Она была вроде бы такая же, как и остальные, только в красном платье. Очевидно, она оказалась последней из серии уже распроданных фигурок. Все женщины, в том числе и эта, как будто шли куда-то. Если другие были, на взгляд Литтл Бэа, некрасивыми, то, наверное, ему не понравится и эта.

Мало на что надеясь, Омри поставил женщину перед Литтл Бэа. Индеец коротко глянул на нее и, не говоря ни слова, одобрительно кивнул.

Медлить Омри не стал. Он торопливо засунул ковбоя и индейца в карман, схватил избранную Литтл Бэа и пошел к кассе.

— Вот эту, пожалуйста, — сказал он.

Кассир, он же продавец и владелец магазина, как-то странно посмотрел на него.

— Ты уверен, что только эту? — спросил он.

— Да, — ответил Омри.

Продавец взял фигурку, положил ее в пакетик и подал Омри.

— Десять пенсов, — сказал он.

Омри заплатил и вышел из магазина. Неожиданно он почувствовал на своем плече чью-то руку и резко обернулся. Перед ним стоял продавец. Его красное лицо было сердитым.

— Теперь отдай мне те две фигурки, которые ты украл.

Омри обиженно насупился.

— Я ничего не крал, — ответил он.

— Не надо врать, парень. Я видел, как ты положил их в карман — и ковбоя, и индейца! — сердито продолжал продавец.

Омри стало плохо. Во рту у него пересохло, голова закружилась.

— Я не... — начал было он, но осекся.

— Покажи карманы, — потребовал продавец.

— Они мои, — почти закричал Омри.

— Старая история. И ты принес их, чтобы они помогли тебе выбрать еще одну фигурку?

— Да! — вскинулся Омри.

— Ха-ха-ха! — мрачно рассмеялся продавец. — Ну, хватит. Каждый год я теряю кучу денег из-за таких воришек, как ты. Я поймал тебя с поличным, и не надейся, что я тебя отпущу. Я хорошо вас знаю. Вас только прости, и вы немедленно начнете всем рассказывать, как легко вам удалось украсть. Завтра небось ты заявишься сюда с целой компанией, и вы унесете у меня всех индейцев!

Омри с трудом сдерживал слезы. Вокруг них собралась толпа прохожих — почти такая же, как в кабинете рисования. Но сейчас Омри чувствовал себя по-другому. Сейчас он готов был провалиться сквозь землю.

— Нечего тут реветь! — закричал продавец. — Верни их мне или я позвоню в полицию!

Неожиданно рядом с Омри встал Патрик.

— Это его фигурки, — сказал он. — Он мне показывал их в школе. Я помню. Они его! Ковбой в белой шляпе и индеец с перьями на голове. Он мне говорил, что собирается купить еще одного индейца. Омри не станет воровать!

Мистер Ян, продавец и владелец магазина, оставил Омри в покое и повернулся к Патрику. Он хорошо знал Патрика, потому что его старший брат когда-то работал в этом магазине рассыльным.

— Ты можешь поручиться за него?

— Конечно, конечно. Говорю вам, что сегодня утром я видел и индейца, и ковбоя у него в руках!

И все-таки владелец магазина еще сомневался.

— Давай посмотрим, — предложил он, — такие ли они, как ты говоришь.

Омри, который решил, что, благодаря вмешательству Патрика, все уже кончилось, снова перепугался. Но потом у него появилась идея. Он опустил обе руки в карманы и очень медленно вытащил их — причем все время смотрел на левую, пустую, а правую, с

человечками, поднес ко рту, как будто хотел кашлянуть, и прошептал:

— Лежите тихо! Не двигайтесь! Пластик!

И Буа, и Литтл Бэа сыграли свои роли отлично. Они лежали рядом, неподвижные и безжизненные, какими могут быть только пластмассовые фигурки. Мистер Ян довольно долго рассматривал ковбоя и индейца и наконец сказал:

— Эти и впрямь не из моего магазина. Мои индейцы всегда сидят, а ковбои всегда на лошадях. Прости, парень, но ты должен понять меня. Согласись, все это выглядело весьма подозрительно.

Омри изобразил на лице жалкую улыбку. Толпа начала расходиться. Хозяин ушел в магазин, и на тротуаре остались только Омри и Патрик.

— Спасибо, — поблагодарил Омри Патрика.

— Не за что, — ответил Патрик и протянул ему шоколадную конфету.

Омри откусил половину, отдал остальное Патрику, и они двинулись по улице. Сначала они шли молча, а потом взглянули друг на друга и улыбнулись.

— Давай и их угостим!

Мальчики остановились. Омри вытащил из кармана ковбоя и Литтл Бэа и дал им по маленькому кусочку шоколада.

— Это награда, — сказал Патрик. — Вы отлично сыграли мертвых.

Литтл Бэа потребовал объяснений. Он хотел знать, что же все-таки произошло.

— Что, человек думать, Омри украсть Литтл Бэа? — удивился он.

— Да, — кивнул Омри.

— И ковбой Буа?

Омри опять кивнул.

— Что, Омри — дурак, красть такой ковбой? — засмеялся Литтл Бэа.

Ковбой, набивая себе рот шоколадом, зло посмотрел на индейца.

— Где женщина? — неожиданно поинтересовался Литтл Бэа.

— Я купил ее.

— Когда делать настоящий?

— Сегодня вечером.

Патрик с тоской посмотрел на друга, но ничего не сказал. Скоро они подошли к дому Омри. Омри немного подумал, а потом сказал:

— Патрик, может, останешься у нас на ночь?

Патрик просиял.

— А можно? И посмотреть...

— Да!

— Ура! Спасибо!

И они вбежали в дом.

ГЛАВА 14
ПРОПАВШИЙ КЛЮЧИК

Братья сидели за столом и пили чай, когда Омри и Патрик буквально ворвались в кухню.

— Привет! Что сегодня к чаю? — по своему обыкновению, спросил Омри.

Джиль и Адель не ответили. У Аделя было какое-то странное выражение лица, но Омри это не интересовало.

— Давай сделаем себе бутерброды и пойдем наверх, — предложил он Патрику.

Они взяли по куску хлеба с маслом, налили по стакану молока и отправились в комнату Омри, перешептываясь на ходу.

— Сколько времени понадобится?

— Думаю, несколько минут.

— Можно, я посмотрю на нее?

— Только когда мы придем наверх.

Омри открыл дверь в свою комнату и остановился как вкопанный. Белого шкафчика на месте не было!

— Где он? — выдохнул Патрик.

Не говоря ни слова, Омри помчался вниз по лестнице. Патрик побежал за ним.

— Эй, вы! — закричал Омри, влетев в кухню. — Куда вы его спрятали?

— Кого — «его»? — удивился Адель.

— Не притворяйся! — продолжал кричать Омри. — Это ты его взял! Где мой шкафчик?

— Ну хорошо, предположим, что я взял. Но я хочу проучить тебя. Ты то и дело берешь мои вещи, прячешь их и думаешь, что это очень смешно. Теперь моя очередь смеяться!

— Когда я последний раз брал твои вещи? Скажи, когда?

— А мои шорты? — напомнил Адель.

— Да не трогал я твои дурацкие шорты, клянусь, что не трогал!

— Мне пришлось пропустить игру, потому что у меня не было шорт, и я получил за это нагоняй. Так что скажи спасибо, что я отвечаю тебе тем же, а не как-нибудь по-другому. Я ведь мог и в лоб дать, — ответил Адель спокойным голосом.

Омри так разозлился, что чуть не набросился на брата с ку-

лаками. Но Адель был холоден и невозмутим, так что Омри понял: доказывать что-либо бесполезно. Он повернулся и кинулся наверх, по пути чуть не сбив с ног Патрика.

— Ты куда? — спросил тот.

— Да к Аделю же, искать шкафчик!

К тому времени, как Адель появился на пороге своей комнаты, Омри успел перевернуть там все вверх дном. Старший брат застыл в дверях, пялясь на опрокинутую мебель, открытые шкафы и ворох одежды на полу.

— Ты, гадкая свинья! — пробормотал наконец Адель и бросился на Омри.

Омри упал. Брат всем телом навалился на него.

— Я здесь все разорву в клочья! — шипел Омри, пытаясь высвободиться. — Отдавай мой шкафчик, отдавай!

— Верни сначала мои шорты!

— Да не брал я твои вонючие шорты! — взвизгнул Омри.

— Это случайно не они? — вдруг спросил Патрик.

Адель и Омри перестали драться и посмотрели в его сторону. Патрик держал скомканные голубые шорты, которые он только что достал из-за батареи. Адель тут же успокоился.

— Здорово! — сказал он. — Это они. А как они там оказались?

Омри-то прекрасно знал как. Наверное, Адель повесил их сушиться и они упали за батарею. Адель быстро поднялся с пола и помог встать брату. Он выглядел смущенным.

— Но раньше-то ты всегда брал мои вещи, — пробурчал он, отводя глаза. — Откуда же я знал, что они за батареей?

— Ну а теперь ты, может, отдашь мне шкафчик?

— Он на чердаке. Я там навалил на него всякую ерунду.

Омри и Патрик быстро нашли шкафчик под грудой ненужных вещей и принесли его в комнату. Только там они обнаружили, что в замочке нет ключа.

Маленький ключик на красной ленточке исчез.

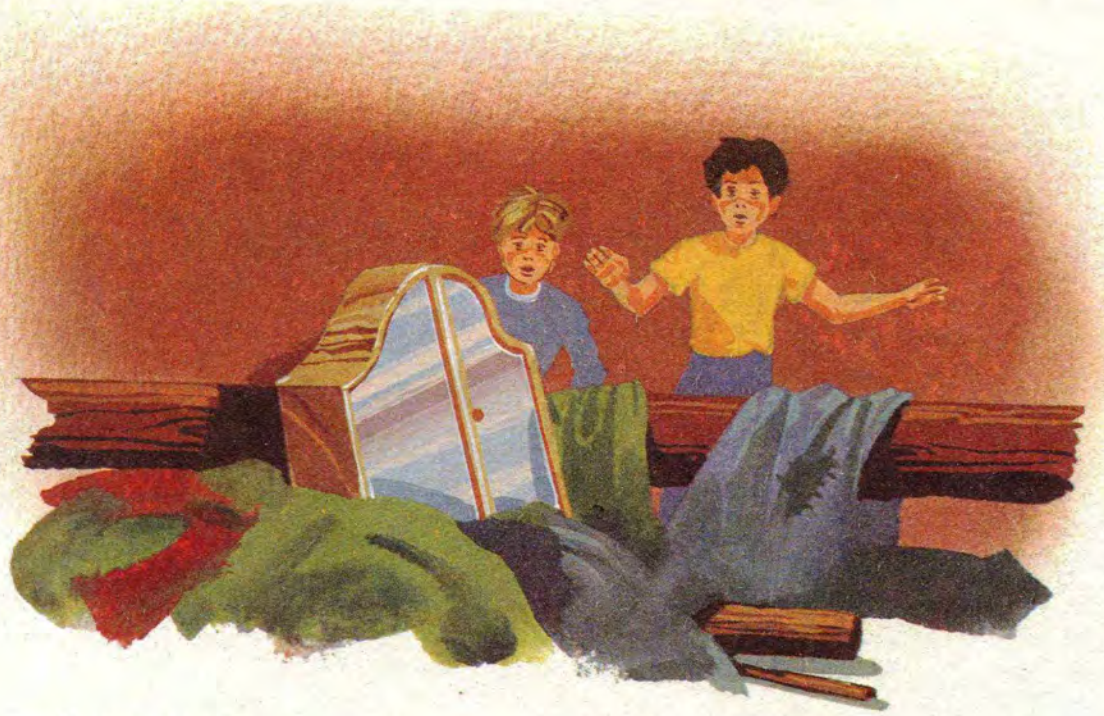
Омри опять помчался к Аделю, который, ворча что-то себе под нос, занимался уборкой.

— Где ключ? — сурово спросил Омри.

— Какой еще ключ? — удивился Адель.

— У шкафчика был ключ, — быстро пояснил Омри, — на красной ленточке.

— Не знаю, не видел я никакой ленточки, — отмахнулся Адель.

Омри вышел и закрыл за собой дверь. Он был в отчаянии.

— Мы должны найти его, Патрик. Без ключа у нас ничего не получится.

Мальчики перерыли весь чердак. До сих пор Омри не придавал значения маминым просьбам класть вещи на свои места. Теперь он наконец-то понял: найти ключ можно, только разложив все в определенном порядке. Он принес коробку, в которую засунул валявшиеся повсюду детские конструкторы. Игрушки и книжки он сложил отдельно. Не прошло и часа, как комната на чердаке, несмотря на обилие пыли и грязи, превратилась в место, вполне пригодное для игр.

— Откуда здесь песок? — удивился Патрик.

— Джиль месяц назад приволок целый ящик: хотел устроить тут пустыню, — объяснил Омри и огляделся вокруг.

Его очень волновала судьба ключика на красной ленте, однако сейчас он чувствовал только гордость. Молодцы они с Патриком, здорово тут все убрали. Омри спустился вниз, взял веник и совок. Нужно собрать песок, только очень аккуратно. Будет ужасно, если они вместе с песком выметут и ключ.

— Давай пойдем в сад и просеем там этот песок, — предложил Патрик.

Они высыпали песок в ящик и просеяли его, обнаружив при этом несколько маленьких вещичек и десятипенсовую монетку.

Ключа не было. Омри не знал, что им делать. Они с Патриком уселись под деревом на лужайке около дома, и Омри достал из кармана индейца и ковбоя.

— Где женщина? — тотчас спросил Литтл Бэа.

— Мне все равно, где женщина. Где наш ужин? — спросил вечно голодный Буа.

Мальчики дали им немного шоколада, а потом Омри вытащил из другого кармана пластмассовую индейскую женщину. Литтл Бэа сразу перестал жевать и уставился на нее. Было видно, что он уже влюблен. Он протянул руку и нежно дотронулся до ее волос.

— Делай настоящий! Прямо сейчас! — потребовал он, шумно вздохнув.

— Я не могу, — сказал Омри.

— Почему? — резко спросил Литтл Бэа.

— Волшебство больше не действует.

Теперь и ковбой перестал жевать. Он и Литтл Бэа обменялись испуганными взглядами.

— Ты хочешь сказать, что не сможешь отослать нас назад? — сдавленным от ужаса голосом прошептал Буа. — Никогда? И мы будем жить в мире великанов? Вечно?

Литтл Бэа молчал. Он сосредоточенно обдумывал слова Омри.

— Разве вам не нравится жить у нас? — спросил Патрик.

— Мне не хочется обижать вас, — сказал ковбой, — но вы только представьте себе, каково бы вам было, если бы я стал большим, как вы, а вы маленькими, как я?

— А ты, Литтл Бэа? — спросил Омри.

Индеец отвел взгляд от женской фигурки, и его ярко блестевшие глаза уставились на Омри.

— Омри хороший, — произнес он наконец. — Но индеец Литтл Бэа — храбрый воин. Вождь ирокез. А как быть храбрый, как быть вождь, если нет другие индейцы?

Омри хотел было сказать, что если бы ключ не потерялся, то он мог бы оживить целую толпу индейцев — просто чтобы сделать Литтл Бэа приятное. Однако его остановила мысль о хлопотах, которые доставят ему маленькие человечки, и он промолчал. Но как же все-таки сделать Литтл Бэа счастливым? Омри грустно смотрел на индейца, пытаясь найти выход из положения. Говорить было не о чем.

Вдруг Омри заметил маму, которая вышла на балкон, чтобы повесить белье. Омри подумал, что мама устала или же ей все

надоело — так медленно она двигалась. Мама постояла немного, посмотрела на небо. Потом вздохнула и стала развешивать белье.

Омри встал и пошел к дому.

— Мам, ты случайно ничего не находила? — спросил он.

— Да вроде бы нет. А что ты потерял? — поинтересовалась мама.

Омри было стыдно признаться, что потерян ключ, который мама просила его беречь как зеницу ока, и он, что-то пробормотав, вернулся к Патрику. Тот как раз показывал индейцу и ковбою муравья. Буа все пытался похлопать муравья по голове, но это ему не удавалось.

— Ну ладно, — сказал Омри, — хватит грустить. Мы что-нибудь придумаем, а пока давай принесем сюда лошадей. Пусть они хоть поскачут на свежем воздухе.

Это всем понравилось. Омри сбегал домой и доставил на лужайку двух лошадей в пустом коробке. Потом Патрик вытоптал небольшую площадку, чтобы лошади могли порезвиться. На эту площадку бесцеремонно уселся довольно большой жук, и Литтл Бэа подстрелил его из лука. Это немного приободрило индейца, хотя и ненадолго. Пока лошади пощипывали траву, Литтл Бэа задумчиво смотрел в одну точку и громко вздыхал. Омри знал, что он думает об индианке в красном платье.

— Можешь не оставаться у нас на ночь, если не хочешь, — сказал Омри.

— Еще как хочу, — ответил Патрик, — если ты, конечно, не возражаешь.

Расстроенному Омри было все равно. Когда их позвали ужинать, он заметил, что Адель старается с ним помириться, но у Омри не было никакого желания разговаривать с ним. В конце концов Адель подошел к брату и, не обращая внимания на его плохое настроение, прямо спросил:

— Что с тобой? Почему ты не хочешь мириться? Ты же получил назад свой дурацкий шкафчик.

— Без ключа он мне не нужен, — ответил Омри.

— Ну, извини! Может, я уронил его по дороге на чердак?..

— По дороге?

Омри даже не подумал об этом.

— Помоги мне, — горячо попросил Омри. — Пожалуйста! Это очень важно!

Полчаса они втроем искали ключ, но тщетно.

Вскоре Джиль и Адель опять зачем-то ушли в школу, а Патрик,

Омри и человечки уселись перед телевизором. Мальчики объяснили ковбою и индейцу, что это такое специальное волшебство, и вся четверка стала смотреть на экран. Сначала показывали фильм о животных. Друзья смотрели его как зачарованные. Потом начался ковбойский фильм. Омри хотел было выключить телевизор, но ковбой так запротестовал, что Омри согласился посмотреть его еще десять минут.

Литтл Бэа сидел, скрестив ноги, у Омри на коленке, а Буа, который перекочевал к Патрику, стоял в нагрудном кармане рубашки, положив локти на его край, сдвинув шляпу на затылок и жуя табак, который нашелся в его собственном кармане.

— Что они говорят? — спросил Буа. — Я ничего не понимаю. О чем это они?

Не прошло и пяти минут, как белые переселенцы, окруженные индейцами, начали стрелять по ним из-за полога фургона. Омри почувствовал, как напрягся Литтл Бэа. Когда индейцы стали падать один за другим, он вскочил на ноги.

— Нехорошо, неправильно! — возмутился вождь.

— Знаешь, что я тебе скажу о твоих индейцах? — закричал в ответ ковбой из кармана Патрика. — Все так и было! Моя мать и отец тоже ехали в таком фургоне, и мой отец застрелил то ли пятнадцать, то ли двадцать этих краснокожих грязных собак!

— Белые люди захватить наша земля! Брать вода, убивать животные!

— Ну и что? Побеждают сильнейшие! И мы победили! Ура! — заорал ковбой, когда на экране еще один индеец упал с лошади прямо под колеса фургона.

Как завороженный, Омри смотрел на экран. Внезапно он услышал тонкий свистящий звук, а потом стон Буа. Он быстро взглянул на ковбоя и похолодел: из груди ковбоя торчала стрела.

Еще мгновение ковбой оставался неподвижным, а потом очень медленно наклонился вперед и беспомощно обвис на кармане.

Смотря фильмы, Омри всегда удивлялся, как это люди (особенно женщины и дети, когда им страшно) могут так громко кричать. Сейчас он почувствовал, что и сам готов издать подобный вопль — вопль ужаса и отчаяния: еще секунда — и он вырвется у него из груди.

Патрик, который пока ничего не заметил, смотрел на Литтл Бэа и, увидев в его руке лук, проследил, куда же целился индеец. И только тогда он перевел взгляд на свой карман. Буа был неподвижен. Его голова болталась на тонкой шее, как узелок на веревке.

— Буа, Буа! — закричал Патрик.

— Не трогай его! — предостерег друга Омри.

Не обращая внимания на индейца, который скатился вниз, когда Омри встал, мальчик осторожно вытащил ковбоя из кармана и положил его на ладонь. Ковбой лежал лицом вверх, и оперенная стрела торчала у него из груди.

— Он умер? — в ужасе шепнул Патрик.

— Не знаю.

— Может, вытащить стрелу?

— Мы не сможем. Пусть это сделает Литтл Бэа.

Медленно и осторожно Омри опустил ковбоя на ковер. Буа не шевелился. Невозможно было определить, куда именно попала стрела — в сердце или в плечо. Она была такая тоненькая, что ребята могли разглядеть только крохотные перышки на ее конце.

— Литтл Бэа, пойди сюда!

В голосе у Омри звенела сталь, ему позавидовал бы даже мистер Джонсон. Такому голосу нельзя было не подчиниться.

Литтл Бэа молча вскарабкался на ладонь к Омри.

— Посмотри, убил ты его или нет.

Литтл Бэа послушно склонился над распростертым телом Буа и приложил ухо к его груди. Постояв так какое-то время, он выпрямился и сказал, в упор глядя на мальчиков:

— Не убить!

Омри мог бы поклясться, что индеец с облегчением перевел дух.

— А теперь вытаскивай стрелу. Да поосторожнее. Если он сейчас умрет, ты будешь виноват вдвойне.

Литтл Бэа аккуратно обхватил стрелу пальцами одной руки.

— Быть кровь, много, надо остановить!

Мама держала в каждой комнате бумажные салфетки — на всякий случай, чтобы никто не смел шмыгать носом, а пользовался салфетками как одноразовыми носовыми платками.

Патрик оторвал маленький кусочек салфетки и скатал шарик.

— Продезинфицируй руки! — приказал Омри.

— А чем? — спросил Патрик.

— Пойди в ванную, там в аптечке есть спирт и йод. Только осторожнее, чтобы мама не увидела.

Когда Патрик убежал, Омри молча сел и пустыми глазами уставился на Литтл Бэа, рука которого все еще сжимала стрелу. Через некоторое время индеец что-то прошептал. Омри низко наклонил голову.

— Что? Что ты сказал?

— Литтл Бэа жалеть...

Омри выпрямился.

— Ты еще больше пожалеешь, если не спасешь его, — отчеканил он.

Ворвался запыхавшийся Патрик с пузырьком йода. Он капнул на свернутый тампон и протянул его Литтл Бэа.

— Давай! — приказал Омри. — Вытаскивай стрелу!

Индеец задрожал.

— Литтл Бэа не уметь. Он не шаман и не доктор. Давать доктор сюда. Он уметь лечить рана хорошо!

— Это невозможно, — сказал Омри. — Волшебство кончилось. Ты должен это сделать сам. Делай, Литтл Бэа, и поскорее!

И снова Литтл Бэа вздрогнул; его пальцы крепче сомкнулись на стреле. Медленно, но уверенно он извлек ее и отбросил в сторону. Потом, когда на клетчатой рубашке ковбоя показалась кровь, он взял тампон и прижал его к невидимой ране.

Буа лежал неподвижно. Его лицо под загаром становилось серым.

— Нужен бинт, — сказал Патрик.

— Мы не сможем приподнять Буа, его нельзя трогать, — заметил Омри. — Давай сюда пластырь!

Патрик опять ушел в ванную. Омри остался с Литтл Бэа и Буа. Индеец наклонил голову и спрятал лицо в ладонях; его плечи вздрагивали.

Неужели он плачет?! От стыда? От страха? А может, он жалеет о случившемся?

Патрик вернулся довольно быстро — с пластырем и маленькими маникюрными ножницами. Он отрезал кусочек липкой ленты, который мог закрыть всю грудь ковбоя, и Литтл Бэа очень осторожно и даже нежно, как показалось Омри, наклеил его.

— А теперь, — приказал Омри, — сними свой плащ вождя и накрой ковбоя.

Литтл Бэа беспрекословно выполнил приказ.

— Я отнесу его наверх и положу в кровать, — сказал Омри. — О боже, если бы у нас был ключ, мы могли бы вернуть Томми, солдата из санитарного батальона.

Когда они медленно поднимались по лестнице, Омри рассказал Патрику о медбрате времен первой мировой войны, который перевязал рану на ноге Литтл Бэа.

— Надо искать ключ! — заявил Патрик. — Мы обязаны его найти!

Литтл Бэа стоял рядом с ковбоем и молчал.

В комнате Омри Патрик устроил для раненого постель из нескольких носовых платков и куска свитера. Омри подсунул под Буа тонкую, но жесткую картонку и осторожно перенес ковбоя на постель. Тот все еще был без сознания. Литтл Бэа молча поглядел на него и вдруг, резко вскинув руки, сорвал с головы свое украшение из перьев и бросил его на пол. Не успел Омри и глазом моргнуть, как вождь принялся топтать этот символ верховной власти. Он прыгал на нем до тех пор, пока от перьев ничего не осталось. Потом он, так ни слова и не сказав, повернулся и кинулся к своему дому. Литтл Бэа то и дело спотыкался о складки ковра, однако не оглядывался. Патрик двинулся было за ним, но Омри придержал его за рукав.

— Пусть побудет один, — сказал он.

ГЛАВА 15
НЕОЖИДАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Омри и Патрик решили, что они будут по очереди дежурить около Буа. Так как свет мог привлечь внимание родителей, Омри решил зажечь свечку, которую они втайне поместили за комодом.

Они надели пижамы и поставили раскладушку, чтобы не вызывать подозрений у мамы, которая обязательно придет пожелать им спокойной ночи.

Когда она вошла, мальчики читали. В этом не было ничего необычного. Омри часто читал перед сном. Мама удивилась, почему Омри не зажег ночника у кровати.

— Ты испортишь глаза, — сказала она.

— Ночник не работает, — быстро ответил Омри.

— Работает, — сказала мама. — Папа починил его сегодня утром. Знаешь, что с ним случилось?

— Что? — нетерпеливо спросил Омри, страстно желая, чтобы мама поскорее ушла.

— Хомяк Джиля устроил себе норку под твоей кроватью, как раз около провода. Он-то его и перекусил. Удивляюсь, как только его током не ударило.

Омри резко сел.

— А где хомяк сейчас?

Мама удивленно посмотрела на него.

— Разве ты не знаешь, что его нигде нет со вчерашней ночи? Мы думаем, что он так и сидит под твоей кроватью.

— Где? Под моей кроватью?! — закричал Омри, встал на колени и стал шарить руками по полу.

— Ты не найдешь его, — сказала мама, — он где-то под половицами. Папа видел его сегодня, но не смог поймать. Когда он выйдет поесть, мы...

Но Омри не слушал ее. Хомяк! Грызун! Почти крыса! Только этого им не хватало.

— Мам! — воскликнул Омри. — Надо поймать его!

— Ты что, боишься? — удивилась мама.

— Боюсь? Какого-то противного хомяка? Конечно, нет. Но мы все равно должны поймать его, — настаивал Омри.

Он страшно разозлился. Зачем только Джиль отпустил своего грызуна на волю! Мысль о том, что хомяк может сделать с маленькими людьми, приводила Омри в ужас. И вообще: почему этот проклятый хомяк выбрал именно его комнату? Ведь дом такой большой! Омри зло дергал угол ковра, стараясь сдвинуть его с места, а мама тем временем пыталась поднять его самого.

— Омри, — сердито говорила она. — Сегодня мы уже поднимали ковер, заглядывали под пол, укладывали все на место. Я не хочу здесь больше ничего трогать. Велика важность — хомяк... Ложись спать. Все!

— Но... — попробовал возразить Омри.

— Никаких «но». Спать! — Мама была непреклонна.

Когда она говорила таким тоном, спорить с ней было бесполезно. Омри лег в постель, мама поцеловала его, потушила верхний свет и закрыла за собой дверь. Как только ее шаги затихли, Патрик и Омри немедленно вскочили на ноги.

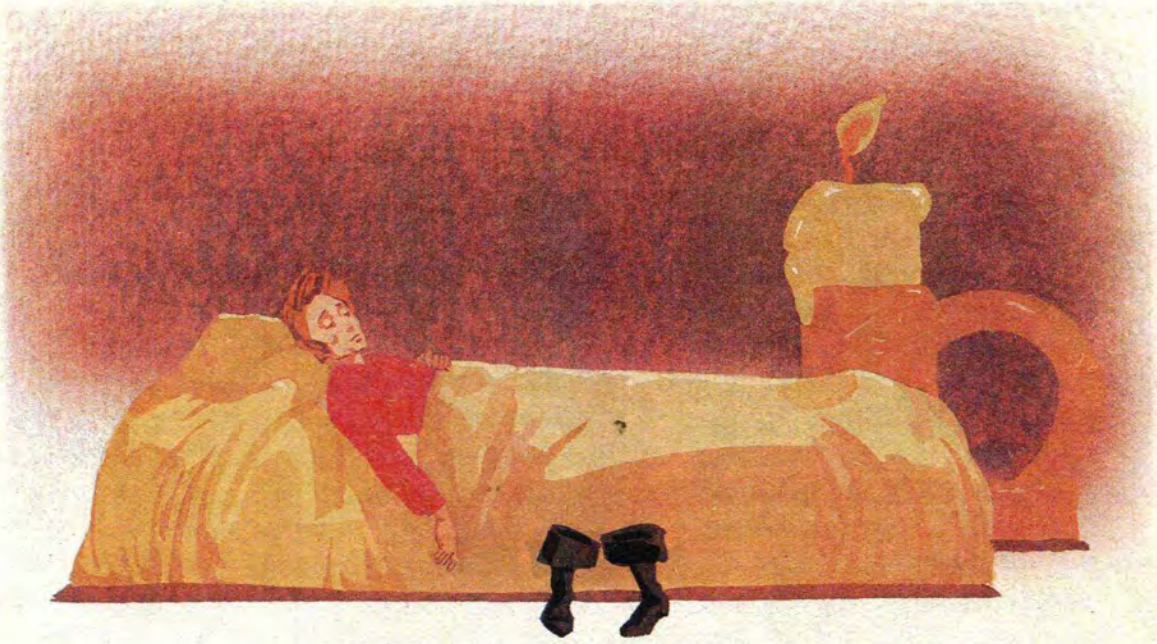
— Теперь мы точно должны дежурить всю ночь, — сказал Омри. — Нам нельзя будет заснуть ни на минуту.

Он зажег свечку, осторожно перенес ковбоя на тумбочку около кровати и сел рядом, не сводя глаз с ужасающе бледного лица Буа. Только напряженно вглядываясь в это лицо, можно было понять, что ковбой еще жив.

— Может, перенесем сюда и дом Литтл Бэа? — предложил Патрик.

В тот момент, когда индеец выстрелил в Буа, Омри так разозлился, что готов был скормить вождя любой крысе, но злость его давно прошла, и он вовсе не хотел, чтобы с Литтл Бэа что-нибудь случилось. Они расчистили место на столе и перенесли туда дом, металлическую тарелку для костра и лошадей. Лошади уже привыкли, что их таскают туда-сюда, и продолжали спокойно жевать траву, которую положили рядом с ними. Литтл Бэа тоже не подавал признаков жизни.

...Время для Омри, сидящего у постели раненого ковбоя, текло бесконечно медленно. Примерно через час мальчик почувствовал, что его голова плывет вместе с пламенем свечи, слегка покачиваясь от сквозняка. Какие-то мысли мелькали в голове, но он никак не мог сосредоточиться. Ему почему-то казалось, что, если он начнет думать о чем-нибудь другом и перестанет волноваться за ковбоя, тот непременно умрет. Омри был уверен, что только благодаря страстному желанию его и Патрика маленькое сердце все еще бьется.

Вдруг Омри осенила одна догадка. Он выпрямился и широко раскрыл глаза. У него даже дыхание перехватило.

— Патрик!

Патрик уже спал, но сразу проснулся и испуганно уставился на Омри.

— Что? Что случилось?

— Я знаю, где ключ!

— Где он? Где?

— Прямо у меня под ногами. Папа поднимал доски под ковром, и я уверен, что ключ провалился под пол. Больше ему быть негде!

Восторг во взгляде Патрика сменился неуверенностью.

— А как же мы его достанем? — прошептал он.

— Нужно опять поднять ковер. Может, не все доски прилегают плотно, может, мы тоже сможем убрать их.

Они, стараясь не шуметь, отодвинули кровать и подняли угол ковра. Другой его конец был прижат ножкой стола. Друзьям пришлось здорово потрудиться, чтобы освободить весь ковер и отволочь его в сторону. Потом Омри лег на живот и прощупал все доски. Он нашел только одну, которую можно было поднять. Очень осторожно, потому что родители еще сидели в гостиной, мальчики приподняли доску и осветили отверстие свечой. К сожалению, они ничего не увидели.

— Придется зажечь настольную лампу, — сказал Омри.

Они зажгли ее, поставили на край доски и постарались заглянуть под пол. Там лежала пыль, которая толстым слоем покрывала балки. Просунув в отверстие руку, можно было постучать в потолок гостиной.

— Поосторожнее, — сказал Омри, — а то папа с мамой услышат.

— Что они услышат? — спросил Патрик. — Мы же ничего не делаем. Нет здесь никакого ключа.

— Значит, он под другими досками, — предположил Омри.

В этот момент они услышали, что их зовет Литтл Бэа, и поднялись с пола. Литтл Бэа стоял на пороге своего дома. Он был босой и полураздетый. Его волосы небрежно свисали на плечи, а грудь, лицо и руки были вымазаны пеплом.

— Что с тобой, Литтл Бэа? — испугался Омри.

— Нужно костер! Нужно делать танец! Танец, чтобы звать духов. Делать Буа живым!

Омри долгим взглядом посмотрел на индейца, и у него в горле встал комок, напомнив ему о днях, когда он плакал. А он-то думал, что эти дни навсегда миновали!

— Литтл Бэа, танцы не помогут. Духи не помогут! Нужен доктор. Чтобы доставить доктора, нужен ключ. Ты поможешь нам найти его?

Ни один мускул не дрогнул на лице Литтл Бэа.

— Моя помогать!

Омри осторожно взял индейца. Опустившись на колени, мальчик просунул руку в отверстие в полу. Патрик держал лампу. Омри разжал пальцы, и Литтл Бэа встал на его ладони, вглядываясь в простиравшийся перед ним темный и пыльный тоннель.

— Я думаю, ключ где-то здесь,— тихо произнес Омри.— Ты должен пройти вперед и все осмотреть; может, где-то есть трещина или дыра, куда он завалился. Мы постараемся посветить тебе, но думаю, что в другом конце все равно будет темно. Ну, что? Ты сможешь это сделать?

— Литтл Бэа идти, — немедленно отозвался индеец.

— Отлично. Постарайся не заблудиться, Литтл Бэа.

Маленькая хрупкая фигурка двинулась в пыльную темноту. Омри снял абажур с лампочки и сунул ее под пол. Сам мальчик не мог даже заглянуть в отверстие, чтобы проследить за Литтл Бэа, который сразу исчез в темноте.

— Там есть проход? — шепотом спросил Омри.

— Да, — ответил индеец. — Большая дыра. Литтл Бэа идти туда. Омри давать свет.

Омри опустил лампу так низко, как только мог.

— Ты видишь что-нибудь? — спросил он громким шепотом.

Ответа не было. Патрик и Омри прижали ухо к полу. Ни звука. Вдруг Патрик сказал:

— Он взял с собой лук и стрелы?

— Нет. А что?

— А то, что он может наткнуться на хомяка!

Омри совершенно забыл о хомяке, думая только о том, как найти ключ. Теперь же у него душа ушла в пятки. Он наклонился совсем низко, и его лицо оказалось почти в дыре. Он чувствовал запах пыли. Хомяк! Противная крыса с розовыми глазками! Этот зверь бродит где-то здесь, и он не ел целые сутки!

— Литтл Бэа! — позвал Омри. — Иди сюда! Возвращайся!

Гробовая тишина. А потом они услышали негромкие звуки. Но это не были шажки Литтл Бэа. Так могли стучать только острые звериные коготки.

— Литтл Бэа!

— Омри! — Это был голос из комнаты внизу. — Что ты там делаешь?

Это спрашивала мама. Потом до него донесся и папин голос:

— Я слышу, как шуршит этот чертов хомяк. Наверное, он не дает спать мальчикам!

Омри был в таком отчаянии, что, наверное, не двинулся бы с места, если бы не Патрик.

— Быстро туши свет! Ложись в постель!

Он подтолкнул Омри к кровати, выхватил у него лампу и потушил свет. Свеча так и осталась под полом. Патрик вернул доску на прежнее место и быстро прикрыл все ковром. Потом он лег на свою раскладушку и закутался в одеяло. Мама была уже у самой двери.

Омри лежал, зажмурив глаза, и еле слышно шептал:

— Не зажигай свет! Не зажигай свет!

В коридоре свет горел, но он не позволял разглядеть что-либо в комнате Омри. Постояв какое-то время на пороге (лет сто, не меньше, как показалось Омри!), мама спросила вполголоса:

— Мальчики, вы спите?

Разумеется, ответа она не получила.

— Омри! — сделала она еще одну попытку.

И все не уходила и не уходила, а Омри едва не плакал,

представляя себе, как противный грызун перекусывает пополам маленького индейца. Наконец мама закрыла дверь и оставила их одних в темноте.

— Подожди, подожди! — шептал Патрик.

Ожидание было настоящей пыткой! Топот маленьких лапок стих, как только раздались мамины шаги и зажегся свет в коридоре, но под полом и теперь стояла тишина, и Омри казалось, что он видит, как хомяк крадется, как дергается его розовый носик и вздрагивают белые усики. Зачем он отпустил Литтл Бэа одного?! Если индеец погибнет, Омри никогда себе этого не простит.

Наконец дверь в гостиную, где сидели родители, закрылась, и мальчики поднялись с кроватей. Патрик первый дотянулся до выключателя. Омри хотел взять лампу, но Патрик настоял на том, чтобы он сначала посмотрел, дышит ли еще ковбой. Он дышал...

Они опять скатали ковер и убрали его в угол, изо всех сил стараясь не шуметь, чтобы не услышали папа с мамой. Потом они подняли доску. Свеча по-прежнему горела, как маленький факел в шахте, отбрасывая странные тени на стены тоннеля.

Омри вновь лег на пол. Он тихо позвал:

— Литтл Бэа, ты там? Иди сюда! Ты в опасности!

Молчание.

— О боже, почему он не идет? — весь дрожа от волнения, прошептал Омри.

И тут они кое-что услышали. Им было трудно определить, что это такое, но то, что этот звук исходил от хомяка, они поняли сразу. Шума бегущих лапок они больше не слышали — только шорох, как если бы хомяк сделал одно короткое быстрое движение.

У Омри сердце замерло в груди, и он весь обратился в слух. Только поэтому он сумел различить тихие шаги человека, спешащего к выходу.

Омри быстро опустил лампу в отверстие и просунул туда руку. Почти тотчас он почувствовал, что Литтл Бэа взбежал к нему на ладонь. Омри едва-едва успел сжать пальцы, как его кулака коснулся мокрый и холодный нос зверька. Он быстро убрал руку, царапая пальцы о доску.

Помимо индейца, в кулаке у него оказалось еще что-то. Это что-то было твердое и тяжелое. Оба мальчика с волнением наклонились вперед. Омри разжал кулак.

На ладони гордо восседал грязный Литтл Бэа, который обеими руками сжимал ключик с красной ленточкой.

— Ты нашел его! Молодец, Литтл Бэа! Ну же, Патрик, быстрее! Доставай свечу и клади на место доску! А я пойду и поищу нашего военного медика.

Ничего больше не опасаясь, они включили верхний свет. Патрик бесшумно опустил на место доску и закрыл пол ковром. Омри в это время шарил в коробке из-под печенья. К счастью, солдатик лежал сверху, как и раньше, прижимая к груди бесценную сумку с медикаментами. Литтл Бэа осторожно подошел к постели ковбоя, посмотрел на его лицо и перевел взгляд на найденный ключ. Омри взял у него ключ, сунул пластмассового медбрата в шкафчик и запер дверь. Он заставил себя сосчитать до десяти, а Патрик, затаив дыхание, следил за ним. Потом Омри открыл дверцу.

Его старый дружок Томми стоял в шкафчике, тер глаза и хмуро оглядывался. Медицинская сумка лежала у его ног.

Как только он увидел Омри, его лицо просветлело.

— О, неужели это опять ты? Я никак не могу проснуться. Минни так грохотала, что я долго не мог уснуть.

— Что это за Минни? — спросил Патрик хриплым от волнения голосом.

— А это кто с тобой? — изумился Томми. — Не надо было мне есть столько сыра за ужином. Перед атакой они не должны кормить нас сыром. Это тяжелая пища для желудка, особенно когда нервы напряжены. Ты спрашиваешь, что такое Минни? Так мы называем «Минненверфер» — один из самых больших немецких снарядов. Когда он летит, он жутко воет, все громче и громче, просто кошмар, а потом он падает, и тогда я должен немедленно взять себя в руки и бежать туда, куда он упал, чтобы помогать раненым.

— У нас тоже есть раненый, — сказал Омри, — и мы хотим, чтобы вы помогли ему.

— Да? Неужели мой старый приятель краснокожий?

— Нет, другой. Пожалуйста, встаньте мне на руку! — попросил Омри.

Омри опустил медбрата у кровати Буа, и Томми сразу же начал профессиональный осмотр.

— Плохи его дела, — сказал он через несколько минут. — Надо бы сделать переливание крови. Я хочу снять повязку и осмотреть рану.

Пока он это говорил, его руки уже разрезали ножницами пластырь на груди ковбоя. Когда пластырь был снят, все увидели, что тампон стал красным от крови. Но Томми сказал:

— Кровь остановилась. Это уже хорошо. А что это было? Пуля?

— Стрела, — сказал Омри, а Литтл Бэа вздрогнул.

— Да-да, теперь и я вижу. Я не очень-то разбираюсь в таких ранениях; надеюсь, наконечник не в ране?

— Нет, его вытащили, — ответил Омри.

— Это хорошо. К счастью, стрела не задела сердце. Я знаю, что мне делать, — сказал Томми.

Он вытащил шприц, заполнил его каким-то лекарством и всадил иглу прямо в грудь Буа. Потом он зашил рану, наложил чистую повязку и обратился к индейцу:

— Ты ведь его приятель, да?

Литтл Бэа посмотрел на медбрата и кивнул.

— Тогда слушай внимательно. Когда он придет в себя, дашь ему три вот этих таблетки. Это препарат железа, который поможет ему быстро встать на ноги. А вот эти таблетки снимут боль. Надеюсь, рана не воспалится.

— Если такое вдруг случится, нам понадобится пенициллин, — сказал Патрик. У него однажды была ссадина на ноге, которая потом воспалилась из-за инфекции.

Томми изумленно посмотрел на Патрика.

— Пенициллин? А что это?

Омри толкнул Патрика, подумав: «В то время никакого пенициллина еще не было».

— Лучшее, что я могу пока предложить, это глоток бренди, — сказал Томми, достал фляжку и влил несколько капель в горло Буа.

— Видите? — весело сказал он. — На лице появился румянец, значит, он вот-вот откроет глаза. Я в этом уверен. Потеплее укройте его, это очень важно. А мне пора идти, я хотел сказать — пора просыпаться. Если еще одна Минни упадет, я буду нужен на поле боя.

Омри отнес его в шкафчик.

— Томми, — обратился он к медбрату, — а вдруг Минни упадет на ВАС?

— Что тут поделаешь? Все может быть... Тогда я больше не увижу этот сон. Я буду петь в хоре на небесах. До свидания! Закрывай дверь! Мне кажется, я слышу, как меня зовут. Носилки! Носилки!

Омри благодарно улыбнулся ему. Мальчику не хотелось отсылать медбрата назад, но было ясно, что Томми не терпится вернуться.

— До свидания, Томми! Спасибо! Удачи вам! — попрощался Омри и захлопнул дверь.

С другого конца комода послышался крик Литтл Бэа:

— Омри, сюда! Буа открыть глаза! Буа проснуться!

Омри и Патрик повернулись к человечкам. Действительно, ковбой открыл глаза и смотрел прямо на индейца.

— Что случилось? — спросил он слабым голосом.

Никому не хотелось отвечать, и все молчали. Наконец Литтл Бэа произнес:

— Моя стрелять.

— О чем ты говоришь, сумасшедший индеец, — сказал Буа, — я спрашиваю, чем закончился фильм? Перестреляли белые переселенцы краснокожих или грязные краснокожие сняли скальпы с белых людей?

Литтл Бэа шумно вздохнул, его голова, низко опущенная от стыда, опять гордо вскинулась, а рука (Омри ясно это видел) потянулась к ножу. К счастью, ножа за поясом не оказалось. Индеец вскочил.

— Буа закрыть рот, он оскорблять индейские братья! Литтл Бэа снова стрелять, хорошо стрелять в этот раз. Снять скальп, повесить на столб. Скальп Буа слишком грязный, чтобы висеть на пояс вождь ирокез.

Тут он схватил свой плащ, которым он укрыл ковбоя, и накинул его на свои плечи.

На Омри эта сцена произвела неприятное впечатление. А Патрик рассмеялся. Смеясь, он закрыл ковбоя самодельным одеялом, подоткнув его со всех сторон. Омри взял индейца и зажал его между большим и указательным пальцами.

— Ты, значит, забрал свою накидку, — зашипел он свирепо. — А вождь должен уметь сдерживать свой гнев.

Он поднял с пола растоптанное украшение из перьев и надел его на голову Литтл Бэа.

— Посмотри на себя в зеркало!

И он поставил Литтл Бэа перед зеркалом. Индеец бросил короткий взгляд на свое отражение и закрыл лицо руками.

— Ты только подумай, что ты сделал со своим другом!

— Не другом, а врагом! — прошептал Литтл Бэа.

Но гнева и злости в его голосе уже не было.

— Кто бы он ни был, делай то, что велел тебе Томми! Где таблетки? Мы с Патриком даже не видим их, такие они маленькие. А когда Буа поправится, знаешь, что будет? Он станет твоим братом по крови!

Литтл Бэа бросил на него быстрый взгляд.

— Брат по крови!

— Вы оба сделаете надрезы на запястье и соедините руки, чтобы кровь смешалась, и после этого вы больше не будете врагами. Это старый индейский обычай.

Литтл Бэа выглядел озадаченным.

— Такой индейский обычай нет.

— Я уверен, что есть. Я смотрел фильмы.

— Это выдумка бледнолицый!

— Но ты мог бы это сделать?

Литтл Бэа молчал: он думал.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Литтл Бэа давать Буа лекарство, делать его брат, когда он здоров. А Омри сделать настоящая жена из пластик для Литтл Бэа.

— Только не сегодня! — твердо сказал Омри. — Хватит нам приключений. Сегодня ты будешь дежурить около Буа всю ночь, дашь ему лекарство, питье, ну и все такое. А завтра, если все будет хорошо, я сделаю твою женщину настоящей. Обещаю тебе!

ГЛАВА 16
БРАТЬЯ ПО КРОВИ

Хотя Омри ужасно устал и хотел спать, уснуть он не мог. Патрик же уснул сразу, как только лег на раскладушку. Омри при свете свечи смотрел на стол, где находились Буа и Литтл Бэа. Индеец сидел, скрестив ноги, прямой и сосредоточенный. Иногда Омри закрывал глаза, засыпал ненадолго, а потом опять просыпался и сразу встречал немигающий взгляд Литтл Бэа.

Возможно, Омри не мог уснуть из-за хомяка, который топал где-то под полом, бегая туда-сюда, и этот топот маленьких лапок раздражал мальчика. Однако не это было главной причиной бессонницы. Омри не давали уснуть его мысли.

Что же делать?

Он обещал Литтл Бэа оживить пластмассовую женщину. А что потом? У Омри хватало забот и с одним Литтл Бэа, которого надо было кормить и о котором надо было бы еще и держать все в секрете. Когда появился ковбой, стало значительно труднее. А теперь еще надо оживлять женщину. Омри представлял, сколько забот ляжет ему на плечи. А вдруг у индейца появятся дети?..

Несмотря на непредсказуемость характера Литтл Бэа, на его требовательность и грубость, он нравился Омри. И мальчик хотел бы сохранить его. Но Омри понимал, что это невозможно. Что бы ни происходило с Литтл Бэа, все заканчивалось неприятностями.

Какая бы волшебная сила ни оживляла этих пластмассовых людей, она должна быть использована еще раз, чтобы отправить их обратно в то время и в то место, где они жили.

Приняв это печальное решение, Омри уснул. Когда он открыл глаза, уже рассвело, за окнами пели птички. Свеча почти догорела. Хомяк под полом, наверное, тоже уснул, по крайней мере, его не было слышно. Литтл Бэа, уронив голову на грудь, спал, сидя около Буа. Омри вгляделся в лицо ковбоя. Оно уже не было серым. Буа явно шел на поправку. Конечно, плохо, что Литтл Бэа заснул, но он сделал все, что мог, это было очевидно. Омри поднялся. Его школьная курточка висела на крючке около двери. Пластмассовая женщина лежала в кармане. Тихо, на цыпочках, чтобы не разбудить Патрика, Омри подошел к куртке и вытащил женщину из бумажного пакетика. Потом он достал из шкафчика

пластмассового медбрата, поставил на его место на полке индейскую девушку и запер дверцу.

Услышав легкий шорох, он приоткрыл шкафчик, чтобы девушке не было страшно в темноте, и опять забрался в кровать. Укрывшись с головой одеялом, он оставил щелку для глаз и замер, ожидая, что будет дальше.

Сначала ничего не происходило. Потом дверца тихо открылась, и из шкафчика вышла красивая индейская девушка. В комнате было довольно светло, и Омри хорошенько рассмотрел черные волосы, медную кожу и ярко-красное платье. Он не видел выражения ее лица, но догадывался, что она была удивлена. Она огляделась и сразу же увидела Буа, лежащего на самодельной кровати из платков, и Литтл Бэа, дремавшего около него.

Приблизившись к ним, девушка остановилась рядом с Литтл Бэа, не зная, будить его или нет. Видимо, она решила не будить, потому что бесшумно уселась напротив индейца, так же скрестив ноги.

Она сидела и смотрела на индейца. Все трое были так неподвижны, что можно было подумать, будто все они еще пластмассовые. Птички за окном вдруг весело защебетали, и Литтл Бэа резко выпрямился.

И тотчас увидел ее. Омри заметил, как напряглись его спина и шея. И как они смотрели друг на друга! Это продолжалось довольно долго. Потом оба медленно встали.

Литтл Бэа заговорил с ней на незнакомом языке. Она тоже что-то сказала. Он улыбнулся. Стоя по разные стороны постели ковбоя, они некоторое время тихо беседовали. Потом Литтл Бэа осторожно взял ее за руку.

Они стояли молча, а потом их руки разжались. Литтл Бэа указал на Буа и начал что-то говорить девушке. Девушка наклонилась, бережно коснулась ковбоя и кивнула Литтл Бэа. Индеец оглянулся и увидел Омри. Омри приложил палец к губам, как бы говоря:

— Не рассказывай ей обо мне!

Литтл Бэа понял его. Он взял девушку за руку и повел ее в дом. Через минуту он вышел оттуда и остановился на краю стола.

— Она тебе нравится? — спросил Омри.

Литтл Бэа опустил руку к поясу и отстегнул его.

— Нравится. Хороший жена для вождь. Литтл Бэа много платить за жена.

И он протянул Омри свой пояс, сделанный из блестящих колец.

— Теперь Омри слушать Литтл Бэа. Женщина сказать, Буа

лучше, не умирать. Литтл Бэа рад. Омри брать Буа, положить в дом. Женщина давать лекарство, ухаживать. Омри готовить еда. Делать свадьба.

— Какая свадьба? Ведь вас, индейцев, только двое.

— Да, не хорошо. Омри делать много индеец для свадьба, — с надеждой произнес он.

Омри отрицательно покачал головой, и Литтл Бэа помрачнел.

— Литтл Бэа, может быть, ты устроишь свадьбу со своим народом? — спросил Омри.

Литтл Бэа был не дурак и сразу понял, о чем говорит Омри. Он пристально посмотрел на мальчика.

— Положить в шкафчик, послать назад?

Он говорил спокойно, и Омри не мог понять, нравится ему эта идея или нет.

— Ну, что ты скажешь? Так будет лучше?

Индеец очень медленно кивнул.

— А Буа?

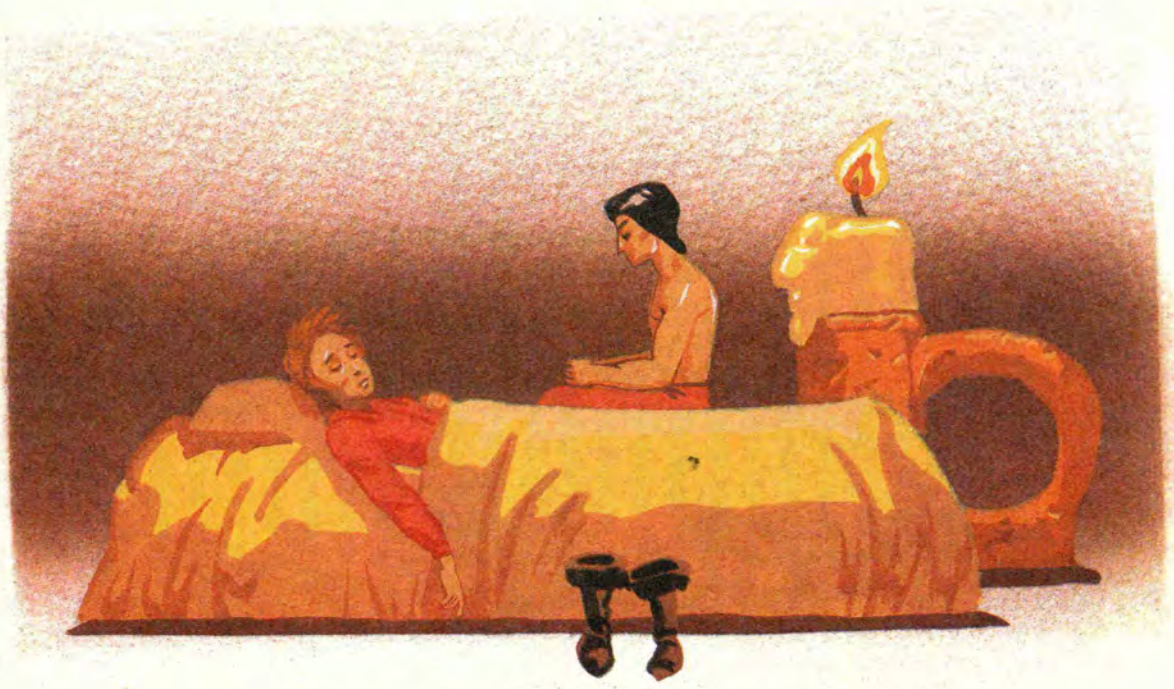
— И его тоже.

— Делать сначала моя брат.

— Да, а потом я вас отправлю назад.

— Когда?

— Когда Буа выздоровеет.

Раз уж Омри принял такое решение, то каждый прожитый день приближал их всех к расставанию. Патрику было так же грустно, как и Омри, но он не спорил с ним.

— Наверное, ты прав. Это единственное решение, — только и сказал Патрик, и больше они об этом не говорили, просто Патрик старался бывать у Омри как можно чаще.

Буа, к счастью, поправлялся и не причинял много забот. Правда, через день-два он уже потребовал, чтобы к нему привели лошадь (ему хотелось с ней поговорить), а также принесли чего-нибудь вкусненького на завтрак, обед и ужин и дали выпить.

— Разве может человек поправляться, если его так плохо кормят? — жалобно вопрошал он.

А однажды он притворился, что ему плохо и что он потерял сознание, и Омри принес из гостиной полную столовую ложку виски и влил его в горло ковбоя, прежде чем индейская девушка, которую, кстати, звали Брайт Стар — Яркая Звезда (наверное, за ее блестящие глаза), сказала, что Буа чувствует себя хорошо и только притворяется.

И все же после этой огромной дозы виски Буа почувствовал себя значительно лучше, так что Омри и Патрик решили, что беды не будет (в конце концов, он давно привык к виски), и давали ему спиртное три раза в день.

— Завтра он будет совсем здоров, — сказал Омри на четвертый день, когда Буа, удрав от заботливого Литтл Бэа, благополучно дважды проскакал на лошади вокруг дома.

«Может, там за ним будут ухаживать лучше, чем это делаем мы?» — подумал Омри.

Неожиданно его осенило, и он достал рисунок, который Буа нарисовал в школе.

— Это твой родной город, Буа? — спросил Омри.

— Точно, — ответил Буа.

Омри тщательно рассмотрел его с помощью увеличительного стекла. В конце улицы он увидел дом с вывеской «Доктор».

— Он хороший врач? — спросил Омри, указывая на вывеску.

— Думаю, хороший. Вынимает пули и лечит змеиные укусы. Он спас одного парня от смерти, положив горячий уголь ему на живот. Он никогда не делает операции, пока не убедится, что человек в доску пьян, да и денег за это не берет.

Омри и Патрик переглянулись.

— Думаешь, ты попадешь в хорошие руки? Этот врач станет лечить тебя? — заботливо спросил Патрик.

— Конечно, станет. Рана заживает отлично. Если я буду почаще пить виски, я очень скоро поправлюсь! — весело сказал Буа.

У него было хорошее настроение, он уже начал забывать о случившемся и не держал зла на Литтл Бэа за то, что индеец выстрелил в него.

— Это их натура такая, индейская, — говорил он.

Накануне расставания Омри и Патрик провели церемонию братания.

— Я бы хотел пригласить твоих братьев, — сказал Патрик. — Они ни за что не поверят, если мы им обо всем расскажем.

— Что до моих братьев, то я хочу только одного: чтобы они держали своего грызуна в клетке, — сказал Омри, который давно уже поймал хомяка, терпеливо высидев два часа у дыры в полу с куском сыра и сеткой в руке. Отдав зверька Джилю, он взял с брата слово никогда больше не выпускать хомяка на волю.

— Мы отсылаем их назад, — медленно продолжал Омри, — но это вовсе не означает, что волшебство перестает действовать. Я хочу спрятать ключик куда-нибудь подальше, чтобы самому не соблазниться, но я всегда буду помнить, где он лежит.

— А я и не подумал об этом, — удивленно глядя на Омри, сказал Патрик. — Здорово! Мы можем в любой момент, через месяц или даже через год, оживить Буа и Литтл Бэа.

— Не знаю, — засомневался Омри, — может, у них будет тогда совсем другое время. Так ужасно, если они окажутся старыми или...

Омри не мог сказать «умрут», у него просто язык не поворачивался. Ведь Буа и Литтл Бэа жили в такое опасное время! Омри переменил тему.

После школы мальчики пошли в магазин и купили праздничной еды: соленых орешков, хрустящей картошки, шоколада.

Омри купил сто граммов лучшей ветчины для малюсеньких бутербродов, а еще хлеб, пирожные и кока-колу. Дома Омри потихоньку взял и еще кое-что, без чего Буа не представлял себе праздника.

Омри удивился, как легко Буа согласился стать братом краснокожего. Ковбою даже понравилось это предложение.

— Не каждый может стать братом индейского вождя, — сказал он гордо и закатал рукав.

Брайт Стар осторожно вымыла ему руку теплой водой с мылом.

Но когда Буа увидел, как Литтл Бэа точит свой нож, он побледнел.

— Ой, ведь будет больно! — в панике зашептал он, и Патрик стал уговаривать его не бояться.

— Это только маленькая царапина.

— Это тебе «только»! Что-то не нравится мне эта ваша идея.

Правда, он несколько приободрился, когда увидел костер и почувствовал запах мяса, которое Брайт Стар жарила на металлическом шампуре, а уж когда Омри дал ему глотнуть из мензурки, он совсем осмелел и храбро протянул руку.

— На, брат, режь, — сказал он громко.

Литтл Бэа первым совершил весь положенный обряд. Он вымыл руки, помолился духам предков и исполнил замечательный танец вокруг костра. Потом он кончиком ножа сделал маленький надрез на собственной руке. Показалась кровь. Буа взглянул на нее и разрыдался.

— Я не хочу, я передумал! — сквозь слезы выкрикивал он.

Но было уже поздно. Литтл Бэа схватил его руку, и, прежде чем Буа понял, что происходит, надрез был сделан.

Брайт Стар связала им руки красной ленточкой, отрезанной от подола ее платья. Буа говорил:

— А хорошо, что мы это сделали. Я теперь немного индеец. Теперь, наверное, мне больше нельзя ругать их.

Потом два «брата» подсели к костру, и Брайт Стар положила

каждому на картонную тарелочку мяса и всякой другой еды. Патрик и Омри поздравили их и тоже принялись есть.

Смотря на костер и три фигурки вокруг него, мальчики чувствовали себя такими же маленькими.

— Мне кажется, я такой же, как они, — шепнул Патрик.

— Мне тоже так кажется, — сказал Омри.

— По-моему, если бы мы все были одного размера, проблем было бы куда меньше, — заявил Патрик.

— Не смеши! Знаешь, сколько хлопот доставили бы нам двое взрослых мужчин — индеец и двухметровый плакса-ковбой! — отмахнулся Омри.

— Я говорю, если бы мы были такими же маленькими, как они, мы могли бы войти в их мир, спать в вигваме, скакать на лошади...

— Я бы не отказался съесть один из этих бутербродов, — сказал Омри.

Брайт Стар сидела у костра и что-то тихонько напевала. Одна из лошадей ржала. Буа задремал на плече своего нового брата. Только Литтл Бэа видел, что мальчики наблюдают за ними. Он приветственно поднял руку.

Когда Омри наклонился к нему, он сказал:

— Пора!

— Пора? Ты думаешь, настало время вернуться назад?

— Хороший время. Все счастливые. Не надо ждать утро.

Омри посмотрел на Патрика. Тот согласно кивнул.

— Когда ты будешь в шкафчике, — сказал Омри, — ты должен держать за руку Брайт Стар, если она, конечно, согласна отправиться с тобой к твоим людям.

— Женщина идти с Литтл Бэа. И Литтл Бэа держать ее. И лошадь. Ирокез хотеть лошадь.

— Но Буа ты с собой не бери. Не заставляй его возвращаться в твое время. Индейцы могут убить его, хотя он и твой брат по крови.

Литтл Бэа посмотрел на спящего Буа, на их соединенные руки. Потом он вытащил нож и разрезал ленточку, связывающую их запястья. Патрик осторожно поднял Буа.

— Не забудь его шляпу! Он не простит нам, если мы его отправим без шляпы!

Они усадили Буа на лошадь. Ковбои умеют спать в седле, и Буа даже не пошевелился, когда Литтл Бэа повел его лошадь через весь стол туда, где стоял шкафчик. Потом Литтл Бэа вер-

нулся к костру. Он и Брайт Стар аккуратно засыпали костер землей. Литтл Бэа бросил последний взгляд на свой дом, усадил девушку на лошадь и повел животное к шкафчику. У самой дверки он остановился. Все молчали. Омри уже поднес руку к замку, когда Патрик вдруг сказал:

— Я разбужу Буа. Я должен сказать ему «до свидания»!

Услышав свое имя, Буа и сам проснулся и так вздрогнул, что чуть не свалился с лошади.

— Ты что хочешь, детка? — спросил он Патрика, который наклонился над ним.

— Ты едешь домой, Буа. Я хочу попрощаться с тобой.

Буа посмотрел на него, и его лицо неожиданно скривила горькая гримаса.

— Я терпеть не могу прощаться, — пробормотал он, борясь с рыданиями, и вытащил из кармана огромный красный платок. — Я не могу говорить «до свидания» и не буду! Я могу только плакать!

Он громко высморкался.

Омри и Литтл Бэа переглянулись. Необходимо было что-то предпринять. Наверное, следовало придумать какое-то особое прощание. Литтл Бэа спас положение.

— Омри, дать рука!

Омри протянул руку, Литтл Бэа взялся за мизинец и слегка уколол его. Появилась капелька крови. Литтл Бэа прижал его палец к своему запястью.

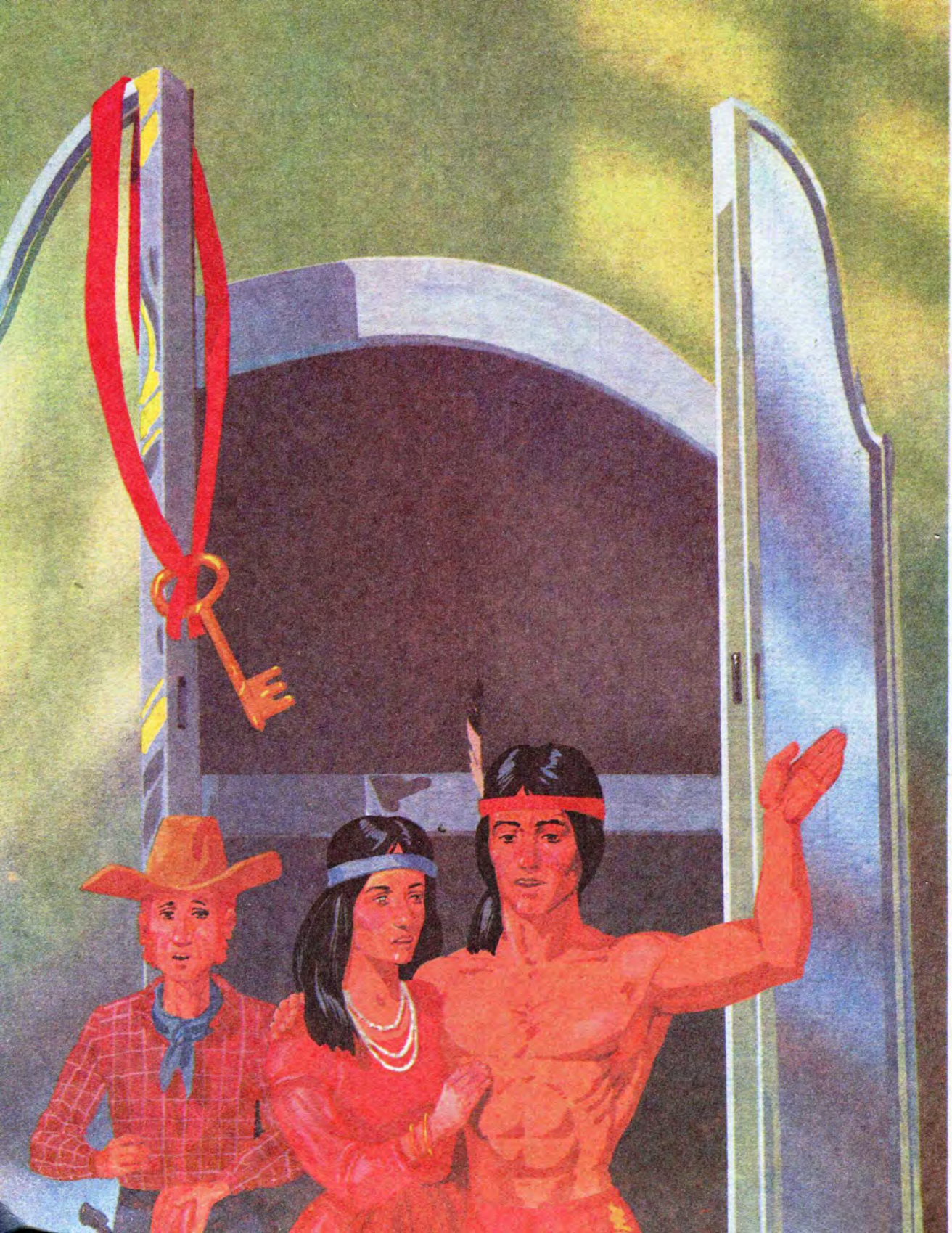
— Брат, — сказал он, в упор глядя на Омри черными блестящими глазами.

Омри убрал руку.

Литтл Бэа вскочил на лошадь и крепко обхватил Брайт Стар за талию. Он, она и лошадь в это мгновение слились в единое целое, и их нельзя было разъединить во время предстоящего им волшебного путешествия. Литтл Бэа поднял руку в индейском приветствии. Омри положил ладонь на дверь шкафчика. Он никак не мог заставить себя закрыть ее. Буа и его лошадь стояли спокойно, а лошадь Литтл Бэа с громким ржанием пританцовывала на месте.

— Давай! — крикнул Литтл Бэа.

Омри, затаив дыхание, закрыл дверь и повернул ключ. Оба мальчика застыли, печальные и молчаливые. Волшебство действовало. Они сосчитали до десяти. Потом Омри, который так и не убрал руки с ключа, очень медленно повернул его в обратную сторону и распахнул дверцу.

Они стояли там, пластмассовые фигурки, оболочки, силуэты людей, которыми они только что были. Каждый из мальчиков взял свою фигурку и грустно поглядел на нее. Пластмасса, конечно же, не могла передать ни пышности волос, ни блеска глаз.

Патрик встретился взглядом с Омри. У обоих глаза были на мокром месте.

— Надо их вернуть, — сказал Патрик, — на минутку...

— Нет.

— Ты прав, я знаю. Они теперь дома.

Омри поставил свои фигурки — индейца, девушку и лошадь — на полку около кровати, где они всегда будут на виду. Туда же он положил и пояс, который подарил ему Литтл Бэа. Пояс так и остался настоящим. Патрик сунул руку с ковбоем в карман и держал его там, как будто старался согреть Буа своим теплом.

Потом Омри взял ключ и вышел из комнаты.

Мама была в кухне и разливала по стаканам теплое молоко. Она посмотрела на Омри и замерла.

— Что с тобой, сынок? Что случилось?

— Ничего, мама. Я хочу отдать тебе этот ключ и попросить, чтобы ты хранила его. Я его потерял, а потом нашел; ты сказала, что он дорог тебе. Храни его, пожалуйста!

Она хотела отказаться, но, пристально посмотрев сыну в лицо, взяла ключ.

— Я куплю цепочку и буду носить его, — сказала она, — как я и собиралась сделать раньше.

Она обняла Омри и крепко прижала его к себе. Он весь дрожал, а потом вырвался из ее рук и побежал в комнату, где по-прежнему стоял Патрик и смотрел на шкафчик.

— Я положу туда лекарства, — сказал Омри громко. — Все банки и склянки из-под лекарств, которые мама даст мне. И можно играть во врача, смешивать самим всякие микстуры.

Его голос сорвался. Все эти детские игры — такая глупость! Он понял, что игры ему больше не интересны.

— Наверное, мне пора, — сказал Патрик.

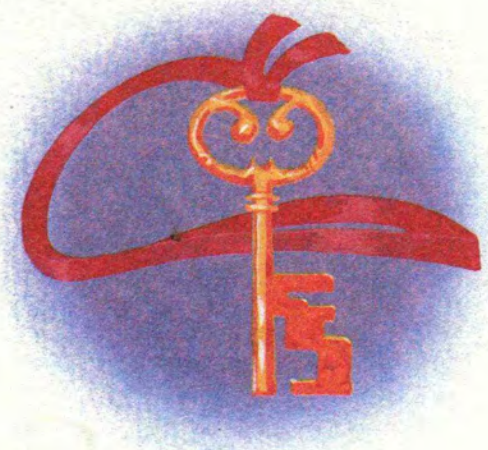
— А что мне делать с этим шкафчиком? — спросил Омри дрожащим голосом.

— Пусть он стоит пустой, — сказал Патрик. — На всякий случай.

Он не сказал, на какой случай. Да этого и не надо было говорить. Им и так было ясно, ЧТО имеется в виду.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ПОДАРОК 5
Глава 2. ДВЕРЬ ЗАКРЫВАЕТСЯ 13
Глава 3. ТРИДЦАТЬ СКАЛЬПОВ 26
Глава 4. ВЕЛИКАЯ СИЛА ПРИРОДЫ 37
Глава 5. ТОММИ 41
Глава 6. ВОЖДЬ УМЕР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЖДЬ! 46
Глава 7. НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ 55
Глава 8. КОВБОЙ 65
Глава 9. ПОЕДИНОК 74
Глава 10. ПЕРЕМИРИЕ ЗА ЗАВТРАКОМ 83
Глава 11. ШКОЛА 89
Глава 12. НЕПРИЯТНОСТИ С ДИРЕКТОРОМ 97
Глава 13. ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ 107
Глава 14. ПРОПАВШИЙ КЛЮЧИК 119
Глава 15. НЕОЖИДАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ 129
Глава 16. БРАТЬЯ ПО КРОВИ 140

Сказочной повестью «ИНДЕЕЦ НА ЛАДОНИ» издательство «Дом» открывает юным читателям новое имя — Линн Бэнкс.

Книги этой писательницы хорошо известны мальчикам и девочкам не только в родной стране автора — Великобритании, они переведены на многие языки и переиздаются в разных странах. Теперь удивительную историю, происшедшую с обыкновенным английским мальчиком по имени Омри, узнают и ребята России. Надеемся, что эта повесть будет интересна не только тем мальчикам, которые любят играть в индейцев.

А если юным читателям захочется узнать и о других приключениях наших героев, то им придется немного подождать — очень скоро в издательстве «Дом» выйдет и вторая книга Линн Бэнкс, которая называется «ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЖДЯ ИРОКЕЗОВ».

И(Англ)
ББК 84.4Вл
Б 97

Бэнкс Л.
Б97 Индеец на ладони: Сказочная повесть /Пер. с англ. Илл. А.Г. Воробьева. – М.: Дом, 1994. – 152 с.: ил.

ISBN 5-85201-262-9

Сказочная повесть «Индеец на ладони» современной писательницы из Великобритании Линн Бэнкс впервые переведена на русский язык.

Юным читателям будет интересно познакомиться с героями этой книги, узнать о необыкновенных событиях, происшедших в наши дни в самом обыкновенном английском доме.

Б 4804010100-029
062(02)-94

ББК 84.4Вл

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

Линн Рид Бэнкс
ИНДЕЕЦ НА ЛАДОНИ
Сказочная повесть

Редакторы *Б. Давыдова, Н. Крылова*
Художественный редактор *М. Тюрина*
Технический редактор *Л. Каменева*
Корректоры *О. Иванова, И. Панкратьева*
Компьютерный набор, верстка *Г. Балашова*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 030077 от 16.08.91. Сдано в набор 18.03.94. Подписано в печать 20.04.94. Бумага офсетная. Формат 84×108/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 13,08. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2578. С-029.

Издательство «Дом» Российского детского фонда.
101000, Москва, Мясницкая ул., 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

© Copyright by Lynne Reid Banks, 1980
© Перевод. Издательство «Барбара», 1994
© Иллюстрации. А.Г. Воробьев, 1994
© Издательство «Дом», 1994

ISBN 5-85201-262-9

• ДОМ •